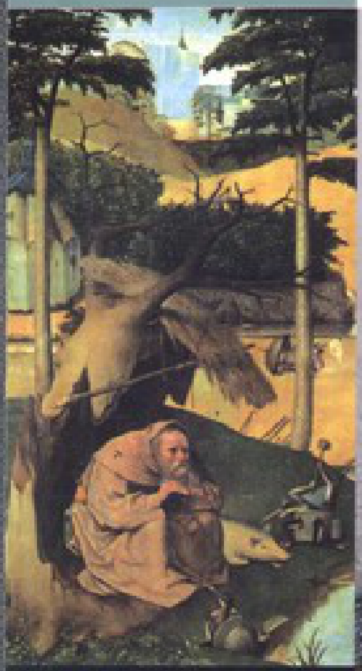
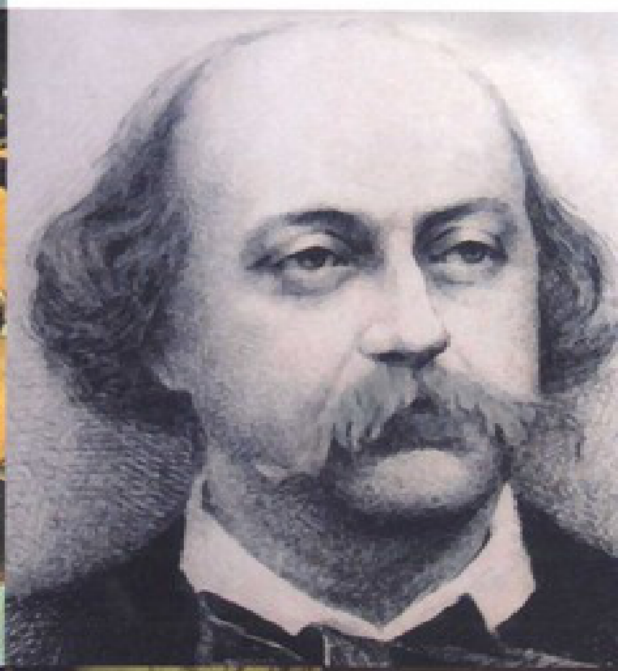
ФЛОБЕР





Бернар Фоконье

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь Гюстава Флобера (1821–1880) — это история одержимости писательским трудом. Ради воплощения творческих замыслов этот энергичный, радушный и влюбчивый человек жертвовал буквально всем. 58 лет его земного бытия не отмечены высокой романтикой и яркими событиями: нечастые путешествия, несколько коротких романов, почти полное отсутствие честолюбивых стремлений и политической ангажированности. Биография Флобера, по словам Жан Поля Сартра, «такая пресная и скучная», способна тем не менее заинтересовать читателя напряженной внутренней жизнью писателя и пульсацией его творческой мысли.

знак информационной продукции 18+

- Бернар Фоконье
  - ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА В РУАНЕ
  - ПЕРВЫЕ ЮНОШЕСКИЕ ВЛЮБЛЕННОСТИ
  - ПРАВО ВЕЛИКОЕ И УЖАСНОЕ
  - ПРИЮТ ОТШЕЛЬНИКА
  - ОДНА СВАДЬБА И ДВОЕ ПОХОРОН
  - ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА
  - СВЯТОЙ АНТОНИЙ В ПУСТЫНЕ
  - ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК
  - ПРОТОТИП ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА
  - ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС
  - «САЛАМБО»
  - ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ
  - «ЕСЛИ БЫ БЫЛО БОЛЬШЕ ПРОСВЕЩЕННЫХ ЛЮДЕЙ!»
  - ПРИЗРАЧНЫЕ ДРУЗЬЯ
  - ОДИЧАНИЕ
  - ИСКУШЕНИЕ ТЕАТРОМ
  - БАНКРОТСТВО
  - ТРИ «ХРИСТИАНСКИЕ» ПОВЕСТИ
  - ЭПОПЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГЛУПОСТИ
  - КОНЧИНА ПИСАТЕЛЯ И ТО, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОЗДНЕЕ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГЮСТАВА ФЛОБЕРА
  - ЛИТЕРАТУРА
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89

- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133

- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177

- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221

- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265

- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309

- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353

- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396

Бернар Фоконье
Флобер

ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА В РУАНЕ

Жизнь Гюстава Флобера — это история творческой личности, принесшей себя в жертву ради удовлетворения единственной страсти: сочинять литературные произведения. В самом деле, на свете не так уж много найдется известных писателей, способных отождествлять себя с персонажами своих произведений до такой степени, что их собственная жизнь отступала бы на второй план. 58 лет, прожитых Флобером на этой земле, лишены даже налета

романтизма. Несколько путешествий и коротких романов, которые заканчивались, казалось, едва успев начаться, отсутствие карьерных устремлений и честолюбивых помыслов, в том числе политической ангажированности, если не считать отдельных нелестных высказываний в адрес коммунаров и прочих революционных деятелей, за что он мог бы прослыть в глазах общественности реакционером. Правоверный католик, в большей степени из-за стремления к порядку в обществе, чем по глубокому внутреннему убеждению, с заметной примесью антиклерикализма, присущего большинству творческих личностей того времени. Счастливое детство в окружении любящей и заботливой семьи, безбедная жизнь рантье в зрелые годы. Это лишь то, что лежит на поверхности.

Тем не менее жизнь этого писателя — что может показаться странным — походит на увлекательный приключенческий роман. Он целиком и полностью посвятил себя творчеству и поискам совершенной формы, поискам самого себя. Никогда Гюстав Флобер, за исключением редких случаев, не писал ради денег или женщин, как Бальзак, или ради славы, как Шатобриан и Гюго. Его перо изысканно. Каждый его роман — это вызов обществу, выражение глубоко скрытой боли. В этом смысле он реализует, возможно в большей степени, чем какой-либо другой литературный деятель, стремление возвести писателя в ранг некого мирского святого, исповедующего единственную религию — литературу, представляющую собой, по его мнению, последнее прибежище правды и красоты, в противовес изменчивому и сотрясаемому до основания окружавшему его безумному миру. Невозможно понять Флобера, обрекшего себя на жизнь отшельника, без того, чтобы не проникнуться его навязчивой идеей: одна лишь красота способна спасти этот мир с его неуемной жаждой наживы и вздорными демократическими поветриями. Высокомерию буржуазного общества и политическому мессианству Флобер противопоставляет свое совершенное по форме и глубокое по содержанию творчество. К тому же до конца непознанное. На протяжении последних ста пятидесяти лет кто только не пытался толковать его произведения: и университетские ученые мужи, и писатели с воспаленным воображением. Так, Сартр в своем произведении «Идиот в семье» скупыми мазками рисует портрет Флобера, напоминающий собственный автопортрет. «В смерть дверь открыта для всех», — пишет он. Возможно, весь секрет состоит в том, что эта спокойная, размеренная жизнь, где место ярких событий и увлекательных приключений занимает одно лишь Слово[1], вызывает интерес своей неразгаданной тайной и

постоянной внутренней борьбой писателя с самим собой…

Гюстав Флобер родился 12 декабря 1821 года в родильном отделении городской больницы Руана, где главным хирургом работал его отец Ашиль Клеофас Флобер, который, как считают, преуспел в своей профессии. Родом из Шампани, Ашиль получил блестящее медицинское образование в Париже, откуда он отправился в Руан работать по специальности под началом доктора Ломонье, главного хирурга местной больницы.

В 1812 году в 27-летнем возрасте Ашиль женился на Анне Жюстине Каролине Флерио, сироте, которую приютил доктор Ломонье. Будущая мать Гюстава, сыгравшая весьма важную роль в его жизни, была скромной и привлекательной юной особой. Впрочем, нельзя сказать, что она была без роду-племени. Жюстина Каролина имела аристократические корни и принадлежала к знатному роду Камбремер де Круасмар. В действительности приставку «де Круасмар» присоединил к своей фамилии один из предков писателя, когда женился на вдове одного из Круасмаров. Флобер на протяжении всей своей жизни считал себя выходцем из дворянской знати. Но он не первый и не последний из тех, кто тешит себя подобными иллюзиями: сам Бетховен думал, что он из рода королей Пруссии!

Гюстав не был единственным ребенком в семье. Его брат Ашиль, который впоследствии пошел по стопам отца и стал врачом, родился в 1813 году. Затем на свет появились Каролина и Эмиль Клеофас, умершие во младенчестве. Следующим ребенком был Жюль Альфред, который от рождения был настолько слабым, что скончался через полгода после рождения Гюстава. Наконец на свет появился наш Флобер. Нельзя сказать, что радость родителей была чрезмерной, поскольку они ожидали девочку. Но что делать: мальчик, так мальчик. Он оказался достаточно крепким, чтобы не умереть сразу же после рождения. Его крестили в январе 1822 года, несмотря на то, что отец под влиянием идей антиклерикализма и полученных научных знаний не переступал порога церкви.

Ашиль Клеофас Флобер прошел все ступени лестницы, ведущей на медицинский олимп. Сын ветеринара, он учился в лицее, где в руководстве был весьма колоритный персонаж, аббат Жан Батист Сальг. Автор книг, в которых осуждались предрассудки, Жан Батист Сальг водил дружбу с «сильными мира сего» и не гнушался связями с «дамами полусвета». Принятый затем в качестве интерна в парижскую городскую больницу, Ашиль стажировался на хирурга. Везде, где бы он ни находился, он проявлял незаурядные способности и подавал надежды. И

потому его, начинающего врача, назначили на должность ассистента доктора Ломонье. Его работа заключалась в том, чтобы лепить из разноцветного воска анатомические муляжи, которые затем рассылались по медицинским факультетам и музеям в качестве учебных пособий для студентов и просвещения населения. Ашиль успешно защитил диплом и в 1815 году на тридцать втором году жизни заменил престарелого и больного доктора Ломонье. К тому времени он уже твердо стоял на ногах и завоевал признание в медицинских кругах. В частности, он был известен тем, что учил студентов не бояться мертвецов, с которыми им приходилось работать.

Столь специфическая атмосфера не могла не оставить следа. «Какие странные воспоминания у меня с той поры!» — написал Флобер через 30 лет. «Морг городской больницы выходил окнами в наш сад. Сколько раз с сестрой мы забирались на решетчатую ограду, чтобы, повиснув на ней, с любопытством разглядывать лежащие на столах трупы. Сверху нещадно палило солнце. Те же самые мухи, которые кружились над нами и цветами в саду, садились на покойников, чтобы с громким жужжанием улетать назад! Как сейчас вижу моего отца, поднимающего голову над вскрываемым телом мертвеца, чтобы прогнать нас. По виду он был такой же, как труп»[2].

После смерти доктора Ломонье, последовавшей в 1818 году, семья Флобер переехала в просторный дом, примыкавший к зданию больницы. Надо увидеть это место, чтобы понять, в какие цвета было окрашено детство Флобера, откуда берут начало его глубокий пессимизм и цинизм студента-медика по отношению к человеческой плоти: «Я вырос среди человеческих бед и страданий, от которых меня отделяла всего лишь одна стена. Еще ребенком я играл в больничном морге. Возможно, по этой причине у меня столь мрачное и пессимистическое восприятие окружающего мира. Я не люблю жизнь и совсем не боюсь смерти»[3].

Доктор Флобер посвятил свою жизнь работе в больнице и своим пациентам. С раннего утра и до полудня он стоял за операционным столом со скальпелем в руке, а в остаток дня делал обход больных в сопровождении коллег. Каким запомнился отец Гюставу? Похожим на полубога, непререкаемым авторитетом в заляпанном кровью фартуке, демиургом, обладающим правом дарить жизнь или смерть страждущим человеческим существам, которые находились в его власти. Вот откуда жуткие «медицинские» сцены в романе «Госпожа Бовари», описание операции по устранению искривления стопы Ипполита, сарказм автора по отношению к медицинской братии.

К тому времени, когда Флобер появился на свет, Руан уже был довольно крупным городом. История наложила на него свою неизгладимую печать в виде построенных во времена Средневековья или в эпоху Возрождения фахверковых домов. В пятистах метрах от городской больницы располагалась площадь, где приняла смерть Жанна д'Арк[4]. В речной порт заходили торговые суда. В начале XIX века в городе активно развивалась промышленность, в частности прядильная мануфактура, за что Руан получил название «французского Манчестера». Город буржуа и рабочих, культурных ценностей и промышленного производства. Первые впечатления юного Флобера были связаны с трудовой атмосферой этого города, которая настраивала на созидание и служение на благо общества.

Целеустремленный и смышленый брат писателя Ашиль, который был старше Гюстава на восемь лет, отвечал всем возлагавшимся на него семейным надеждам. И потому Гюстава до поры до времени родители оставили в относительном покое. К тому же он, кажется, не обладал таким же крепким здоровьем, как Ашиль. Он, подобно младшей сестре Каролине, был предметом неустанных тревог и забот матери, потерявшей к тому времени троих малолетних детей. Гюстав не замедлил воспользоваться ситуацией. К тому же его интеллектуальные способности в глазах родителей оставляли желать лучшего. Мать видела в нем спокойного увальня, который был способен часами напролет с самым «глупым»[5] видом в задумчивости сосать палец. Так в семье родилась легенда об «идиоте семьи». В детстве Гюстав не проявлял большой тяги к знаниям. С горем пополам научившись читать, он замкнулся в себе. Родителям не удавалось вытянуть из него и слова, словно он затаил обиду на то, что отец разочаровался в его способностях. Гюстав часто забегал в гости к соседу, папаше Миньо, который проникся к нему симпатией и читал ему «Дон Кихота»[6], оставшегося на всю жизнь любимой книгой Гюстава. В 1850 году он писал матери: «Первые впечатления навсегда остаются в памяти. Стоит мне немного задуматься, как картины детства встают передо мной, словно я видел их вчера. И вновь я вижу перед собой папашу Ланглуа, папашу Миньо, который читает мне „Дон Кихота“. Я вспоминаю свои детские шалости в саду по соседству с окном больничного морга»[7].

Папаша Миньо был дедом Эрнеста Шевалье, лучшего друга детства Гюстава. Много лет спустя, в 1905 году, Каролина, племянница Гюстава, рассказала о том, как ее дядя «вприпрыжку перебегал на другую сторону улицы, чтобы поскорее забраться на колени к папаше Миньо. И вовсе не потому, чтобы получить

какую-то сладость, а чтобы послушать его рассказы… Больше всего он любил „Дон Кихота“. Не желая усаживаться за букварь, он приводил веский, по его мнению, аргумент: „Зачем учиться читать, если папаша Миньо делает это за меня“»[8]. Так родилось заведомо ложное представление о том, что Флобер отставал в развитии от других детей и даже в девятилетием возрасте до самого поступления в лицей не умел читать. К десяти годам он кое-как освоил грамоту, однако это обстоятельство нисколько не помешало ему заявить о своем литературном призвании.

1 января 1831 года Гюстав пишет Эрнесту Шевалье: «Ты прав, когда говоришь, что праздник Нового года — глупый день… Если хочешь переписываться со мной, то я буду сочинять всякие истории, а ты — рассказывать о том, что видел во сне. Как одна дама, которая только и делает, что болтает о своих глупых снах, когда приходит на прием к отцу, о чем я тебе еще напишу».

Здесь дело не только в переписке и пересказе «глупостей». К этому времени у Гюстава появились так называемые «неврозы», однако их не следует путать с физическими недостатками и тем более с умственной отсталостью. Истина заключается в том, что юный Гюстав давно и успешно освоил грамоту, умел читать и писать и уже вынашивал творческие замыслы. Месяц спустя — ему еще не исполнилось и девяти лет! — он обратился в письме все к тому же Эрнесту и предложил «объединить усилия для написания „историй“[9] под названием „Прекрасная андалузка“, „Бал-маскарад“, „Мавританка“». В то же время он сочиняет «Похвальную оду Корнелю», новеллу «Людовик XIII» и пишет очерк о запоре, вызванном «сжиманием калового отверстия»[10]. Как он сам однажды признался, уже тогда в нем уживались «два совершенно разных человека»[11]. Один пребывал во власти высоких идей и благородных помыслов, а другой был наделен чувством юмора на грани скабрезности. Возможно, что в том юном возрасте его охватила жажда творчества. Первые шаги юного Гюстава на литературном поприще были связаны с театром: он пишет «исторические» скетчи, которые разыгрывает дома в бильярдной, придвинув к стене бильярдный стол с помощью своего друга Эрнеста и семилетней сестры Каролины. Друг выполняет обязанности машиниста сцены, а сестра — костюмера-декоратора.

Примерно в те же годы на Гюстава производит неизгладимое впечатление спектакль кукольного театра: представление о святом Антонии, пребывающем во власти видений, навеянных дьяволом. Известно, что эта тема будет волновать его воображение всю оставшуюся жизнь. На этот сюжет он сочинит три разных произведения…

В детстве Гюстав был прелестным ребенком. Когда же он вырос, то сохранил приятную внешность до той поры, пока излишняя полнота и ранняя лысина не начали прибавлять ему возраста. Однако в юношестве он был необычайно хорош собой. Вот что 4 октября 1846 года он написал Луизе Коле: «Видели бы вы меня лет десять назад! У меня были тонкие черты лица, о чем теперь приходится только с сожалением вспоминать. Мой нос не был таким мясистым, как сейчас, а лоб был совсем лишен морщин. <…> Можете ли вы себе представить, что, когда я был ребенком, знатные дамы приказывали кучеру остановить карету, чтобы взять меня на руки и поцеловать? Однажды герцогиня де Берри, находившаяся проездом в Руане, совершала прогулку по набережной. Она увидела меня в толпе, когда отец приподнял меня над головой, чтобы я мог лучше рассмотреть проезжавший мимо кортеж. Она приказала остановить карету, чтобы лучше рассмотреть меня и поцеловать».

И вот осенью 1832 года этот прелестный ребенок поступил в восьмой класс Королевского коллежа[12] Руана. Вначале в качестве ученика, живущего дома, а затем в марте следующего года он был переведен на полный пансион, несмотря на то что коллеж располагался не так далеко от его родительского дома, всего в каких-то двух километрах…

В наши дни трудно себе представить, каким был коллеж, учрежденный Наполеоном. Это были одновременно учебное заведение, казарма и тюрьма. Ученики носили одинаковую форменную одежду, преподаватели — профессорские мантии. Дети писали диктанты на коленках, дрожа от холода в неотапливаемых классных комнатах. Но особенно мрачными были ночи. За мальчиками присматривал надзиратель. Он совершал свой ночной обход с фонарем в руках. Его шаги, раздававшиеся в зловещей тишине, наводили ужас. Вот что писал Гюстав несколько лет спустя в повести «Ноябрь», биографическом произведении, где он рассказывает о своих первых годах обучения: «Насколько мне было тоскливо и неуютно в этом унылом коллеже, настолько меня обуревали мечты о наполненной яркими событиями жизни. Я жаждал действий и приключений. Мне хотелось познать всё и сразу»[13].

В такие хмурые дни, когда всё или почти всё запрещено, с особой силой разыгрывается воображение, самые смелые мечты принимают характер навязчивой идеи. Они подкреплены «последней экспансией романтизма, наконец, дошедшего до нас»[14]. Как только заканчивались классные уроки, ученики спешили разойтись по спальным комнатам, где каждый предавался своим любимым занятиям: чтению книг, курению в

туалете, мастурбации.

Гюстав был прилежным учеником. На втором году обучения в лицее он получал хорошие оценки по латыни, французскому языку и географии. Совсем скоро у него формируется критический взгляд на человечество вообще и на общество в частности. И мрачная мысль о том, куда катится этот мир, с годами укрепляется в его сознании все больше и больше. В одиннадцатилетнем возрасте, когда король Луи Филипп прибыл с визитом в Руан, он пишет: «До чего же глупы эти люди, до чего же ограниченный и тупой народ!.. Бежать толпой, чтобы увидеть короля, голосовать за 30 тысяч франков на проведение празднеств, выписывать за 3500 франков музыкантов из Парижа, расшибаться в лепешку. Ради кого такое усердие? Ради какого-то короля!»[15]

Между тем преподавание учебных дисциплин в коллеже к тому моменту, когда в него поступил Флобер, претерпело существенные изменения по сравнению с предшествующими годами. До 1830 года вся система образования строилась на углубленном изучении латыни. После падения династии Бурбонов и изменения государственной политики коллеж не остался в стороне от новых веяний и тенденций, в частности от романтизма, распространявшегося уже полвека по Европе. Конечно, еще не настало время для изучения произведений Шатобриана или Виктора Гюго, однако в коллеже уже ввели такие предметы, как литература и история. Они особенно легко давались Гюставу. Как это часто происходит при формировании творческой личности, один из преподавателей на ранней стадии обучения оказал особое влияние на Гюстава. Об этом известно от Герберта Лоттмана, который подробно изучал этот персонаж[16]. Оноре Генрих Гурго, или попросту Дюгазон, тридцатилетний преподаватель грамматики, был учителем Гюстава на протяжении трех лет. Человек блестящего ума, строгий и методичный, он не проявлял жесткости, наказывая учеников за нарушение дисциплины, в чем его упрекало руководство коллежа. Своему юному ученику он прививал вкус к красоте в области литературной словесности и в особенности к стилю. Безусловно, Флобер обязан именно этому преподавателю тем, что позднее на литературном поприще демонстрировал особую «грамматическую красоту фразы», отмеченную Марселем Прустом[17], не особенно заботясь о соблюдении установленных грамматических правил. Под крылом этого благосклонного к нему учителя Флобер раскрыл свой писательский талант в сочинениях на темы, которые было принято предлагать ученикам в соответствии с действовавшими в те времена правилами: в XIX веке молодых

людей учили писать сочинения, полностью имитируя своих преподавателей.

Через несколько лет (ему было двадцать) Гюстав в письме своему любимому учителю поделился сомнениями по поводу будущей профессии адвоката, а также сообщил о своем настоящем призвании: «Я подошел к решающему моменту: надо отступить или идти вперед. Мой час настал. Это вопрос жизни или смерти. Когда я приму решение, ничто уже меня не остановит, даже если меня осудит или поднимет на смех весь мир»[18].

ПЕРВЫЕ ЮНОШЕСКИЕ ВЛЮБЛЕННОСТИ

Когда в 1835 году Флобер перешел в четвертый класс, в его жизнь входит новый учитель, на этот раз преподаватель истории. Его зовут Адольф Шерюэль. Он приобрел некоторую известность как автор «Словаря установлений, нравов и обычаев Франции». Кроме того, он занимался таким неблагодарным, но хорошо оплачиваемым трудом, как редактирование школьных учебников. Это был еще довольно молодой человек. Благодаря своим глубоким и всесторонним знаниям он пользовался большим авторитетом. Если Гурго-Дюгазон внес огромный вклад в развитие литературных способностей Флобера, Шерюэль привил ему любовь к истории. Первый литературный опыт Гюстава был связан с исторической темой. История настолько заинтересовала Флобера, что впоследствии он не раз черпал свое вдохновение в историческом материале. Глубокий смысл и художественная выразительность его последующих произведений, от «Саламбо» до «Трех повестей», обязаны истории. В пятнадцатилетием возрасте Флобер с головой погрузился в исторический материал, предоставивший поистине неисчерпаемые возможности для пера писателя. В 1836 году, несомненно, под впечатлением произведения Дюма «Изабо де Бавьер», он начинает писать «Две руки на короне». Первые шаги на литературном поприще Гюстав сделал, разумеется, прямо или косвенно подражая авторам бесчисленных книг, которые он буквально «проглатывал» одну за другой. Такие известные авторы мемуаров, как Комминс или Фруассар, так же как начинавшие, но уже почувствовавшие вкус славы Мишле, Гюго и Дюма, стали не столько литературными кумирами, сколько примером для подражания целому поколению писателей.

Прежде чем начать заниматься литературным творчеством, надо прочитать гору книг. Писательское ремесло оттачивается исключительно при чтении книг, а вдохновение приходит под впечатлением от любимых литературных образов. В пятнадцатилетнем возрасте у Флобера уже формируется творческий почерк, которому он останется верен на всю жизнь. К тому времени его литературным кумиром становится Шекспир. И все же в большей степени он восхищается Сервантесом. Его «Дон Кихот» навсегда останется для Гюстава непревзойденным примером для подражания. Не была ли «Госпожа Бовари» с ее несбыточными мечтами не чем иным, как современным Гюставу

деградировавшим перевоплощением Рыцаря печального образа? Он был без ума от Рабле[19], мастерски владевшего легким и свободным слогом, с виртуозностью демонстрировавшего в своих произведениях обе грани своего недюжинного таланта: одну, основанную на «игривых» словах, соленых шутках и скабрезном юморе, и другую — на меланхолии и неврастении.

К этому времени Эрнест Шевалье уже не был единственным близким другом Гюстава, к которому он обращался в десятилетнем возрасте с предложением начать обмениваться литературными «опусами». Теперь в его жизни появились две новые личности. Впоследствии они будут дружить с Флобером долгие годы: это были Луи Буйе и Альфред Ле Пуатвен.

С Луи Буйе Гюстав учился в одном классе. Вскоре он стал близким другом будущего писателя. Так же как Гюстав, Луи увлекался литературой и поэзией. К тому же он стал автором изысканных «александрийских» стихов, одних из самых забавных и смешных во французской словесности: «К сердцу ближе, когда грудь плоская». Несмотря на тесную дружбу с Флобером и несколько успешных театральных постановок, Буйе был вынужден оставить литературное поприще. У него не было ни средств, ни времени, чтобы посвятить себя творчеству. Он был беден, и этим все сказано. Что же касается Альфреда Ле Пуатвена, то Гюстав с ним подружился немного позже. Он был старше Флобера на пять лет. Это был сын друзей семьи Флобер. Их матери обучались в одном коллеже. Впоследствии Альфред выучился на адвоката и затем, к большому огорчению Флобера, женился. Скончался же он совсем еще молодым человеком в возрасте тридцати двух лет. У него была сестра Лаура. Примечательно, что она стала матерью Ги де Мопассана…

Молодых людей, помимо всего прочего, сближала общность интересов. Все они любили над кем-то подшутить, кого-то высмеять, конечно, в словесной форме. Для того чтобы свободно упражняться в сочинении непристойных шуток, они придумали игру в «мальчика», некого неотесанного и хамоватого грубияна, который высмеивает (уже!) буржуазную глупость. Несмотря на отсутствие сексуального опыта, молодые люди в разговорах между собой с большой охотой употребляют непристойные слова и выражения.

Этот лицейский анархизм нисколько не мешает друзьям обмениваться мнениями и спорить на самые серьезные темы, в частности обсуждать литературные произведения. Шестнадцатилетний Флобер уже показывает характер и высказывает свое суждение как истину в последней инстанции: «В действительности я глубоко уважаю лишь двух людей — Рабле и

Байрона[20]. Они оба — единственные, кто писал с намерением насолить человеческому роду и посмеяться ему в лицо»[21]. В то же время это не мешает будущему писателю искренне восхищаться Гюго, которого он ставит в один ряд с такими великими писателями, как Расин[22], Кальдерон[23] или Лопе де Вега[24].

Что же касается реальных женщин, то они еще остаются для Гюстава недосягаемыми существами. Встречу, произошедшую летом 1836 года, обычно принято считать самым большим эмоциональным потрясением, пережитым писателем в юношеские годы. Ее даже называют одним из самых ярких событий в его жизни, поскольку под ее впечатлением он написал роман «Воспитание чувств». Гюставу в то время шел пятнадцатый год. Семейство Флобер отправилось на летний отдых в Трувиль-сюр-Мер. В то время это был небольшой поселок: две сельские гостиницы, несколько кабинок для переодевания на пляже. Мода на купание в море еще только зарождалась. И все же некоторые отдыхающие уже активно предавались этому занятию вопреки предупреждениям врачей. Флоберы остановились в гостинице под названием «Золотой барашек». Гюстав полюбил долгие пешие прогулки вдоль морского берега. И вот в одно прекрасное утро, как он сам рассказывал позднее в «Мемуарах безумца», он увидел на пляже красную накидку, которую вот-вот собиралась смыть волна прибоя. Он поспешил поднять ее, чтобы положить на песок подальше от берега. В полдень во время обеда в ресторане гостиницы к нему обратилась молодая женщина со словами благодарности за оказанную ей услугу. У юноши от волнения перехватило дыхание. Он почувствовал себя точно так же, как Фредерик Моро в знаменитой сцене встречи с мадам Арну. «Я до сих пор вижу, как на мне остановился взгляд ее сияющих, как солнце, глаз под черными бровями, — написал он в „Мемуарах безумца“. — Женщина была статной брюнеткой с роскошными, заплетенными в косы волосами, ниспадавшими ей на плечи. У нее был греческий нос, лучистые глаза, высокие, красиво очерченные брови, а бархатная кожа казалась позолоченной. Она была высокой и стройной. На ее загорелой шее едва просвечивалась голубая сеточка вен»[25]. Гюстав не пропускал ни одного дня, чтобы не пойти посмотреть на нее, когда она, искупавшись, выходила из воды в мокром прилипшем к телу купальнике. «Мое сердце неистово билось в груди. Я опускал глаза. Меня бросало в жар, я задыхался»[26]. Однажды он едва не лишился чувств, когда увидел, как она кормит грудью своего ребенка. Гюстав влюбился так, как может влюбиться только пятнадцатилетний подросток, ошеломленный впервые увиденным

перед собой обнаженным женским телом.

В «Мемуарах безумца» эту молодую женщину зовут Мария. В действительности речь идет о 26-летней Элизе Фуко, любовнице, а затем законной супруге владельца музыкального журнала Мориса Шлезингера, который был первым, кто издал во Франции произведения Бетховена. Это был родившийся в Берлине еврей, принявший католицизм, чтобы жениться на Элизе. Молодая женщина однажды уже была замужем за военным в звании лейтенанта. Долгое время оставалось загадкой, как ей удалось развестись с мужем, чтобы выйти замуж за Шлезингера. Некоторые, впрочем, считали, что докопались до истины. В самом деле, брак с лейтенантом был расторгнут еще в день свадьбы. Новоиспеченный муж набрался вина до такой степени, что решил исполнить свой супружеский долг на глазах у своих приятелей. Оказавшись неспособным справиться со столь ответственной задачей, он обратился за помощью к офицерам, присутствовавшим на бракосочетании в качестве свидетелей. Это стало причиной бегства Элизы в Париж, где ее временно приютили ее сестры. Затем ей пришлось зарабатывать на жизнь проституцией. Вот при этих обстоятельствах Морис Шлезингер встретился с Элизой. Эта история не находит подтверждения ни в переписке Флобера, ни в воспоминаниях его близких друзей. Можно сказать лишь одно: в 1836 году не так уж много было молодых разведенных женщин, которые сожительствовали с мужчинами и имели от них детей.

В тот период времени эта пара, несмотря на то что не состояла в законном браке, уже имела дочь. По словам Гюстава, Шлезингер был человеком «простым и жизнерадостным»[27]. Он, впрочем, не отличался особой добропорядочностью, но был весьма деятельным и полезным в делах. Шлезингер не придавал большого значения заметной невооруженным глазом влюбленности юного Гюстава в его подругу. Какой спрос с мальчишки! В этом возрасте, надо заметить, Гюстав был весьма хорош собой: высокий, стройный, белокурый и голубоглазый, он походил на молодого воина из племени викингов. Морис Шлезингер, однако, не видел никакой реальной опасности со стороны юного воздыхателя, страдавшего от неразделенной любви. Он даже часто приглашал молодого человека присоединиться к ним, чтобы совершить пешую прогулку или покататься на лодке. Каникулы закончились дождливым днем. Пришло время прощаться.

Эта встреча потрясла воображение юного Флобера, словно удар молнии. Воспоминания об этой первой любви — неизвестно, была ли она взаимной — в дальнейшем нашли отражение в таких

произведениях, как «Мемуары безумца», а также в первом варианте романа «Воспитание чувств». По всей вероятности, юношеская любовь писателя так и осталась безответной. Позднее в переиздании «Воспитаний чувств» 30 лет спустя вместо красной накидки фигурирует лиловая шаль. И в новой редакции автор сохранил в неприкосновенности эмоциональный накал страстей. Десять лет спустя после этой встречи в октябре 1846 года Флобер напишет своей любовнице Луизе Коле: «У меня была лишь одна истинная любовь. Я тебе уже рассказывал о ней. Мне едва лишь исполнилось 15 лет. И это чувство продлилось до моего восемнадцатилетия. Когда через несколько лет я вновь увидел эту женщину, то узнал ее с большим трудом. Я вижусь с ней до сих пор, но крайне редко. Глядя на нее, я теперь понимаю, какими глазами смотрят на свой разгромленный и обветшавший дом вернувшиеся на родину эмигранты»[28].

«Писать, о! писать — это значит быть властелином мира. Завладеть его добродетелями и предрассудками, а затем вывести их на чистую воду в своих книгах. Это значит почувствовать, как зарождается, растет и крепнет творческая мысль, взобраться на пьедестал, встать во весь рост и остаться там навсегда». Эти строки из «Запаха чувств», странного рассказа, написанного весной того же 1836 года, свидетельствуют о том, что Гюставом все больше и больше овладевает одна-единственная страсть. Страсть, приносящая радость и боль. В своих первых сочинениях Флобер разрабатывает одну и ту же достаточно мрачную тему, навеянную чтением готических произведений Вальтера Скотта[29] и даже Гёте[30]. Его «Фауста» он «проглотил» с жадностью.

И вот относившийся к учебе в коллеже как к исполнению трудовой повинности Гюстав без устали пишет. Его подростковое вдохновение тяготеет к истории и окрашено в темные и даже черные тона. Вполне возможно, что на формирование мировоззрения юного Флобера оказал большое влияние Альфред Ле Пуатвен. Он уже закончил обучение в коллеже. Это обстоятельство нисколько не мешало молодым людям встречаться, а их дружбе еще больше укрепляться. Молодых людей объединяли тяга к мрачной средневековой романтике и пессимистический взгляд на мир. Жители Руана познакомились, наконец, с докатившейся до них «болезнью века» или следом, который она оставляет. Еще летом 1834 года Гюстав писал Эрнесту Шевалье: «Если бы я не писал о жизни королевы Франции XV века, то я бы полностью разочаровался в реальности. От этой глупой шутки, которую зовут жизнью, меня уже давно избавила бы пуля в висок»[31].

Без всякого сомнения, все, о чем писал Гюстав в те годы

(1837–1838), окрашивалось в самые мрачные краски под влиянием Альфреда, а тот был поэтом. И даже довольно «известным» в определенных кругах. Его стихи печатались в небольшом местном журнале «Колибри», который он издавал. Молодые люди часто вели долгие беседы в послеобеденное время вплоть до самой полуночи, называя их «шестичасовыми разговорами»[32]. В ходе этих задушевных бесед друзья погружались в мир своих фантазий, навеянных историей и поэзией, и делились впечатлениями от прочитанных книг до тех пор, пока речь не заходила о женщинах. О них они высказывались далеко не самыми высокопарными словами, о чем свидетельствует их переписка.

Тем временем Гюстав не перестает сочинять. Он пишет очень много, в том числе для театра, к которому испытывает самые возвышенные и трепетные чувства. Он мечтает о том, как будет ставить свои пьесы, а исполняющая главную роль актриса станет его возлюбленной. Впрочем, впоследствии его мечты сбылись. Он сочиняет странные рассказы, такие как «Quidquid volueris», где главным героем был прибывший из Бразилии Джальо — сын рабыни и орангутана. Согласно сюжету, возлюбленный Адели, жены Поля, инициатора этого чудовищного союза, убивает ребенка, насилует и убивает женщину, а его скелет попадает в лабораторию как экспонат. Флобер также пишет на тему, похожую на историю доктора Фауста. В его «Мечте ада» Сатана предлагает старому алхимику вечную молодость в обмен на его душу. А души-то у алхимика не было!

Первое печатное произведение «Урок естественной истории», написанное под впечатлением «Физиологии брака» Бальзака[33], вышло в свет на страницах журнала «Колибри» в марте 1837 года. В действительности это было карикатурой на супружество в духе «игры в мальчика», демонстрация «физиологии» брака, как тогда писали, где автор проявил свое уже сформировавшееся презрение к буржуазному обывателю, не имеющему собственных мыслей, его тупому самодовольству и глупости, пустой и скучной болтовне, состоящей из штампов. В этом тексте уже был дан набросок героев будущих произведений Флобера, таких как Оме, фармацевта из «Госпожи Бовари», затем Бувара, «альтер эго» Пекуше. Помимо всего прочего, в этих «пробах пера» шестнадцатилетнего Флобера уже намечена основная сюжетная линия будущей «Госпожи Бовари» на примере Маццы, главной героини рассказа «Страсть и добродетель». Будучи замужем за скучным и ничем не примечательным банковским служащим, она находит утешение в объятиях молодого франта Эрнеста, который оставляет ее, чтобы в поисках приключений переселиться в

Америку. В порыве отчаяния Мацца отравляет мужа и детей и отправляется к своему любовнику. Но вот незадача: он охладел к ней! Женщина с горя кончает с собой, выпив яда.

Все эти сочинения свидетельствуют о рано сформировавшемся глубоко пессимистическом складе ума Гюстава. Это произошло, несомненно, под влиянием остаточного романтизма, с которым писатель будет бороться и «выдавливать из себя по капле» всю оставшуюся жизнь. В самом деле, в душе он — романтик и всеми способами хочет избавиться от этого с помощью цинизма, насмешек, острословия. Вот где следует искать истоки его меланхолии. Самые значительные и интересные сочинения, написанные Флобером во время обучения в коллеже, — это прежде всего «Смар, старинная мистерия», а также его «Мемуары безумца». Последнее произведение, напоминающее «Исповедь» Жан Жака Руссо[34], можно считать крупным успехом начинающего писателя.

«Мемуары безумца» были написаны в 1838 году и преподнесены Ле Пуатвену 1 января 1839 года в качестве новогоднего подарка. Эта автобиография проливает свет на мировоззрение юного автора в те времена. Это исповедь в духе Руссо с примесью циничного нигилизма: «Волей судьбы ты появился на свет, потому что однажды вечером твой отец пришел домой в изрядном подпитии, разогретый вином и похотливыми желаниями, чем не замедлила воспользоваться твоя мать…»[35] Вторая часть сочинения представляется намного интереснее. В ней Гюстав описывает свою встречу с Элизой и, главное, рассказывает о том, какие последствия имело это событие для него. Память постоянно возвращает его к тем местам. Он приезжает в Трувиль-сюр-Мер два года спустя, но прелестницы и след простыл. Он предается мечтам и открывает для себя потрясающую истину: любовь приходит всегда не к месту и часто не вовремя. Он делает редкий для молодого человека восемнадцати лет вывод: «Как она могла осознать, что я люблю ее, если в то время я не знал этого чувства. И все, что я говорил, было ложью. Только здесь и сейчас я желаю ее, только здесь и сейчас, в одиночестве на пляже, в лесу или в поле, она является мне. Словно наяву, она говорит со мной, отвечает мне… Эти воспоминания и есть грезы любви»[36].

Мистерия «Смар» представляет собой странное произведение, не чуждое романтизма, действие которого происходит в Средние века. И чувствуется, что при написании этого произведения автор находился под влиянием творчества Гёте и Байрона. О чем эта мистерия? Отшельник Смар заставляет нас вспомнить о святом Антонии, чей образ будет преследовать Флобера всю жизнь,

совершает воздушное путешествие в компании Сатаны, который хочет открыть ему тайну мироздания. Во время этого путешествия Смар убеждается в том, что Бога нет…

Между тем «Смар», по словам самого Флобера, — самая настоящая невразумительная «галиматья», несмотря на некоторые идеи, которые воплощает персонаж под именем Юк в противостоянии с Сатаной. Юк, надсмехаясь над всеми и вся, приподнимает крыши домов и дворцов, чтобы показать, что происходит под ними. И что же там можно увидеть? Трясущихся над золотом властителей мира, которые без стыда и совести предаются разнузданному разврату. Надо сказать, что в этой «галиматье» и «абракадабре», где автор дал волю своему богатому воображению, многое почерпнуто из шуток и забав учащихся коллежа. В том числе в тексте мистерии прослеживаются темы, получившие развитие в будущих произведениях писателя. В них проявляется склонность Флобера как к гротеску и фарсу, так и к некоторой жестокости под влиянием, несомненно, сочинений де Сада[37].

Ашиль, брат Флобера, к тому времени уже твердо стоял на ногах, имел профессию врача, хорошую работу и семью. Пропащий человек? Похоже, что Гюстав именно так о нем и думал. Что же касается его самого, то, как он пишет Эрнесту 31 мая 1839 года, ему чертовски скучно. В октябре начинается последний учебный год в коллеже, где ему предстоит держать экзамен на бакалавра. Только лучшим ученикам по силам сдать этот трудный и ответственный экзамен. Гюставу легко дается философия. По этому предмету он первый ученик в классе. А вот с математикой дела обстоят намного хуже. Гюстав начинает готовиться к экзамену с явной неохотой, поскольку он не уверен в своем будущем. Он не видит себя преодолевающим ступени карьерной лестницы. Над ним уже нависла угроза посвятить жизнь юриспруденции. Но он старается не думать об этом, считая, что время для принятия решения о выборе будущей профессии наступит после сдачи экзамена на бакалавра…

И вот 9 декабря 1839 года, как говорится, все пошло вкривь и вкось. Заболевшего преподавателя философии Шарля Огюста Малле временно заменил молодой учитель, у которого к учащимся коллежа не лежала душа. И в ответ на поднятый неистовый галдеж — известный испокон веков любимый вид спорта учащейся молодежи — коллегииисты были подвергнуты тяжкому для них наказанию: переписать тысячу стихотворений. Следует, однако, заметить, что подобное наказание было весьма гуманным для тех времен и к тому же развивало интеллект учащихся.

Класс в полном составе отказывается подчиниться. Флобер становится во главе мятежников и излагает мотивы бунта в петиции в адрес директора коллежа. В результате трое зачинщиков были из коллежа исключены. В их числе, конечно, оказался и наш Гюстав. И это при том, что его отец, доктор Флобер, заседал вместе с директором коллежа в административном совете академии Руана. В результате Гюставу пришлось готовиться к сдаче экзамена на бакалавра дома.

Подготовка далась ему нелегко. Гюстав, несмотря на свое негативное отношение, прилежно «грызет гранит науки». Каждое утро он поднимается с постели в три часа утра, как он пишет Эрнесту, ложится спать в половине девятого вечера. Весь день он штудирует учебный материал. Эрнест присылает ему в помощь конспекты прослушанных им лекций. Гюстав по-прежнему не в ладах с физикой и математикой. Он предпочел бы читать произведения маркиза де Сада, а не убивать попусту время зубрежкой глупых и ненужных ему наук. Все-таки ему удается сдать экзамен, хотя и на «удовлетворительную» оценку, о чем свидетельствует полученный им диплом. 23 августа 1840 года Гюстав становится бакалавром.

Флобер может, наконец, вздохнуть свободно и расправить плечи. В XIX веке для молодого человека из буржуазного общества «вздохнуть свободно» означало отправиться в путешествие. Вот даже сам доктор Флобер поощряет намерения сына и советует ему уехать подальше от родного дома, поскольку он отдает себе отчет в том, в каком нервном состоянии и мрачном расположении духа пребывает его отпрыск. В планы путешествия Гюстава входило посещение юга Франции и Корсики. В поездку, конечно, отец не отважился отправить его в одиночестве: к Гюставу приставили в качестве сопровождающих лиц весьма любопытное трио, в состав которого вошли бывший студент его отца доктор Клоке — автор книги о де Лафайете[38], с которым дружил и находился рядом вплоть до последнего дня маркиза, сестра доктора мадемуазель Лиза, ворчливая старая дева, лишенная какой-либо внешней привлекательности, и итальянский священник аббат Стефани. Трудно представить более неподходящую компанию для молодого человека, чем эта совсем не располагающая к общению группа людей. И все же Гюстав воспрянул духом: его сердце наполнилось радостью от одной только мысли покинуть на время Руан. У него уже зреет план, как у истинного писателя, вести путевой дневник. В Париже Гюстав вначале встречается с доктором Клоке, а затем навещает своего бывшего преподавателя Гурго-Дюгазона, который поддерживает в нем огонь сочинительства…

Письма, адресованные Флобером во время этого путешествия матери и сестре Каролине (его «любимой крысе», как ласково он ее называет), свидетельствуют о восторженном впечатлении, которое производит на него встреча с другим, совсем не похожим на привычный ему миром. Он восхищается живописным югом Франции, Пиренеями, античным Провансом с его римскими развалинами, словно сошедшими со страниц книг по истории Рима. Эти незабываемые и яркие впечатления компенсируют неприятности, связанные с вынужденным общением с его малообщительными и хмурыми попутчиками. К счастью, к концу путешествия компания распалась: у старой девы и священника был другой маршрут. Гюстав садится на корабль, отправляющийся к берегам Корсики, в сопровождении только доктора Клоке.

Во время этого путешествия Флобер заполняет мелким почерком 19 тетрадей, в которых во всех подробностях описывает все, что видит перед собой. Он рисует яркими красками пейзажи, местных жителей, свою встречу — организованную и отнюдь не случайную — с самым настоящим корсиканским бандитом. «Смелый человек с чутким сердцем, — пишет он, — обитающий в лесу, нисколько не нуждающийся в благах нашей цивилизации, более чистый и благородный, чем большинство так называемых „честных людей“ во Франции, начиная с мелкого сельского лавочника и кончая самим королем»[39]. Гюстав предлагает этому колоритному бандиту воспользоваться его собственными документами, чтобы помочь ему «выехать за пределы Корсики»[40]. Это свидетельствует о том, какой романтический ветер веял в голове молодого представителя буржуазии. В любом случае этот малоизвестный рассказ о путешествии на Корсику уже представлял собой великолепный образец прозы в духе «Маршрута из Парижа в Иерусалим» Шатобриана[41].

По возвращении Гюстава в Марсель происходит, пожалуй, самый знаменательный в жизни молодого писателя эпизод. И этот случай он не описывает в своем путевом дневнике!

Флобер вместе с Клоке останавливается на улице Дарс, что позади Старого порта, в гостинице «Ришелье». И здесь его «поражает гром небесный».

Ее звали Элали Фуко, и она содержала вместе с матерью гостиницу, где поселились путешественники. Это была 35-летняя креолка, загорелая брюнетка в самом расцвете своей красоты. Молодая женщина не отличалась излишней строгостью поведения и, похоже, не смогла устоять перед внешней привлекательностью молодого Гюстава. Она прямиком отводит его в свою спальную комнату. То, что произошло за ее дверью, Флобер будет

впоследствии неоднократно описывать в своих произведениях, и всякий раз его рассказ будет отличаться от предыдущего. Впервые об этом эпизоде он упоминает в «Ноябре», книге, которую он начинает писать в 1840 году по первым впечатлениям от поездки после возвращения домой. При описании произошедшего с ним приключения Гюстав подбирает романтические и даже поэтические слова. «Я был еще девственником и не знал любви», — пишет он. Возможно, он слукавил, поскольку есть сведения, что в пятнадцатилетием возрасте, как и большинство его сверстников в буржуазных семьях (по свидетельству братьев де Гонкур[42]), Гюстав расстался с девственностью в объятиях горничной его матери. Он продолжает: «Моим глазам открылась прелестная картина. Я увидел перед собой красивую головку с прямым пробором волос. Широкие красиво очерченные брови, орлиный нос с трепещущими, как у античной камеи, ноздрями, горячие губы, верхняя из которых обрамлена темным пушком… Сквозь тонкие одежды я смотрел, как вслед за дыханием вздымается и опускается ее высокая грудь». Все, что происходит в дальнейшем, он описывает довольно скупыми и целомудренными словами. «Наконец, — пишет он в заключение, — в полном изнеможении от ласк она отдалась мне. Подняв глаза к небу, она вздрогнула всем телом и глубоко вздохнула»[43].

Если верить все тем же братьям де Гонкур, которым в эпоху Второй империи не было равных по части злословия, то со слов самого Флобера, поделившегося с ними подробностями этого события несколько лет спустя, описанная им сцена носила более прозаический характер. Ночью женщина вошла в гостиничный номер Гюстава «и принялась приобщать его к радостям орального секса»[44]. Что же касается самого Флобера, то, вернувшись снова в Марсель во время другого путешествия в 1845 году, он делится своими воспоминаниями об этом эпизоде со своим другом Альфредом Ле Пуатвеном: «Я вернулся в гостиницу (это была последняя ночь) и „выстрелил“ четыре раза»[45]. Последнее свидетельствует о том, что в юном возрасте Гюстав был в отличной физической форме.

Эта короткая связь была поистине шоком для молодого Флобера. То обстоятельство, что страсть была взаимной, удваивало его эмоциональное потрясение. После того как Гюстав покинул Марсель, хозяйка гостиницы горевала от всей души. Молодой человек за четыре дня показал себя с самой лучшей стороны. Они еще долго будут писать друг другу нежные письма. Впрочем, Гюстав просит ее пересылать ему почту через его друга Амара, чтобы не вызывать подозрений у родных. Что же касается самого Гюстава, он уже мысленно готов отречься от своих чувств.

Флобер разрывается на части между горечью разлуки и радостью обретения свободы и душевного покоя. Для него главное в этой жизни — чтобы ничто не отвлекало бы его от погружения в мир мечты и фантазий. Он пишет длинные письма той, которая дала ему все, что может дать женщина для удовлетворения физических потребностей мужчины. Эти письма будущего писателя были разорваны, уничтожены или же затерялись. И всё же некоторые письма Элали не канули в вечность и сохранились. Многие годы спустя, в 1846 году, в письме Луизе Коле он признается: «В 18 лет по возвращении с юга Франции я еще полгода писал пылкие письма женщине, которую не любил. — Мне хотелось заставить себя полюбить, чтобы отточить перо»[46].

Итак, в представлении молодого Флобера любовь — это некий недосягаемый и непостижимый идеал, а все, что доступно и легко идет в руки, недостойно его внимания. Элиза, Элали, представляют собой, по его мнению, две стороны женской сущности — мать и шлюху. Теперь ему уже есть о чем писать.

ПРАВО ВЕЛИКОЕ И УЖАСНОЕ

В ноябре 1840 года после путешествия по югу Франции и на Корсику Гюстав возвращается домой уже совсем другим человеком. Элали шлет ему страстные письма. Он «зажег в ней пылающий костер», она «целует его везде»[47]. Она объявляет ему о своем близком отъезде в Америку. Женщина надеется встретиться с ним по возвращении. Гюстава нисколько не трогают ее признания, словно четыре дня, проведенные в ее объятиях, надолго лишили его иллюзий относительно зова плоти, однако вполне реального и конкретного. «…Женщина, — пишет он Эрнесту Шевалье, — весьма примитивное существо. Мужчина слишком идеализирует ее и возводит на пьедестал. Преклонение перед статуей побуждает к самоудовлетворению. Реальность кажется нам отвратительной»[48].

Цинизм пресытившегося самца, воротящего нос от плоти, которой он только что утолял свой голод, по правде говоря, производит довольно неприятное впечатление. Возвращение в Руан не приносит ему радости. Он уже мечтает о Востоке. «Я ненавижу Европу, а Францию, мою замечательную родину, я с большой охотой послал бы ко всем чертям. Теперь, когда я распахнул дверь в просторы полей, — пишет он Эрнесту Шевалье, — …мне остается лишь томиться желаниями, которые не могут осуществиться, и постоянно зевать от жутчайшей скуки»[49]. Гюстав даже перестает писать. Его гложет тоска, как предвестник будущей депрессии.

А пока жизнь идет своим чередом. И надо принимать какое-то решение относительно будущего. Гюстав не испытывает тяги к наукам и медицине. Впрочем, ими уже увлекается его брат Ашиль. Ему остается только юриспруденция, которая наилучшим образом отвечает отцовским чаяниям. И все же перспектива провести в Париже ближайшие четыре года — в Руане нет юридического факультета — не вызывает у Гюстава ничего, кроме жалобных вздохов и насмешливых ухмылок. Эрнест Шевалье уже давно учится на юриста и скоро получит диплом магистра. У Гюстава нет желания пойти по его стопам.

Прошло уже больше года после сдачи экзамена на бакалавра, когда Гюстав в ноябре 1841 года отправляется, наконец, в Париж, чтобы записаться в университет на факультет права. Чем же он был занят все эти долгие месяцы? Да ничем. После памятного путешествия на Корсику им овладевает лень. Он попросту бьет баклуши. Возникает вопрос: решила ли семья предоставить ему «академический отпуск», чтобы он пришел в себя после тяжких

усилий, потраченных на подготовку к экзамену? Заметили ли родители, что у Гюстава был если не недостаток, то нежелание подчиняться законам и правилам социальной жизни? Очевидно, стремление «пролежать как медведь в берлоге» и бездельничать в эти годы стало отличительной чертой характера молодого человека. Возможно, он позволяет себе роскошь переболеть «болезнью века», столь дорогой сердцу романтика. Благосостояние семьи вполне этому способствовало. Гюставу, как младшему в семье, было позволено делать глупости. Возможно, он еще найдет себя в творчестве, поскольку обладает даром сочинительства.

Гюстав теряет юношескую стройность. Можно сказать больше: он толстеет на глазах. За этот год, пока он предается безделью и лени, он заметно прибавляет в весе. К двадцати годам из молодого бога галлов он постепенно превращается в толстощекого увальня, большого любителя плотно и вкусно поесть. В Париже он встречается с Эрнестом Шевалье, который уже приступил к занятиям на факультете права. Гюстав пребывает в самом мрачном расположении духа. Начать с того, что он с презрением относится к правосудию, которое «ему всегда казалось буффонадой»[50]. И вот теперь он будет вынужден учить это пресловутое право… Решительно, ему не хочется ничего. Или же, скорее всего, он желает только одного: писать. Он делится своими переживаниями со своим бывшим учителем Гурго-Дюгазоном, в то время преподавателем в Версале. Учитель понимает, из какого теста сделан его бывший ученик, — это человек, одержимый одной навязчивой идеей, который скорее выберет смерть, чем откажется от своего призвания. Ближайшее будущее покажет, насколько он был прав.

Гюстав гнет свою линию, но, как послушный и уважающий родителей сын, он не вступает в конфликт с любящей и все понимающей семьей. Он решает сказаться больным и выбирает для себя модную в те времена и вполне достойную для молодого буржуа и совсем не заразную болезнь — невроз. И приступает к осуществлению своего плана не сразу, а постепенно.

Первые месяцы обучения на факультете права проходят довольно спокойно. В начале 1842 года он недолго живет в Париже, а затем возвращается в Руан и остается там до лета. Он накупил книг по юриспруденции. Едва раскрыв учебник, он тут же с отвращением закрывает его. Гюстав не может разобраться в юридической тарабарщине. Правоведение начинает над ним свою разрушительную работу.

Первый год обучения на факультете права Гюстав проводит в стенах родного дома в Руане. Почему? Может, его семья не

хотела, чтобы он уехал в большой город со всеми его соблазнами? Возможно, родные посчитали, что надо не спускать с него глаз? Очевидно одно: отец Гюстава был озабочен тем, что его сын склонен к меланхолии и не проявляет большого энтузиазма к учебе. Как можно такого молодого человека оставить одного в Париже?.. И вот целый год наш Гюстав, обложившись учебниками по вопросам права, продолжает трудиться над книгой «Ноябрь», самым значительным из всех его юношеских произведений, написанным под впечатлением от сочинений Гёте, Шатобриана, Мюссе[51], называя ее «сентиментальным и любовным варевом»[52]. Несмотря на то что работает над книгой с 1840 года, он сообщает своему другу Эрнесту 24 февраля 1842 года: «Я ни на что не способен, я ничего не пишу, ничего не читаю».

Гюставу крупно везет: ему удается вытянуть счастливый билет и избежать трехлетней службы в армии. Ему не пришлось даже откупаться деньгами, что часто практиковалось в то время. И вот он принимается, зевая во весь рот, за подготовку к экзамену, который должен состояться 20 августа. В апреле он на короткое время приезжает в Париж, чтобы снова записаться на факультет права и, возможно, развеять свою тоску посещением нескольких увеселительных заведений. Затем Гюстав возвращается в Руан, где его жизнь превращается в ад: «Юриспруденция меня убивает, изматывает, превращает в дурака. Я не могу ничего с собой поделать. Когда я битых три часа сижу над Кодексом и ничего в нем не понимаю, нет смысла продолжать это занятие, лучше наложить на себя руки (что было бы весьма печально, поскольку я подаю большие надежды)»[53]. Этими словами он напоминает Сезанна, который испытывал такое же отвращение к изучению права и несколько лет спустя написал следующие строки: «Право, ужасное право, сплетенье слов, отравит мне три года жизни[54]…»

Планам Гюстава не суждено было сбыться из-за придирок преподавателя гражданского права, некого Удо («кретина»[55], как Гюстав называет его), который уперся и не пожелал выдавать ему для допуска к экзамену справку о том, что он прослушал курс его лекций. И поскольку Флобер не посетил ни одну из лекций, «кретин» отказался подписать эту злосчастную бумагу. Выходило, что Гюставу придется сдавать экзамен в декабре.

Гюстав пришел в ярость. Он тотчас уезжает в Трувиль-сюр-Мер, где в это время находится его семья. Очарование прошлых лет, когда он пребывал под впечатлением от встречи с Элизой Шлезингер, утрачено навсегда. Тем не менее ему предстоит еще одна встреча.

Сестра Гюстава Каролина познакомилась на курорте с семьей

англичан. Генри Коллье, глава семьи, был командиром корабля королевского флота. Каролина быстро сблизилась с его двумя дочерьми — сестрами Гертрудой и Генриеттой. Гертруда была весьма начитанной девушкой и знала наизусть всего Шекспира. Когда к концу лета Гюстав приезжает в Трувиль-сюр-Мер, он присоединяется к компании молодых людей. Из сестер Гюстав отдает предпочтение младшей, Генриетте, несмотря на то, что девушка постоянно болела, хотя старшая из сестер — Гертруда первой проявила к нему знаки внимания. Это были самые чистые и целомудренные дружеские отношения. И англичанки согласились встретиться с ним в Париже, куда Гюстав решил отправиться осенью.

Конечно, Гюставу удается сдать экзамен за первый год обучения на факультете права. В августе? В декабре? Не имеет значения. В конце 1842 года он, наконец, переезжает в Париж, чтобы продолжить учебу. С этой целью он решает снять небольшую квартиру в доме 19 на Восточной улице рядом с Люксембургским садом. Весь следующий 1843 год Гюстав обитает в этом доме до тех пор, пока не произошло трагическое событие, которое перевернет всю его жизнь. Что можно сказать о том, как живется молодому провинциалу в Париже? Он снимает тесную квартирку, обедает в дешевом ресторане. Этот отрезок времени в жизни Флобера можно было бы назвать банальным и неинтересным, если бы не несколько судьбоносных встреч, случившихся в этом году.

Он возобновил знакомство с семейством Коллье. Его с радушием принимают в их доме. Посещения дома Коллье вносят разнообразие в размеренную и скучную жизнь Флобера. Супруги Коллье были благодарны доктору Флоберу, отцу Гюстава, за помощь, оказанную их дочери Генриетте. Доктор старался, как мог, облегчить страдания девушки. В первые месяцы 1843 года Гюстав, словно желая взять реванш за то, что вынужден корпеть над косноязычными учебниками по юриспруденции, наконец, заканчивает «Ноябрь». Впрочем, не все специалисты, изучавшие творческое наследие Флобера, согласны с этой датой. Некоторые из них утверждают, что повесть была написана в октябре 1842 года. Надо признать, что дата написания не имеет большого значения. Главное — это то, о чем пишет автор. Безусловно, это была настоящая литература (сам же Флобер указывал на местами отсутствующий в повести «художественный вкус»[56]). Книга представляет особый интерес еще и потому, что автор помогает нам понять, какое разрушающее действие производил умирающий романтизм на целое поколение людей: склонность к возвышенному, самовлюбленность, расхождение в любовной

концепции между идеальной и недоступной женщиной (в данном случае Элизой Шлезингер) и женщиной из плоти и крови, которой пользуются, а затем бросают с легким презрением (Мария в «Ноябре», в реальной жизни — Элали Фуко). Это произведение показывает, в каком умонастроении находился Флобер, общаясь с окружающими его людьми, и как он стремился укрыться от агрессивного внешнего мира.

Между тем Гюстав продолжает видеться с четой Шлезингер. Нет точных сведений о том, как и когда он возобновил знакомство с ними. Возможно, он нанес «дружеский визит» издателю. Представляется маловероятным, что Флобер стал нахлебником в этой семье, каким был, по его словам, Фредерик в «Воспитании чувств», романе, написанном в 1869 году, и тем не менее каждую среду он обедал в их доме. Нет смысла уточнять, на кого Гюстав обращал особое внимание, и это был вовсе не Морис, который, ко всему прочему, издавал еще и «Газет мюзикаль». Шлезингер «был чем-то средним между артистом и коммивояжером», — пишет Флобер в «Мемуарах безумца», но он делал погоду в парижском музыкальном мире. Энергичный и деятельный, словоохотливый и всегда готовый оказать услугу, он, подобно господину Арну из «Воспитания чувств», своей вульгарностью порой казался Гюставу слишком надоедливым и невыносимым. Его республиканские взгляды (он уедет из Франции в 1852 году, несомненно, по политическим причинам) вызывали насмешку у Гюстава, в то время уже не восприимчивого к любой идеологии. В то время как Элиза… Он по-прежнему испытывает к этой прелестной женщине самые нежные чувства и, как в ранней юности, робеет в ее присутствии. Она — его идеал, и он не смеет его разрушить своими земными желаниями. Он хочет лишь восторгаться и восхищаться ею. Она красива, недоступна, верна своему легкомысленному и непостоянному супругу, который только и делает, что ищет счастье в объятиях «лореток». Можно ли подумать, что эта женщина не так давно из-за несчастного первого замужества была вынуждена выходить на панель? Гюставу она видится в романтическом ореоле, который он сам придумал. Он любит ее молча. Он болен любовью. Вот где тема «Воспитания чувств», целиком от начала и до конца. 16 лет спустя в письме Эмилии Боске он ударится в воспоминания о той невозможной любви, оставившей навсегда след в его душе: «В юности я любил беззаветно, глубоко и молча. Лунными ночами я строил планы выкрасть ее и уехать в Италию. Я мечтал прославиться ради нее. Я испытывал муки душевные и телесные. У меня перехватывало дыхание от запаха ее нежной кожи. Я бледнел и едва не падал в обморок от одного ее взгляда. Я

пережил все это от начала и до самого конца. Я испил свою чашу страданий до дна. В сердце каждого из нас есть своя тайная комната. Я замуровал в нее дверь, но не разрушил ее»[57].

В те моменты, когда в нем просыпался «мальчик» и брал верх над возвышенными мыслями и чувствами, он спешил в бордель (не исключено, что именно в это время Флобер заразился венерической болезнью). К тому же у него появились новые, более интересные знакомства, в том числе с семейством Прадье. Скульптора Прадье[58] друзья прозвали Фидием. Гюстав начинает посещать мастерскую скульптора именно по совету своего друга Альфреда Ле Пуатвена, который утверждал, что здесь можно заполучить нужные адреса. Разумеется, речь идет о «доступных» женщинах. В мастерской весельчака и кутилы Прадье царит непринужденная и свободная от условностей атмосфера. Возможно, что у скульптора было своеобразное отношение к свободе нравов, поскольку Луиза, его супруга, была вовсе не прочь вступить в близкие отношения с некоторыми друзьями дома. В конце концов, в 1845 году Прадье расстался с ней после того, как застал ее с любовником. Луиза какое-то время, несомненно, имела любовные отношения с Гюставом. Ее положение стало весьма шатким: быть свободной или разведенной женщиной в XIX веке осуждалось всем миром. «Мне очень жаль, что все эти низкие люди ополчились против этой несчастной женщины за то, что она посмела раздвинуть ноги перед другим мужчиной, а не перед тем, на кого ей указал господин мэр», — пишет Флобер своему другу Альфреду Ле Пуатвену 2 апреля 1845 года. И это после того, как он нанес визит Луизе с целью подбодрить ее словами и поделиться своими взглядами на супружескую измену как на средство борьбы против скуки и пошлости буржуазного института брака. В то же время Флобер с большим уважением относится к Прадье и называет его «прекрасным человеком и талантливым скульптором»[59]. Гюстав продолжит дружить с Прадье до самой его кончины, последовавшей в 1852 году.

Впрочем, именно в доме Прадье однажды во время приема гостей состоится встреча Флобера с Виктором Гюго, который давно был его кумиром. Вот что он тотчас написал своей сестре Каролине: «Ты ждешь от меня подробностей о В. Гюго. Что ты хочешь, чтобы я тебе написал? Это человек такой же, как и все другие люди. У него довольно некрасивое лицо и самая банальная внешность. Зато у него высокий лоб и прекрасные ровные зубы. Ресницы и брови отсутствуют. Он мало говорит, словно не желает сказать лишнего. У него довольно чопорный вид и изысканные манеры. Мне понравился тембр его голоса. Мне

было приятно смотреть на него со столь близкого расстояния. Я смотрел на него удивленными глазами, словно передо мной была шкатулка, набитая деньгами и драгоценностями. Я размышлял над тем, каких высот достиг этот сидящий напротив меня на низком стуле человек, и не мог оторвать взгляда от его правой руки, написавшей столь прекрасные произведения»[60].

Флобер имел долгую беседу с этим корифеем художественной литературы и романтизма. Похоже, что для будущего писателя это было чем-то вроде посвящения в рыцари.

И все же самой знаменательной и судьбоносной встречей в студенческие годы было знакомство с Максимом Дюканом. Молодых людей познакомил Эмиль Амар, давний приятель Гюстава. Дюкан, несмотря на то что был того же возраста, что и Гюстав, отличался от него тем, что был уверен в себе и в своем таланте, парижанином до мозга костей, и, главное, умел вести себя в обществе. Будущее покажет, что он был не совсем тем человеком, за которого его можно было принять на первый взгляд, а довольно заурядной личностью, хвастуном и завистником. На первых порах Флобер смотрел на своего нового знакомого сквозь розовые очки. Честолюбивый молодой человек в тот момент далеко обошел Гюстава в покорении Парижа. Дюкан брался за всё. Он был одновременно фотографом и писателем. Согласно «Литературным воспоминаниям», опубликованным после смерти Флобера, Дюкан был наделен литературным талантом, хотя с Гюставом по одаренности его нельзя было сравнивать. Удивительно то, что по отношению к своему старому другу Флобер высказывается в снисходительном, а местами даже язвительном тоне. Несмотря на все различия, у молодых людей было много общего: истинная любовь к литературе и, конечно, к женщинам, что было для Гюстава по крайней мере в то время весьма актуально. В отличие от считавшего каждый франк Флобера, жившего на скромные отцовские субсидии, Дюкан не испытывал нужды в деньгах, хотя он тоже был сыном хирурга, но происходил из состоятельной семьи.

Вот в такой бодрящей атмосфере Флобер приступает к работе над первой редакцией «Воспитания чувств». В то же время он готовится к экзамену за второй год обучения на факультете права. Он трудится в поте лица, подбадриваемый отцовскими письмами. Кажется, что ему все равно — сдать экзамен либо провалить его. Лишь бы поскорее освободиться от этого гнета. 24 августа ему был вынесен приговор: он провалился на экзамене, получив три черных шара от экзаменаторов, что означало полный провал.

Сопровождавший его на экзамен Максим Дюкан утверждал,

что Гюстав до последнего дня зубрил учебники. Можно было только сказать одно: юриспруденция не для него.

И что же ему теперь делать? Остаток лета он проводит в Руане, в городе, который он ненавидит всей душой: «Проклятье укрывшим меня стенам, проклятье знавшим меня с пеленок горожанам и уличным мостовым, где я начал стаптывать каблуки моих ботинок! О, Аттила, когда ты вернешься снова, любезный друг, со своими четырьмястами тысячами всадников, чтобы сжечь дотла эту прекрасную Францию, страну сапожных стелек и подтяжек»[61]. Он разочарован в учебе, в себе самом. Это разочарование распространяется на все общество в целом. С яростью он клянет всё и вся с риском шокировать обывателей. Истинные анархисты, не признающие высших ценностей ни в политической, ни в религиозной доктрине, ни в семье, ни в частной собственности, весьма редко бывают настоящими безбожниками. Флобер был одновременно и тем и другим. Единственное спасение для него, как и для Шопенгауэра, которое он еще не осознает, — это творчество. Что же касается его мировоззрения — это взрывная смесь идеализма и пессимизма. Вот что будет двигать им, когда он будет создавать свои произведения. К счастью, будущему писателю в той или иной мере присуще чувство юмора и он наделен саркастическим складом ума.

И все же юриспруденция, великая и ужасная, еще не отпускает его. Гюстав уже строит планы вернуться на второй курс и довести учебу до конца, чтобы получить диплом. Возможно, это было решение семьи.

Что делает доведенный до отчаяния человек? Когда он чувствует себя, словно попавшая в ловушку крыса? Бежит куда глаза глядят, садится на пароход, заболевает, умирает, совершает преступление? Флобер выбирает болезнь. Возможно, это довольно спорная гипотеза, но вполне логичная, в особенности с тех пор, когда было доказано влияние психики на реакции человеческого организма. Флобер в глубине души желает только одного: чтобы его оставили в покое. Он хочет писать. Для достижения этой цели он выбирает весьма нетривиальный способ.

Вот как это произошло. В январе 1844 года в самый канун отъезда в Париж для того, чтобы вновь записаться в университет, Гюстав отправляется вместе со своим братом Ашилем в Довиль, где им предстояло осмотреть земельный участок, на котором их отец собирался построить загородный дом. И вот на обратном пути они едут вдвоем посреди ночи в принадлежащем их семье экипаже. И тут Гюстав внезапно теряет сознание. Впоследствии он будет говорить о «жутком обморочном состоянии». Ему кажется,

что его «уносит бурный огненный поток»[62].

Лучше не придумать, как заболеть в присутствии врача, тем более если этим врачом окажется ваш собственный брат, не правда ли? Впрочем, это спорный вопрос. В полном смятении Ашиль везет брата до первой попавшейся на пути крестьянской фермы. Он прибегает к универсальному по тем временам методу оказания скорой помощи — кровопусканию. Предполагается, что это обязательно поможет больному вылечиться, если, конечно, не отправит его на тот свет. Гюстав приходит в сознание. И братья возвращаются в Руан. Отец тут же берется за лечение, поставив сыну диагноз: припадок эпилепсии. Он прибегает к средству, пригодному, возможно, для лечения лошадей, но никак не для человека. В XIX веке врачи не знали ничего другого, как вставлять дренаж в шею больного, чтобы обеспечить отток крови. Затем несчастному прописывались в лошадиной дозе слабительные и строгая диета. Естественно, что Гюстав начал слабеть и таять на глазах.

В том, что касается настоящего недуга, которым страдал Гюстав, нет никакой определенности. Идет ли речь об эпилепсии, как таковой? Был ли это нервный срыв, вызванный слишком большими психологическими нагрузками и умственным напряжением? Или же это был своеобразный отказ продолжить учебу? Припадки у Гюстава время от времени будут повторяться в зависимости от интенсивности эмоций. И все же раньше ничто не предвещало столь внезапного заболевания. Все предыдущие месяцы, несмотря на свое явное «отвращение» к учебе, Гюстав отличался железным здоровьем. Если верить свидетельству Максима Дюкана: для срезавшегося на экзамене студента он был в отличной физической форме и имел щегольской вид. Несомненно, тот факт, что он провалился на экзамене, нанес ему сокрушительный удар. Не будем говорить о том, что Гюстав симулировал свою болезнь. Возможно, что он еще не принял какого-то определенного решения, а его тело ответило за него.

И вот он оказался в Руане. «Ах, здесь можно умереть от скуки! — пишет он Эрнесту Шевалье. — Трубка! Да, ты правильно прочел, моя старушка-трубка. Подумай только — она мне запрещена! Мне, которому она так нравилась! Тому, кто только ее одну и любил! Да и еще холодный грог летом и горячий кофе зимой»[63].

Можно лишь удивляться тому, что поверившие в болезнь Гюстава отец и брат, оба медика, слишком поспешно отправили его обратно в Париж. В апреле он уезжает из Руана, чтобы записаться повторно на факультет права. Его приступы тотчас же возобновляются. Случайно? В любом случае, пришла пора

радикально менять образ жизни. В конце января вследствие обострения болезни он снова возвращается в Руан. На этот раз надолго.

ПРИЮТ ОТШЕЛЬНИКА

Случилось так, что «нервная болезнь» помешала Флоберу продолжить образование. Начало 1844 года отмечено чередой приступов и обмороков. В добавление ко всему Гюстав терпит муки от ожога руки. Его отец, озабоченный тем, что недостаточно пустил ему кровь, по неосторожности проливает на его руку кипяток. У Гюстава на всю жизнь останется след на руке как память об отцовской любви.

Тем не менее отцу надо принять решение о том, как в дальнейшем лечить Гюстава. Его сын больше не сможет вести «нормальный» образ жизни, как раньше. По словам самого писателя, эта болезнь подвела черту под первым периодом его жизни. «Моя активная, полная волнений и эмоций, внезапных потрясений и разнообразных впечатлений жизнь закончилась в 22 года», — пишет он Луизе Коле 31 августа 1846 года.

Доктор Флобер, наконец, смирился с тем, что Гюстав навсегда останется «неудачником». Иными словами, что его сыну придется забыть о карьере адвоката, которую он ему прочил. Ему же надлежит оградить сына от забот о хлебе насущном, тем более что у него была такая возможность.

В 1844 году отец Флобера покупает дом в Круассе в нескольких километрах от Руана, на берегу Сены. Известна даже уплаченная им сумма: 90 тысяч франков, что эквивалентно сегодняшним 400 тысячам евро. Это место было выбрано не случайно: живописное и радующее глаз, как и само жилище будущего писателя, о чем свидетельствовали все, кому посчастливилось побывать в этом доме. Здесь Флобер проведет большую часть своей жизни до самой смерти. Здесь он напишет лучшие романы. Этот дом станет настоящим приютом отшельника, его маленьким райским уголком. Свидетельства современников нам особенно важны, поскольку это место больше не существует в том виде, в каком его знал Флобер. Если в наши дни отправиться в Круассе, то на месте бывшего владения мы не увидим ничего, кроме раскинувшегося у холма обширного сада и небольшого особнячка у дороги, идущей вдоль Сены. Дом писателя был продан его племянницей Каролиной Комманвиль какое-то время спустя после его смерти. Впоследствии его снесли под строительство нефтеперегонного завода. Здание затем было переоборудовано в существующую и по сей день довольно уродливую бумажную фабрику. В особняке разместился небольшой музей, где можно увидеть попугая из «Простой души». Этот попугай — поддельный, что доказал Джулиан Барнс в своем

замечательном романе-расследовании «Попугай Флобера»[64].

Кто только из числа знаменитостей не побывал в доме Флобера и не оставил о нем самых восторженных отзывов: Мопассан, Золя, братья де Гонкур, Жорж Санд… Словно экскурсоводы, они проводят нас по этим волшебным местам. Что представляет собой дом писателя? Это прежде всего место, где его посещает вдохновение, где он испытывает сомнения, горит энтузиазмом, впадает в отчаяние, где он трудится в поте лица над очередным литературным шедевром. Здесь он провел 35 лет своей удивительной жизни. В 1880 году Эдмон де Гонкур пишет в «Дневнике»: «Его имение в самом деле великолепно… Широкая Сена с передвигающимися, словно по задней кулисе театральной сцены, мачтами невидимых кораблей. Величественные и мощные деревья с гнущимися под морскими ветрами и принимающими причудливую форму ветвями. Длинная аллея, обсаженная шпалерными деревьями, спускается террасами на юг. Все это входит в сферу обитания писателя. Дом Флобера в XVIII веке принадлежал ордену бенедиктинцев»[65].

Вот что десять лет спустя после смерти Флобера вспоминал Мопассан об этом доме, в котором к тому времени уже обосновался завод нефтепродуктов: «Возможно, во Франции не существовало более привлекательного для писателя места. Покрашенный в белый цвет дом был построен еще в XVIII веке. От Сены его отделяли лужайка и лодочный причал. Окнами дом выходил на живописную нормандскую долину, которая простиралась от Руана до порта Гавр. Если подняться на верхнюю террасу сада, то глазам открывается великолепный вид. Широкая река с поросшими зеленью островками несет свои воды в сторону Руана, а затем к Гавру»[66].

Интерьер дома, в котором семья Флобера провела ремонт и сменила обстановку сразу же после его приобретения, был «довольно строгим, весьма буржуазным и немного тесным»[67], по словам братьев Гонкур. Душой этого жилища, несомненно, был рабочий кабинет Гюстава. Эта просторная комната занимала, согласно описанию Эмиля Золя, «целый угол дома»[68]. Кроме того, посещавшие дом гости оставили весьма подробные воспоминания о том месте, в котором Флобер, по словам Жорж Санд, жил «как святой отец». Вот как в 1884 году в статье «Голубой обзор» описывает кабинет Флобера Ги де Мопассан: «Три окна его кабинета выходили в сад, а два — на реку. Комната была очень просторной. Основным ее украшением были книги, так же как несколько портретов близких друзей, и немного сувениров, привезенных из путешествий: чучела кайманов, нога мумии, которую слуга по своему невежеству принял за сапог и

натер до черноты гуталином, восточные янтарные четки. На широком письменном столе стоял и смотрел на него своими раскосыми глазами позолоченный Будда. И, наконец, замечательная скульптура Прадье — бюст сестры Гюстава Каролины Флобер»[69].

В Круассе Флобера окружали и обволакивали полная тишина и спокойствие. Что же ему оставалось делать? Сочинять. Наконец-то! Сочинять и ничего другого. Он прощается навсегда с учебой на факультете права и даже с честолюбивыми мечтами напечатать свои произведения и прославиться как писатель. Его нисколько не прельщает возможность приобщиться к литературной жизни, которая ему была противна еще до того, как он с ней познакомился. Только писать и ничего больше. Сидя в своем медвежьем углу, строить по кирпичику литературное произведение, нисколько не заботясь о том, чтобы о нем узнали читатели. Меньше всего он беспокоился о том, чтобы получать за свой труд какое-то материальное вознаграждение. Ему повезло, что отец освободил его от забот о куске хлеба насущном. Благосостояние семьи обеспечивало Гюставу безбедное существование. Теперь он мог посвятить себя творчеству. Гюстав не скрывает своих намерений в письме, написанном в мае 1846 года Максиму Дюкану: «Я часто сомневаюсь в том, что когда-нибудь напечатаю хотя бы одну строчку. Не правда ли, неплохая идея для писателя, который до того момента, когда ему исполнится 50 лет, ничего не публиковал, а затем в один прекрасный день издал все свои произведения? Возможно, что он получит огромное удовольствие и будет на вершине блаженства».

Так что же доставляло истинное блаженство Флоберу? Женщины? Он рано разочаровался в них. Погоня за славой? Такая перспектива его и вовсе не привлекала. Меньше всего он думал о том, чтобы попасть в какие-то властные структуры, где столько шутовства и обмана. Теперь он уже знал, что высшее блаженство ему приносит творческий поиск во время работы над художественным произведением. В этом он видит свое высшее предназначение, которое позволит ему соперничать с самим Господом Богом.

И вот в этом тихом пристанище, в окружении любящей семьи и под неусыпным оком матери, опасавшейся ухудшения состояния его здоровья, Гюстав вновь берется за первую редакцию «Воспитания чувств». Он в самом деле получает огромное удовольствие от того, что творческое вдохновение не покинуло его. Несмотря на то, что первый вариант романа «Воспитания чувств» так и не был ни разу напечатан при жизни Флобера, который считал его незавершенным, он заслуживает

пристального внимания.

Флобер приступает к работе над книгой летом 1844 года, когда его болезнь начала вроде бы отступать. Максим Дюкан отправился в путешествие на Восток и провел там почти год. Несколько лет спустя он снова вернется в те края, но уже вместе с Флобером. Гюстав по-прежнему считал своим лучшим другом Альфреда Ле Пуатвена. Молодых людей сближали сходные взгляды на жизнь и искусство. И все же он думает о Дюкане и о себе самом, когда описывает образы главных героев романа «Воспитание чувств».

Первый вариант романа представляет собой любопытное литературное произведение. Его художественный стиль выше всяких похвал, а отдельные сцены потрясают воображение. Книгу можно назвать лабораторией для подготовки будущих работ писателя: мечты Анри наводят на мысль о воздушных замках, которые строит Эмма Бовари. Некоторые диалоги с Эмилией словно взяты из «настоящего» «Воспитания чувств» 1869 года. О чем же повествует эта книга? О двух друзьях с совершенно противоположными характерами. Анри и Жюль живут в двух параллельных мирах. Анри едет в Париж, чтобы учиться в университете на факультете права, а Жюль остается в провинции. По ходу повествования друзья ведут переписку. В своих письмах они делятся впечатлениями о том, что с ними приключилось, а также рассказывают о своих душевных волнениях. Анри живет в семейном пансионе, принадлежащем господину и госпоже Рено, супружеской паре, чьи жизненные дороги давно уже разошлись. Анри влюбляется в эту «тридцатилетнюю женщину», которая своим женским обаянием «сражает наповал» несчастного юношу. Любовники уезжают вместе в Америку, где их страсть очень скоро остывает в рутине серых будней. Они возвращаются во Францию. Эмили обретает счастье в объятиях мужа, который великодушно прощает ей измену. Анри прилагает усилия на достижение иллюзорной цели: успеха и известности. В итоге он превращается в представителя некогда презренной им буржуазии. Что же касается Жюля, оставшегося в глухой провинции, то его унижает и обманывает актриса провинциального театра. Он находит утешение и спасение в одиночестве и литературном творчестве. Для Флобера это была возможность изложить свою концепцию искусства: независимо от субъективных взглядов автора красота достигается выбором обезличенной формы повествования. «Земля обетованная» любого писателя — достижение красоты. Для этого нужно отказаться изливать на бумаге собственные чувства и освободиться от иллюзий романтизма. Таким образом, первый вариант «Воспитания чувств» представляет собой некий

манифест, в котором делавший первые шаги в литературе Флобер излагает основы своей будущей эстетической концепции. Помимо всего прочего, этот роман можно с полным правом назвать автобиографическим. В образах Анри и Жюля прописаны черты характера самого Флобера. Так, Жюль в своем желании скрыться в глуши более всего напоминает самого Гюстава, выбравшего писательскую стезю. Что же касается Эмили Рено, то своей бьющей через край чувственностью она воплощает черты Элали Фуко. И в то же время она — Элиза Шлезингер, поскольку в ней нашел воплощение женский идеал Флобера, который разбивается вдребезги при столкновении с мрачной действительностью.

Что же делать с этим романом? Гюстав работал над ним с особым упорством. На него он затратил не так много времени по сравнению с ранними произведениями, над которыми он трудился долгие годы. И все же он не спешит публиковать его. Как автор, он видит в нем много недостатков, а также некоторую схематичность сюжета. Ему кажется, что отдельные сцены расположены не в том порядке. Надо сказать, что отдельные сцены уже были потрясающими и великолепными (сцена, когда Жюля ночью преследует собака, просто на грани фантастики). Тем не менее книге не хватало единства повествования, внутреннего нерва, возможно, той крайности, которой отличаются великие произведения.

Между тем вернувшийся к тому времени из поездки на Восток Максим Дюкан рассказывает, что Гюстав захотел однажды после обеда прочитать эту книгу своему отцу. Доктор какое-то время слушал его чтение, а потом заснул. По словам Дюкана, между отцом и сыном затем состоялся нелицеприятный разговор. Отец заявил, что презирает литературу, и назвал ее «бесполезной». На что Гюстав, обидевшись до глубины души, ответил, что никому не известно, для чего служит селезенка, но, однако, она необходима… Можно сомневаться в правдивости этого рассказа и в столь наглядно продемонстрированной буржуазной ограниченности отца писателя. И все же Гюстав знает, что в глазах доктора Флобера он — несерьезный человек, дилетант, неудачник до конца своих дней. Но это его не волнует. Тем или иным способом он добился того, чего хотел. Вот что он пишет одному из своих одноклассников по коллежу Эммануэлю Васс-де-Сент-Уану: «Преимущество моей болезни состоит в том, что она позволяет мне заниматься тем, к чему я всегда стремился, что стало целью моей жизни»[70]. Комментарии на тему «психологии», как говорится, излишни.

ОДНА СВАДЬБА И ДВОЕ ПОХОРОН

Каролина, сестра Гюстава, которую он называл «любимой крысой», вышла замуж, когда ей исполнился 21 год. В самом деле, что в этом удивительного? Дело в том, что ее суженый, Эмиль Амар, бывший однокашник Флобера сначала по коллежу, а затем и по факультету права Парижского университета (именно у него Гюстав познакомился с Максимом Дюканом), помимо всего прочего, входил в приснопамятную «банду „мальчиков“». Семейство Флобер отнеслось к кандидатуре на роль мужа Каролины без особого восторга. «Он глуп как пробка»[71], — однажды напишет Гюстав в своем дневнике. Причем Эмиль Амар был человеком с неустойчивой психикой и резко выраженными комплексами. К несчастью, это будет иметь весьма пагубные последствия в будущем. И все же у него были и положительные стороны характера. Что же касается Каролины, она всегда отличалась слабым здоровьем, хотя нельзя было сказать с точностью, каким недугом она страдала. В любом случае этот брачный союз вызывал большие опасения.

Между тем бракосочетание состоялось 3 марта 1845 года. Гюстав был мрачен, словно предчувствовал беду. Более того, он терял, как ему казалось, связь со своей дорогой и нежно любимой сестрой. Молодая семья поселилась в Париже, где Амар заканчивал учебу на факультете права. Так, Гюстав перевернул еще одну страницу в книге своей жизни.

Продолжение этой истории выглядит довольно необычно. Все семейство Флобер: отец, мать, а также Гюстав отправились вместе с новобрачными в свадебное путешествие. Их путь лежал, конечно, в Италию. Родственники невесты решили сопровождать молодоженов до Генуи, чтобы затем продолжить путь до Неаполя.

Почему в это путешествие, которое не случайно называется свадебным, Флоберы отправились всей семьей? Это наводит на мысль, что они решили всем коллективом «держать свечку»? Ничего подобного. Все произошло потому, что они пребывали в большом волнении. Их тревожили здоровье Каролины и неустойчивая психика Амара. Они посчитали, что будет верхом неосторожности с их стороны доверить столь ненадежному человеку заботу о молодой женщине во время долгой и опасной поездки. И вот все почтенное семейство выезжает на юг. Странное путешествие, в которое Гюстав отправился Скрепя сердце. Первым пунктом был Париж, куда они прибыли по железной дороге. Гюставу кажется, что он попал в не столь далекое прошлое. Ему не удается повидаться со Шлезингером, поскольку того в тот

момент не было в Париже. Зато он встречается с семейством Коллье. Генриетта по-прежнему неизлечимо больна. Сам не зная почему, Гюстав притворяется влюбленным в нее, в чем будет впоследствии каяться в письме Луизе Коле. Он также засвидетельствует свое почтение и Луизе Прадье, с которой к тому времени скульптор уже разошелся. В своем письме Дюкан самыми непристойными словами советует Гюставу воспользоваться ситуацией. Насколько известно, в тот раз Флобер не внял советам друга.

Настоящим началом путешествия был отъезд 3 апреля в Марсель. Семейство Флобер отправляется из Ножан-сюр-Сен, где у них был в собственности участок земли, в Арль. Большую часть пути они проплывут на пароходе. Сначала по Сене до Саона, а затем по Роне до Авиньона или Арля. В письме Альфреду Ле Пуатвену Гюстав жалуется на то, что вынужден путешествовать не в одиночестве, а в большой компании: «Вот уже во второй раз я вижу Средиземное море, как торговец бакалейными товарами». Он также делает довольно странное признание: «На аренах в Ниме и под арками Гардского моста — повсюду я думал о тебе. В этих изумительных по красоте местах я жаждал твоего присутствия рядом со мной. Вдали друг от друга мы чувствуем себя потерянными, без руля и ветрил, разделенными на две половины»[72].

В Марселе ему удается на какое-то время ускользнуть из-под крыла слишком заботливой семьи. Он отправляется по старому адресу навестить хозяйку гостиницы Элали Фуко. Его сердце переполняют противоречивые чувства: непреодолимое влечение к этой женщине пополам с отвращением и легким презрением. И вот он снова пишет: «Мне так и не удалось повидаться с этой обладательницей восхитительных грудей, которая доставила мне столько коротких и сладких минут»[73]. Гостиница закрыта, прелестница выпорхнула из своего гнездышка. Странно, но он чувствует себя опустошенным. Желание покинуло его. Можно ли считать, что это отсутствие желания, или, как говорят в наши дни, отсутствие либидо, объясняется приемом успокоительных средств, которыми его пичкал отец, чтобы вылечить от нервной болезни? Вполне вероятно. Гюставу всего 25 лет. Это довольно молодой возраст для того, чтобы заявить: «Близость с женщиной меня больше не интересует. Мое желание совсем другое, более универсальное, постоянное и мощное, чем стремление овладеть ее телом. Я больше не пользуюсь прелестями женщин, как раньше. Мне достаточно смотреть на них»[74].

Тем временем на пути путешественников возникают непредвиденные трудности. Семейство направляется в Ниццу, а

затем в Геную вдоль Лазурного Берега по неудобным и опасным дорогам. В итоге у Каролины разболелась спина, у доктора Флобера появились рези в глазах, а у его супруги от волнений расшатались нервы. Гюстав пережил два приступа своей болезни. Похоже, что этому обострению нервного заболевания способствовало длительное пребывание в тесном семейном кругу.

И всё же Генуя стоила того, чтобы увидеть ее. Город с его бесчисленными мраморными дворцами потрясает воображение Гюстава. «Он смотрит на всё вокруг широко распахнутыми глазами и с открытым ртом»[75]. Он испытывает настоящий шок в Палаццо Бальби перед произведением, предположительно принадлежащим кисти Питера Брейгеля Старшего[76] «Искушение святого Антония». Гюстав описывает его в деталях несколько дней спустя в Милане. Этот текст вошел в его «Путешествие в Италию». «Вначале эта картина кажется сложной для восприятия, — утверждает он, — затем большинство людей находят ее странной. Одни считают ее даже забавной, другие больше чем просто картиной. Она для меня затмила собой все находившиеся в галерее картины. Я видел только одну ее»[77].

Свадебное путешествие пришлось сократить. Оно оказалось слишком долгим и утомительным. Семейство Флобер через Милан и Швейцарию наконец возвращается во Францию. Гюстав, похоже, совершает что-то вроде литературного паломничества. В Женеве он любуется статуей Жан Жака Руссо, выполненной его другом скульптором Прадье. В Шийоне посещает крепость, где томился в заключении герой поэмы Байрона «Шильонский узник» Франсуа де Бонивар. «Два гения, которые отбрасывают тень выше гор»[78].

15 июня семейство возвращается в Руан, Каролина с мужем остались в Париже. Грустное завершение путешествия, длившегося более двух месяцев. Надо сказать, что семья в таком полном составе давно не собиралась и никогда больше не соберется.

Гюстав возвращается на круги своя. Его на первый взгляд однообразная и монотонная жизнь в действительности была наполнена внутренними страстями и переживаниями. Замкнутая жизнь открывала ему другие горизонты, возможно, «более глубокие, поскольку они ограничены в пространстве и времени». Углубленное изучение греческого языка с успехом заменяло ему учебники по юриспруденции. К тому же он обогащал его словарный запас, необходимый для расширения эрудиции. Он читает произведения Шекспира, Вольтера, а также роман Стендаля «Красное и черное», который приводит его в замешательство. «И это стиль, тот самый настоящий старинный

стиль, которого теперь больше не встретишь»[79]. Все литературные приемы и начинания Флобера основывались на прочном языковом фундаменте. Вот почему утонченный и изысканный, полный намеков и парадоксов, легкий, как музыка Моцарта, язык Стендаля не отвечал темпераменту Гюстава.

В одиночестве и тишине Круассе он работает над своей новой книгой «Искушение святого Антония». Под впечатлением от картины Брейгеля Флобер собирает и обобщает дневниковые записи. Он подробно анализирует психическое состояние святого в пустыне в тот момент, когда дьявол искушает его сладострастными видениями. Ему нравится разрабатывать эту тему борьбы с самим Сатаной. Она кажется ему непомерно грандиозной. И он справится с этой задачей! За всю свою жизнь Флобер возвращался к этой теме по меньшей мере раза три. Он сочинил три разные версии «Искушения святого Антония».

И все же у него возникает немало причин для беспокойства. Гюстав скучает по сестре, которая находится вдали от него. Опасения семьи по поводу мужа Каролины подтвердились в полной мере. Он оказался слабовольным нерешительным человеком, к тому же без царя в голове. Тем не менее во время свадебного путешествия или же еще накануне ему удалось «осеменить» свою молодую жену. Она отправилась в долгое путешествие беременной, чем, скорее всего, и объясняются ее частые недомогания и ссылки на усталость.

В конце 1845 года доктор Флобер сильно занемог — на его бедре образовалась флегмона. В те времена медицина была неспособна эффективно лечить подобные недуги, поскольку пенициллина и антибиотиков еще не было и в помине. Сын Ашиль вызвался провести операцию. Ему удалось вскрыть гнойный нарыв. Но инфекция продолжала распространяться и отравлять весь организм больного. Доктор Ашиль Клеофас Флобер скончался 15 января 1846 года, по всей вероятности, от сепсиса в возрасте шестидесяти одного года.

Наступивший год выдался самым трагическим и мрачным в жизни Гюстава. Его тяжело травмировал уход отца, «этого умного и доброго человека», «тонкой и возвышенной души»[80]. Перед ним словно разверзлась глубокая пропасть. Он чувствовал в сердце огромную пустоту. Между тем надо было незамедлительно действовать, чтобы должность отца перешла к брату Ашилю. С этой целью Гюстав отправляется в Париж и демонстрирует, что обладает такими деловыми качествами, которые удивительны для человека, заявляющего о своей неспособности к решительным действиям. Он добивается аудиенции у самого короля, чтобы хлопотать за Ашиля. «Друзья приходили в ужас от моей дерзости

и возможностей»[81], — напишет он впоследствии Луизе Коле.

И это было первым тяжелым испытанием, выпавшим на долю Гюстава в том трагическом году. Два месяца спустя, 22 марта умирает сестра Каролина, родившая дочь через неделю после кончины доктора Флобера. Вначале она долго не могла оправиться после родов, затем ее скосила послеродовая горячка. Гюстава срочно вызывают в Париж. Он застает сестру в бреду и при смерти. Рядом с ней заходится в плаче ребенок. Брат Ашиль ничем уже не может помочь. Что же касается Гюстава, то он беспристрастно анализирует свои чувства, которые испытывает в этот момент: «Мои глаза остаются сухими, как мрамор. Это очень странно, тем более что знаю, каким экспансивным и плаксивым я бываю, когда испытываю воображаемую боль, в то время как истинная боль, пронзая сердце, нарастает и остается там навсегда»[82].

Тем не менее кончина сестры, случившаяся неделю спустя после того, как он написал это письмо Дюкану, наносит ему сокрушительный удар. Он проводит бессонную ночь около наряженного в свадебное платье тела усопшей сестры и перечитывает письма Элали Фуко. Похоже, что ему очень хочется вернуть безвозвратно ушедшие счастливые дни, когда была жива его сестра, а он испытывал муки любви, которую, возможно, упустил…

Похороны сестры состоялись на следующий день после ее кончины. Могильная яма оказалась слишком узкой для погребения, и гроб пришлось в него не опускать, а с силой проталкивать. Стоя на коленях на краю могилы, Амар предавался отчаянию и скорби. Вскоре у него появились признаки душевной болезни, что не замедлило добавить семье новых забот. Возникла необходимость принимать срочные меры, включая обращение в судебные инстанции, чтобы оградить ребенка Каролины от сумасшедшего отца и передать его на попечение бабушки, а следовательно — родного дяди, поскольку Гюстав проживал вместе с матерью. Он полюбит свою племянницу всем сердцем. Для нее он будет пребывать одновременно во всех лицах: дядя, отец, друг.

И вот теперь, можно сказать, создается новая семья: бабушка, дядя и маленькая внучка, нашедшая пристанище в Круассе. Из-за свалившихся на него бед Гюстав чувствует себя бесконечно усталым и несчастным. Его мать, взявшаяся за исполнение новой роли, изо всех сил старается заглушить свое горе. Она всячески пытается заменить малышке мать.

И вот, словно выпавших на долю Гюстава невзгод показалось кому-то мало, приходит новость, сразившая его наповал. Его

закадычный друг Альфред Ле Пуатвен, по сути дела его второе «я», неожиданно женится. Гюстав воспринимает это известие как предательство со стороны лучшего друга. Ведь брак — это то, хуже чего быть не может, — невероятная буржуазная глупость. Альфред женится на девице по имени Аглая де Мопассан. Сестра Альфреда, Лаура, в свою очередь, выйдет замуж за Гюстава де Мопассана. У них родится сын, будущий знаменитый писатель, которому в будущем Флобер будет оказывать всяческое покровительство.

Гюстав посылает другу письмо, где пишет, сделав кисло-сладкую мину, о том, какие тяжелые переживания испытывает от того, что в его жизни снова что-то вдребезги разбилось. Он не скрывает, что собирался создать плодотворный творческий союз вместе с Альфредом. «Ты был со мной во всех моих творческих задумках и планах. Вот отчего мне так грустно и тяжело на душе. Увы! Слишком поздно»[83]. В довершение всего Альфред Ле Пуатвен решил переехать в Париж — эту приманку и западню для молодых провинциалов. Гюстав понял, что пришло время попрощаться с юностью навсегда. «Как быстро все уходит! Как быстро все кончается»[84]. Единственное убежище — работа и накапливание знания, чтобы снова начать творческую жизнь.

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Флобер впервые увидел Луизу Коле в Париже в конце июля 1846 года в мастерской своего приятеля скульптора Прадье на набережной Вольтера. Он приехал исключительно с намерением заказать бюст Каролины. Луиза — любительница посещать модные места — оказалась в тот момент в гостях у скульптора. И вот состоялась их первая встреча: с первого взгляда Гюстав был очарован — и это еще мягко сказано — сражен наповал ослепительной красотой молодой женщины, которая вскоре станет для него музой, а порой и источником душевных мук и страданий…

Луизе Коле в ту пору исполнилось 36 лет. Она называла себя поэтессой. В действительности она сочиняла посредственные стихи, но это давало ей повод общаться со многими представителями парижских литературных кругов. Уроженка Аахена, в девичестве Луиза Ревуаль, была дочерью почтового служащего. В 1835 году она вышла замуж за профессора консерватории флейтиста Ипполита Коле, которому в скором времени начала активно наставлять рога. Поселившись с мужем в Париже, Луиза предприняла немало усилий, чтобы добиться признания со стороны «сильных мира сего» в области литературы, таких как Шатобриан или Сент-Бёв[85]. Ее любовник, философ Виктор Кузен, помог ей получить премию Французской академии. Похоже, она умела извлечь выгоду из своей благородной деятельности и заручиться поддержкой самых известных членов Французской академии: Гюго, Мюссе, Виньи. Она не обладала большим поэтическим даром, зато умела ловко плести интриги и заводить нужные знакомства. Эти таланты открывали ей двери литературных салонов, позволяли получать денежную помощь, а также добиваться положительных отзывов о своих довольно бездарных поэмах. Другими словами, она с большим успехом играла в этой маленькой комедии, которая называется общественной литературной жизнью. Что же касается Флобера, то долгое время он сторонился любого участия в этой социальной комедии (за некоторым исключением, как покажет будущее). Любовницей Виктора Кузена, будущего министра народного образования, Луиза стала в 1838 году. Эта связь была весьма полезной для этой предприимчивой особы. Записная книжка с множеством нужных адресов, использование внешней привлекательности в корыстных целях — вот самый ценный багаж для бездарностей. Ко всему еще следует добавить темперамент. Луизе его было не занимать. Когда она забеременела от Виктора

Кузена, — «от укола Кузена» — по саркастическому замечанию карикатуриста Альфонса Карра, которое он напечатал в своем сатирическом журнале «Геп», Луиза тут же отправилась к своему обидчику, чтобы убить его ударом кинжала. Инцидент остался без последствий, поскольку Карру удалось ее обезоружить. Тем не менее ее репутация уже прочно сложилась: это страстная натура, настоящий незатухающий вулкан.

Впрочем, Луиза была очень красивой женщиной в самом расцвете лет. Светлоглазая блондинка с довольно пышными, но восхитительными женскими формами. К тому же она была весьма высокого мнения о своих литературных способностях. Прадье представил Луизе Гюстава как начинающего автора, которому она могла бы дать несколько литературных советов. Гюстав был немного в душе уязвлен, хотя еще ничего существенного не опубликовал. И все же он не устоял перед обаянием Луизы. Она потрясла его воображение. Ему казалось, что никогда прежде он не встречал более желанной женщины. Можно сказать, что он влюбился с первого взгляда, поскольку уже на следующий день он поспешил без предупреждения нанести ей визит. Они потратили два вечера на прогулки по Парижу в коляске, а затем Гюстав пригласил прелестницу в гостиницу, где он остановился.

С Элали он познал чувственную сторону любви. Луиза же показала ему, что такое настоящая страсть. Он был смущен, растерян и даже шокирован, что было чревато для него самыми плачевными последствиями и могло превратить эту первую ночь любви в полное фиаско. Впрочем, дама имела богатый опыт в любовной науке. Она нашла способ развеять сомнения Гюстава относительно его мужской состоятельности.

Костер страсти не может полыхать без конца. Уже на следующий день Гюстав возвращается в Руан, где на вокзале со слезами на глазах его встречает обеспокоенная его долгим отсутствием мать. С нашим героем приключилась самая банальная история. Но нам интересна не история, как таковая, а последовавшая за ней удивительная переписка, которую можно разделить на две части. Первая часть обмена письмами продолжалась до марта 1848 года. Она напоминает дневниковые записи о непростой любовной связи. Вторая часть начинается с момента возвращения Гюстава с Востока и совпадает с началом работы над «Госпожой Бовари». Теперь письма Гюстава приобретают характер некого бортового журнала, в котором он пишет отчет по созданию литературного шедевра. Луизе в нем отведена роль музы. В то же время она становится непосредственным свидетелем творческих мук писателя.

В то лето 1846 года Гюстав остро переживал начальную

стадию любовных отношений с этой чувственной и страстной женщиной. Такое происходило с ним впервые в жизни. Он робел перед ней в еще большей степени, чем вожделел ее. Гюстав опасался, что женщина вихрем ворвется в его жизнь и разрушит его покой анахорета, то есть отшельника. Еще больше он боялся того, что об этой связи узнает его мать. Для того чтобы получать письма от возлюбленной, ему пришлось призвать на выручку Дюкана, который перекладывал каждое письмо в другой конверт и затем отправлял Гюставу. 30 лет спустя к такой же уловке прибегнет Поль Сезанн. Он будет получать письма от своей любовницы Гортензии при посредничестве своего друга Эмиля Золя. Бедняги, которым «повезло» родиться в XIX веке! Застегнутые на все пуговицы молодые люди, обалдевшие от пуританства и негласных запретов, готовые из ложной скромности превратиться в кастратов.

Что же касается содержания этих писем, во всяком случае тех, которые вошли в первую часть переписки, то оно по меньшей мере удивляет. Гюстав, без всякого сомнения, любит Луизу, но на расстоянии. В своих первых посланиях в ответ на высказанные прекрасной поэтессой опасения по поводу того, что он, возможно, презирает ее за то, с какой легкостью она уступила ему (впрочем, для нее это было привычным делом), он пускается в пространные рассуждения о своем душевном состоянии. «Я не верю ничему и никому, даже самому себе, что редко встречается. Я занимаюсь творчеством, поскольку это занятие отвлекает меня от грустных мыслей. И все же я нисколько не верю в красоту, которая победит мир, как и во все остальное»[86]. Он признаётся, что испытывает к ней самые пылкие чувства. В то же время он пишет, что их любовь изначально обречена, а впереди их ждет одно лишь горькое разочарование. Счастье призрачно и невозможно. Ему было всего-навсего 25 лет от роду, но если судить по этим письмам, можно сказать, что их написал старый, закаленный в боях на любовном фронте вояка. Он делится с возлюбленной воспоминаниями о том, какое разочарование ему принесли короткие любовные истории, случившиеся с ним раньше, до встречи с ней. Что же отвечает Луиза на его пессимистические откровения? Мы ничего не знаем об этом. Ее письма большей частью либо где-то затерялись, либо были уничтожены. Согласно комментариям Флобера мы вполне можем представить, что она писала ему в ответных письмах. Луиза беспокоилась, тревожилась, восставала, одним словом, страдала. Возможно, что она и в самом деле потеряла голову от любви к этому молодому великану из Нормандии. В любом случае она была хорошей актрисой. Можно, однако, с уверенностью говорить о том, что ее могла задеть за

живое вот такая его фраза: «Твоя любовь опечалила меня. Я вижу, что ты страдаешь. Я думаю, что и в дальнейшем ты будешь страдать из-за меня. Для меня, так же как и для тебя, лучше было бы никогда не встречаться. Между тем твое романтическое настроение и образ мыслей неудержимо влекут меня к тебе»[87]. Эти слова были написаны Гюставом, когда не прошло и недели после того, как они познакомились…

Что касается Луизы, то она полагает, что их связь будет долгой и прочной, и потому проявляет повышенную требовательность к своему возлюбленному. Она забрасывает его письмами и требует, чтобы он ежедневно писал ей ответные послания. Она переживает, что они не могут часто видеться. И все это потому, что его матушка контролирует каждый шаг Флобера, словно он еще малый ребенок. По правде говоря, такое положение вещей вполне устраивает Гюстава. Он может хоть каждый день писать письма и мечтать о Луизе «перед высоким тюльпанным деревом»[88]. Тем не менее видеться с ней ежедневно и терпеть ее присутствие рядом с собой вскоре стало бы для него тяжкой обузой, сделало бы его жизнь невыносимой. Вот место, которое отвел Гюстав Луизе: несколько коротких встреч и жарких объятий, а затем любовь по переписке.

И, конечно, Гюстав вовсе не желает, чтобы Луиза приехала навестить его в Круассе. Подобная перспектива нисколько ему не улыбается, в первую очередь из-за матери. Помимо всего прочего, он боится осуждения соседей, скандалов и сплетен. Как бы там ни было, весь август влюбленные обмениваются страстными посланиями и довольствуются мимолетными встречами. Два или три раза Гюстав находит предлог, чтобы отправиться в Париж (четыре часа поездом). Он встречается с Луизой, чтобы провести с ней короткое время, а затем тотчас отправляется восвояси, чтобы не причинить беспокойство своей хрупкой, уязвимой и впечатлительной матери. По правде говоря, она и в самом деле чуть жива после двойных похорон. К тому же на ее руках находится внучка, маленькая Каролина. Вскоре Луизу перестает устраивать такое положение вещей. Она хочет родить от Гюстава ребенка. Он приходит в ужас. Ему ненавистна даже сама мысль о том, чтобы стать продолжателем рода. Все же более всего он не хочет связывать себя по рукам и ногам отцовскими обязательствами. Он грозит, что бросится в Сену, если, не дай бог, с ним случится подобная катастрофа.

Как относится Луиза к столь негативной реакции Гюстава? Что бы там ни было, она по-прежнему хочет видеться с ним. В один прекрасный день он назначает ей свидание в Манте, на полпути от Руана до Парижа. Гюстав предлагает ей встретиться

всего на пару часов. В ответ она посылает гневное письмо, где осыпает его самыми бранными словами. В итоге она соглашается приехать в Мант.

Они остановились в гостинице со звучным названием «Большой олень», что весьма соответствовало обстоятельствам их встречи. В пылу страсти Гюстав забыл о том, что надо вовремя вернуться в Руан. Любовники провели в гостиничном номере всю ночь. На следующее утро он, как провинившийся ребенок, явился домой к матери, которая ждала сына, не смыкая глаз до самого утра. «Она ни в чем не упрекнула меня, однако на ее лице можно было прочитать то, что было хуже самого тяжкого упрека»[89].

Тем не менее эта ночь любви произвела на Гюстава незабываемое впечатление. Он описывает ее самыми восторженными словами во всех подробностях. Что же касается Луизы, то она тоже не остается в долгу. Вспоминая страстные порывы и объятия Гюстава, она пишет:

> Как дикий буйвол из американских прерий,
> Великолепный и мощный во всей своей атлетической красе и силе
> Ты ласкал мою грудь развевающейся копной темных волос,
> И вдохнул в меня жизнь без устали много-много раз![90]

Можно не сомневаться, что Гюстав не испытывал большого восторга от поэтического дара своей возлюбленной. Если бы это было ее единственной ошибкой! Назвать его буйволом… В ответ он пишет ей письмо, довольно нежное и ласковое, но несколько снисходительным тоном… Теперь его вдруг начинают мучить сомнения.

Post coitum animal triste…[91] Не успев проститься с Луизой после проведенной с ней бурной ночи, Гюстав впадает в глубокую тоску. «Блаженство — это радость, которая нас разрушает»[92]. Депрессия — вот расплата за это сомнительное удовольствие. Таковы были взгляды Флобера на все, что касается любви. Немного погодя он впадает в панику из-за того, что Луиза жалуется на «задержку» так называемой «высадки англичан»[93]. В середине сентября письма Гюстава наполнены тревогой по причине «этой проклятой крови, которой нет и в помине». Он призывает на помощь всех богов и, когда, наконец, его молитвы будут услышаны, вздохнет с облегчением.

Они видятся все реже и реже, а встречи их становятся все короче. После страстных, но торопливых объятий любовники осыпают друг друга упреками, не на шутку ссорятся и покидают

друг друга со слезами — большей частью на лице Луизы. Расставание лишь разжигает костер страсти и стимулирует жажду творчества. Их связь с полным правом можно назвать литературной. Письма Гюстава, написанные Луизе в первые два года их любовных отношений, представляют собой ценнейшие документы. Они раскрывают богатый внутренний мир молодого писателя, отражают его философские взгляды и демонстрируют огромный интеллектуальный потенциал. В письмах Гюстав изливает душу и в то же время немного приукрашивает портрет отрицательного персонажа, каким хочет казаться в глазах Луизы. Если судить по этим посланиям, он предстает перед нами как весьма жизнелюбивый, наделенный чувством юмора, увлеченный пассивным созерцанием человек. При этом он обладает огромной трудоспособностью. Гюстав под впечатлением от прочтения «Исповеди» Руссо в порыве охватившей его страсти к писательскому труду спешит излить душу на бумаге и поведать обо всех терзающих его сомнениях.

Надо признать, что Флобер не был ревнивым человеком. В противовес Луизе, которая приходит в ярость от его откровенных признаний по поводу прошлых любовных похождений, Гюстав без намека на упрек упоминает о предполагаемых или реальных любовных связях своей подруги. Более того, он настоятельно советует ей продолжить отношения с Виктором Кузеном. Он пишет, что «не хочет лишать ее чего бы то ни было. Напротив, он желает лишь что-то добавить к тому, что она уже имеет». Нет ничего опаснее для него, чем верная и преданная возлюбленная. Она может нарушить его спокойную жизнь. Гюстав журит любовницу за приступы ревности, гипертрофированное чувство собственности, постоянные обвинения во всех грехах, сцены, устраиваемые не только в реальной жизни, но и в письмах. Он сыт по горло. Гюстав не один раз пишет возлюбленной о разрыве их отношений. Он больше не в силах терпеть непомерную требовательность Луизы. Он упрекает ее в том, что она «посягает на жизнь, которая не принадлежит даже ему самому, а она ради своей прихоти вмешивается в эту жизнь»[94]. Ее любовь слишком требовательная, она мучает его. В свою очередь, он может сколько угодно любить даму своего сердца, не видясь с ней долгие годы. В конце декабря 1846 года он пишет: «Я устал от великих страстей, экзальтированных чувств, бурных выяснений любовных отношений, криков отчаяния»[95]. В конце концов, думает он, им не следовало бы и вовсе встречаться. И все же стоит им только оказаться лицом к лицу, как их вновь подхватывает и уносит бурный поток чувственной любви.

Вот так с грехом пополам развиваются эти любовные

отношения до самой весны 1847 года. Гюстав и в самом деле начинает по-настоящему тяготиться этой затянувшейся историей. Безусловно, чтобы хоть немного отдохнуть от Луизы с ее всплесками эмоций и перепадами настроения, он с радостью соглашается отправиться в поездку по Бретани вместе с Максимом Дюканом.

Надо сказать, что Луиза переходит все границы дозволенного, становится неуправляемой и даже опасной. В один прекрасный день, ближе к концу 1846 года, она, словно фурия, ворвалась в ресторан с ножом в руке. Ей показалось, что Гюстав ужинал в обществе новой любовницы, в то время как он спокойно сидел за столом с друзьями. В феврале 1847 года во время поездки Гюстава в Париж Луиза совсем «слетела с катушек» и распоясалась. Она то и дело пристает к Максиму Дюкану с требованием представить ей полный отчет обо всех поступках Флобера. Своими действиями она доводит Гюстава до нового нервного срыва. Таким образом, путешествие по Бретани приходится ему как нельзя кстати. И это несмотря на то, что Луиза ставит его перед выбором: она или поездка с другом. Он выбирает поездку.

И вот, наконец, он может вздохнуть свободно! 1 мая 1847 года молодые люди с рюкзаками за спиной отправляются на три месяца в путешествие. Они едут поездом до Блуа. Прежде всего они посещают замки Луары, а затем их путь лежит на юг Бретани. В Туре Гюстав совсем было занемог, и местный врач прописывает ему сульфат хинина.

В ходе путешествия друзья планируют совместно написать книгу. Максим собирается заполнять четные страницы, а Гюстав нечетные. «По лугам и песчаным берегам» представляет собой любопытный дневник, где авторы рисуют живописную картину этого края, покорившего их своей первозданной дикой красотой. Кроме того, Гюставу впервые предоставляется возможность отточить свой неповторимый стиль, кропотливо и вдумчиво работать над красотой фразы, что станет фирменным знаком будущего мэтра литературы. Прежде чем приступить к работе над текстом, что они задумали осуществить по прибытии домой, друзья скрупулезно ведут дневниковые записи. В Карнаке, высмеивая бредовые интерпретации, высказанные ранее по поводу знаменитого поля менгиров[96], Флобер лаконично высказывает свое мнение: «Камни Карнака — это очень большие камни».

Между тем Гюстав не забывает Луизу, что свидетельствует о двойственности его чувств к ней. Он с ужасом вспоминает их бурные скандалы и распри. В то же время в каждом

встречающемся на пути городе он спешит на почту, чтобы получить от нее весточку. Так, 17 мая он пишет ей из Нанта и упрекает в том, что никак не дождется от нее письма. И в том же письме сообщает своей возлюбленной, что готов окончательно порвать с ней. Три недели спустя уже из Кимпера он признаётся в своем письме, что «испытывает к ней особое, ни на что не похожее чувство, которому он ищет и не может найти определение». Вспоминал ли он при этом чувственную сторону их отношений? Возможно, он немного грустил о том, что все осталось в прошлом? В заключение он пишет: «В итоге мне был необходим глоток воздуха. С некоторых пор я задыхался»[97].

Что касается воздуха, то он дышит им полной грудью до самого Бреста, куда друзья приходят пешком. Здесь их ждет встреча с матерью Гюстава. Она приехала вместе с маленькой Каролиной. Заботливая мамаша не может долго оставаться в разлуке с сыном. На протяжении нескольких дней она путешествует вместе с молодыми людьми. Куда бежать Гюставу, чтобы его оставили в покое? На край света? А может, махнуть на Восток? Это решение он примет какое-то время спустя.

В Сен-Мало его одолевают мысли о Шатобриане. «Великий человек», который скончается годом позже, уже выбрал себе место для захоронения «на скале, лицом к волнам». Неужели Гюстава шокируют самомнение и культ личности знаменитого писателя? Совсем нет. «Заранее думать о своей смерти и готовить место для перехода в мир иной вначале мне показалось несерьезным делом, а затем я пришел к выводу, что это возвышенная и прекрасная идея»[98].

В начале августа Гюстав возвращается в Круассе. Здесь наконец-то он получает письмо от Луизы, в котором она с горечью упрекает его в том, что он забыл о годовщине их любви. В ответ он сообщает, что не чувствует за собой никакой вины и свободен от каких бы то ни было обязательств.

И тут, как гром с ясного неба, приходит плохое известие. Его названый брат, его альтер эго, его самый близкий, любимый и дорогой друг Альфред Ле Пуатвен болен неизлечимой болезнью.

СВЯТОЙ АНТОНИЙ В ПУСТЫНЕ

Не успел Гюстав возвратиться из путешествия в Бретань к своим пенатам: к привычной тиши своего рабочего кабинета, одиночеству и любимой трубке, — как его уже тянет к другим неведомым краям и широким просторам. Его друг Максим уже совершал длительное путешествие на Восток. Гюставу также хочется посетить эти далекие страны. И все же ему пришлось ждать целых два года, прежде чем сбылись его мечты.

Он снова садится за письменный стол. Литературная обработка записей, сделанных во время путешествия, дается ему с большим трудом и доставляет немало мучений. Кажется, что он на пороге сильнейшего нервного срыва. Гюстав впервые сталкивается с подобными трудностями. Он испытывает настоящие муки творчества. Кажется странным, что он переживает из-за такой, казалось бы, банальной и довольно условной на первый взгляд работы, как «путевой дневник». До этого момента Гюстав легко и свободно владел словом, о чем можно судить по его обширной переписке, которая составляет неотъемлемую часть его творческого наследия. И все же многочисленные ранние сочинения — «Мемуары безумца», «Ноябрь» и даже «Воспитание чувств» в редакции 1845 года — выходили из-под его пера с завидной легкостью, возможно, еще и потому, что в своих первых литературных произведениях он во многом подражал своим кумирам из числа известных писателей того времени. Теперь же настало время найти свой собственный почерк. Гюстав знает, что ему надлежит делать: надо всего лишь преодолеть одну ступень. Как оказалось, это совсем не так просто. Вот что он пишет Луизе в октябре 1847 года: «Если бы ты знала, какой это изнурительный писательский труд! Он отнимает все мои силы. Я работаю, не разгибая спины. Это изматывает меня и расшатывает нервы. Я досадую на себя, терзаюсь и мучаюсь. Бывают дни, когда я чувствую себя совсем разбитым и больным, а по ночам у меня жар… Какая глупая навязчивая идея — тратить жизнь на то, чтобы корпеть над каждым словом и трудиться весь день, чтобы довести до ума несколько фраз».

В самом деле, он уже вступил на путь самоотречения, которое позволит ему в своем творчестве достигнуть реальных, а не мистических высот. Работа над художественной формой будет для него и землей обетованной, и одновременно мученичеством. Флобер, как Сезанн или Бетховен, самоутвердится не только как творческая личность, но и как великий творец новых художественных форм. Начиная с этого момента, ни одна из его

книг не будет написана с прежней легкостью.

Впрочем, он нисколько не думает о том, чтобы издать эту книгу. Ее никто не прочитает, разве что «королевский прокурор по причине того, что некоторые размышления могут ему не понравиться»[99].

У Флобера в голове уже зреет другой, более серьезный, замысел. Тема «Искушения святого Антония» занимает все его мысли. Эта «старая причуда», как он скажет в 1870 году, только-только начала волновать его воображение. Он перечитывает множество религиозных книг, интересуется разными еретическими христианскими учениями, изучает древнюю историю религиозных культов. Гюстав проделывает огромную подготовительную работу.

Святой Антоний, отшельник, сублимирующий свои неудовлетворенные желания в галлюцинациях и видениях, — это сам Флобер. Как пишет Жан Поль Сартр, «поскольку он не может самоутвердиться через обладание, Гюстав самоутвердится через желание, то есть через то, чего не будет иметь. Гюстав останется навсегда неудовлетворенным. <…> Это самоотречение, от которого хочется рычать и выть»[100].

О своем новом замысле, об этом «водосбросе», как он позднее выразится, где смешались невероятные картины, фантастические видения, размышления о самых разных религиях, Флобер ведет бесконечные разговоры со своим школьным другом, который снова появился в его жизни, — Луи Буйе. Жизнь не баловала этого молодого человека. Он был интерном в больнице Руана. И, как мы знаем, доктор Флобер, отец Гюстава, указал ему на дверь. Безусловно, у доктора были для этого самые веские причины. Медицина явно не была призванием Буйе. И теперь этот молодой человек с мягким характером и тонким вкусом зарабатывал себе на жизнь тем, что давал уроки отстающим ученикам. Благородное занятие, но отнимающее слишком много времени, чтобы заниматься литературным творчеством, в частности поэзией. Ему оставалось лишь с грустью мечтать о том, чтобы посвятить себя любимому делу. И вот этот достойный во всех отношениях человек займет после смерти Альфреда Ле Пуатвена важное место в сердце и жизни Гюстава. Друг, работа, теплый домашний очаг… Париж далеко, и гневные письма Луизы, всегда готовой обрушить на него гром и молнии, все меньше и меньше его трогают.

Во Франции, между тем, накаляются политические страсти. Правительство Луи Филиппа уходит в отставку под двойным натиском со стороны республиканского левого большинства и буржуазии, рвущейся к власти, которой лишилась во времена

Реставрации. Флобер не примыкает ни к тому, ни к другому, ни тем более к третьему лагерю. Он не монархист, не социалист. Он с большим презрением относится к буржуазии, несмотря на то что сам принадлежит к этому классу общества и ведет буржуазный образ жизни. Ему нужно совсем иное. Он видит себя прежде всего творческой личностью, артистом, художником, мастером слова — солью земли, по его мнению.

В Руане, как и во всей французской провинции, начиная с конца 1847 года протестное движение выражается в форме банкетов, организованных реформистами. На один из таких банкетов отправляется Флобер вместе с Луи Буйе. Вот как он описывает его Луизе: «Я присутствовал на банкете реформистов! Какой вкус! Какая кухня! Какие вина! И какие произносятся речи! <…> Какое печальное зрелище представляют собой эти люди. Какая грусть охватывает ваше сердце, когда вы видите перед собой такую вопиющую и воинствующую глупость»[101].

Революция тем не менее уже идет полным ходом. В феврале 1848 года в Париже вспыхивает восстание. Флобер и Буйе едут в столицу, чтобы встретиться с Максимом Дюканом. Они предвкушают, какое роскошное зрелище ждет их. Они не хотят пропустить его. Вечером 23 февраля трое друзей отправляются ужинать в ресторан в центре города. Три брата-провинциала. По дороге им навстречу попадается группа мятежников, выкрикивающих призывы с требованием провести реформы. Некоторое время спустя, возвращаясь от Дюкана, они видят манифестацию на бульваре Капуцинов. Затем до них доносятся звуки выстрелов. Они еще не знают о том, что это расстрел, который на следующий день приведет к восстанию и к отставке, а затем бегству Луи Филиппа.

О том, что произошло на следующий тревожный и кровавый день, можно прочитать на страницах «Воспитания чувств» в редакции 1869 года. Вначале друзья были скорее свидетелями, чем действующими лицами событий, происходящих на их глазах. Они то теряют друг друга, то снова встречаются. Какой-то мужчина падает им прямо под ноги. Флобер спасает от разъяренной толпы гвардейца. Затем мятежники перемещаются в сторону дворца Тюильри, где разбежалась охрана. Они садятся за королевский стол, все еще накрытый для завтрака. Тут появляются военные, наступает неописуемый хаос. Флобер наблюдает за этой яростью восставших, он видит разгром и грабежи, коллективное безумство толпы, способной на крайнюю жестокость. А в городской ратуше уже провозглашена республика.

Флобер возвращается в Круассе. Воспевать революцию не в его характере. В коротком письме, которое Гюстав направит в

начале марта 1848 года Луизе Коле, он нисколько не приукрашивает свои чувства: «Я получаю большое удовольствие от того, что наблюдаю за тем, как разбивается всякое честолюбие. Я не знаю, будет ли новое правительство благоволить к искусству. Вот в чем вопрос. Невозможно быть ни более буржуазным, ни более ничтожным. Что до того, чтобы быть более глупым, вполне возможно».

Гюстав в том же письме выражает свое отношение к «новости», которую Луиза ему сообщила. Она в положении. И, к счастью, не от него. Как, впрочем, и не от Кузена. От неизвестного любовника из числа многочисленных безымянных героев ее мимолетных романов. Гюстав отвечает уклончиво и тоном слегка оскорбленного достоинства. Можно лишь предположить, что он испытывает большое облегчение.

В том же марте Гюстав окончательно порывает с Луизой. Это происходит после того, как она едва не объявилась к нему в дом в Круассе.

В апреле происходит одно еще более горестное для него событие. Умер Альфред Ле Пуатвен. «Каждый вечер до самого последнего момента, когда он мог еще что-то делать, лежа в постели, он читал Спинозу до часа ночи»[102]. Гюстав потрясен, он тяжело переживает уход друга. И в то же время ему легче на душе от того, что страдания друга закончились. В письме Максиму он описывает со всеми подробностями агонию Альфреда и его похороны. «Вокруг меня одна пустота. Какая короткая жизнь…»[103]

В августе он пишет Луизе Коле всего три слова: «Спасибо за подарок». Она прислала ему прядь волос Шатобриана…

С мая 1848 года по сентябрь 1849-го он сочиняет все реже и реже. И этому есть причина. Не успел он проститься с Альфредом Ле Пуатвеном, как он внес свою лепту в становление нового режима. Всего несколько дней Флобер носит форму национального гвардейца и принимает участие в (немного потешной, по его мнению) высадке дерева Свободы.

Во время событий июня 1848 года, когда произошли волнения простого народа, недовольного политикой руководства молодой республики, Максим Дюкан получил пулевое ранение в ногу, за что был награжден орденом Почетного легиона. Подобно герою своего написанного 20 лет спустя романа Фредерику Моро, который, будучи навеселе, отправился с Розанеттой в лес Фонтенбло, Гюстав на этот раз так ничего и не увидел: вместе с матерью и малышкой Каролиной он поспешил уехать в Форж-ле-О, чтобы скрыться от Эмиля Амара, отца девочки. Его душевное равновесие внушает большие опасения. Он пытается ворваться в

дом, расположенный в Круассе, угрожает, требует, чтобы ему вернули дочь. По решению суда ребенок находится под временной опекой бабушки. И все же это не решает проблемы: надо, чтобы Амара закрыли в лечебном заведении или отправили куда-либо подальше.

С наступлением лета Гюстав снова живет в Круассе. Теперь его основной заботой является редакция книги «Искушение святого Антония». Над ней он будет кропотливо трудиться вплоть до 12 сентября 1849 года. В короткие перерывы Гюстав обдумывает, как бы ему совершить совместное с Дюканом путешествие на Восток. Его планы находятся под угрозой, поскольку госпожа Флобер, мать писателя, узнав о них, приходит в ужас. У Гюстава слабое здоровье, его нервы расшатаны. Подобное путешествие окончательно погубит его. Друзья идут на маленькую хитрость. Они заручаются поддержкой Ашиля, старшего брата Гюстава, который является главой семьи. В результате доктор Клоке посылает госпоже Флобер письмо, в котором уверяет ее в том, что это путешествие пойдет на пользу Гюставу. И в чем же состоит эта польза? Тайна, покрытая мраком. В письме, адресованном Эрнесту Шевалье 6 мая 1849 года, содержался вычеркнутый текст, который многое объяснял: «Ты, возможно, догадываешься, что здоровье твоего друга подтачивает болезнь, которая оставляет отметки на коже. Неизвестно откуда она взялась. Сколько бы ни лечили ее, она вновь и вновь проявляет себя, так же как и мое нервное заболевание, которое время от времени дает о себе знать. Его не вылечишь в той обстановке, в которой я живу»[104]. Может быть, теплый климат ускорит выздоровление Флобера.

Помимо всего прочего, Гюставу как воздух необходима «перемена мест». Сама мысль о грядущем отъезде поднимает его настроение и способствует тому, чтобы с удвоенными усилиями трудиться над «Искушением святого Антония». Гюстав твердо знает, что не уедет, пока не завершит начатое дело до конца. И все же ему не следует торопить события. Мечты о путешествии слишком волнуют его воображение и мешают работать…

И вот Гюстав работает не покладая рук. Наконец, 12 сентября все того же года Дюкан, который со своей стороны занят активной подготовкой к отъезду на Восток — он даже нанял слугу для того, чтобы тот сопровождал их в путешествии и взял на себя исполнение мелких повседневных дел, — получает от Гюстава лаконичную записку: «Я только что закончил „Святого Антония“. Приезжай»[105].

Вот когда происходит один из самых значительных эпизодов не только в жизни Флобера, но и в истории литературы. Много

лет спустя Дюкан взял на себя заботу о том, чтобы поведать нам об этом судьбоносном моменте. К его рассказу надо относиться с некоторой осторожностью. Вот как, по его словам, развивались события.

Дюкан приезжает в Круассе. Там уже находится Луи Буйе, которого накануне пригласил к себе в гости Гюстав. Он торопится прочитать вслух друзьям всю книгу от начала и до конца, чтобы услышать их мнение. «Если вы не встретите мое творение радостными возгласами, — предупреждает он, — это будет означать, что ничем нельзя вас пронять»[106].

И Гюстав начинает с пафосом в голосе читать. От нервного напряжения он жестикулирует. Он приходит в восторг от собственных фраз в этой книге, которая стоила ему столько сил. Гюстав испытывает терпение друзей целых четыре дня. Он читает два раза в день по четыре часа. В короткие перерывы он не слышит комментария: Дюкан и Буйе молчаливы как никогда.

По правде говоря, они разочарованы. В книге ничего не происходит. Текст состоит из череды громких фраз, но нет развития действия, а святой Антоний большей частью находится в состоянии, близком к нирване. Друзья не просто разочарованы, они подавлены. Тем не менее Гюстав ничего не замечает. Когда чтение подходит к концу, он, обернувшись к ним, спрашивает: «Ну вот, теперь очередь за вами! Скажите мне честно, что вы об этом думаете».

Похоже, что приговор Гюставу вынес Буйе: «Мы думаем, что все это нужно бросить в огонь и навсегда забыть»[107].

Флобер вскрикнул и упал без чувств. Удар был для него настолько сокрушительным, что он приходил в себя еще целых четыре месяца.

Между тем, немного оправившись от пережитого потрясения, Флобер снова вернется к этой теме. Она была, как говорится, настолько дорога его сердцу, что он напишет еще два варианта книги. Дюкан и Буйе не изменят своего мнения. Гюстав слишком углубился в лирику, ушел в мир фантазии. Безусловно, он владеет словом, но этого мало, поскольку без развития действия книга становится скучной и неинтересной. Переживания Гюстава отягощаются еще и тем, что он рассматривал «Искушение святого Антония» своеобразным памятником Альфреду Ле Пуатвену. Что же касается драматической формы, то Гюстав черпал вдохновение в «Фаусте» Гете. И все же, как ни странно, «Искушение святого Антония» было в большей степени автобиографическим произведением. Одиночество святого отшельника, находившегося во власти видений и галлюцинаций, Флобер отождествляет со своим собственным одиночеством. В книге нашли отражение

долгие разговоры Гюстава с Альфредом Ле Пуатвеном, большим поклонником Спинозы[108]. Так, обращенные к святому слова Сатаны несут идеи Спинозы (в том, что касается религиозного релятивизма), а рассуждения о богах и религиях напоминают скептицизм Монтеня[109], которого так любил читать Флобер: если все религии равноценны, ни одна из них не стоит одержимости и пустой мечты. Что же касается всей драмы в целом, в которой высокая поэзия перемежается с тривиальностью, гротеск с высокими материями, она, по мнению Флобера, показывает человеческую сущность в момент последних всплесков романтизма: человек — слабое существо. Его притягивает зло. Он находится во власти желаний, в которых не желает признаться даже себе самому. И в первую очередь он одержим плотскими желаниями. Кроме того, человеку отказано в спасительном прощении.

Тем не менее жизнь продолжается и надо двигаться вперед. И поскольку «Искушение святого Антония» оказалось провальным произведением, Гюставу надлежит искать более приземленный сюжет. Ему пора бы спуститься с небес, куда его занесло слишком богатое воображение, на землю. Короче говоря, ему хорошо бы пройти оздоровительный курс лечения реализмом жизни. И тогда, по словам Дюкана, Луи Буйе дает другу совет: «А почему бы тебе не написать историю семьи Делоне?»

Делоне в реальной жизни звали Эженом Деламаром, и он был в свое время учеником отца Флобера и работал фельдшером. Деламар женился во второй раз на девице по имени Дельфина Кутюрье, которая очень скоро сделала его «счастливым рогоносцем». В итоге она разорила мужа и вскоре, будучи не в состоянии справиться с многочисленными долгами, покончила с собой. Вскоре и муж отправился следом за ней на тот свет. Об этом случае писали все местные газеты. Люди обсуждали это событие повсюду: от деревушки под названием Ри, где они проживали, до Руана.

История, о которой много лет спустя рассказал Дюкан, была правдивой лишь наполовину, поскольку в 1848 году муж Дельфины, похоже, был еще жив. Флобер, если верить его старому другу, вначале проявил большой интерес к предложенному сюжету, а затем, посчитав его слишком тривиальным, оставил его до лучших времен.

Разумеется, именно эта история легла в основу «Госпожи Бовари». Потребовались два года и одно долгое путешествие, прежде чем Гюстав написал первые строки романа.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

После того как Галлан[110] перевел «Тысячу и одну ночь» на французский язык, прошло уже больше сотни лет, но Восток по-прежнему завораживает и будоражит умы. Поход Бонапарта в Египет (1798–1801 годы) еще больше усилил интерес европейцев к восточной экзотике. Живописные виды Египта, привезенные художниками, которые сопровождали будущего императора в походе, стали источниками вдохновения для художников и писателей в реализации самых смелых творческих замыслов. С той поры путешествие на Восток становится неким обрядом посвящения. Восточная тематика преобладает в живописи, музыке, литературе. Книги о путешествиях или романы, действие в которых происходит на Востоке, пользуются большим успехом. Знакомство с дальними краями становится возможным благодаря тому, что Оттоманская империя приходит в упадок и западные страны завоевывают новые территории в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Все те, кто предпринимает путешествие на Восток, испытывают огромное эмоциональное потрясение. Их завораживает новая непривычная обстановка, знакомство с экстравагантными нравами и обычаями. Путешественники чувствуют себя средневековыми рыцарями, совершающими Крестовый поход. Как говорят злые языки, Крестовые походы были первыми поездками империалистов, которые смешивали религиозные порывы с сексуальным туризмом. На Востоке черпали вдохновение такие великие художники, как Делакруа[111], Фромантен[112], Жером[113]… Гюстав с Максимом мечтали увидеть наяву все чудеса света, которые могли лишь присниться им во сне.

Мать Гюстава обливается слезами, Луиза Коле мечет гром и молнии по поводу его отъезда. Сам Флобер держится молодцом благодаря дружеской поддержке Дюкана, которого раздражают все эти женские уловки и хитрости, направленные на то, чтобы не дать им уехать. Максим не теряет времени даром: он позаботился о том, чтобы получить от правительства командировочное удостоверение. Министерство сельского хозяйства дает задание Флоберу составить отчет о торговом обмене со странами, через которые они будут проезжать, а самому Дюкану Министерство внутренних дел предписывает заниматься научными исследованиями. Этот документ не указывал на то, что их работа будет оплачена, но давал возможность путешественникам избегать трудностей при контакте с местными властями. Максим относится со всей серьезностью к своей новой роли. Он берет

уроки фотографии для их приобщения к будущему отчету о поездке. Наконец наступает долгожданный день 24 октября 1849 года. Флобер в сопровождении матери отправляется в Ножан, где она пробудет какое-то время. Расставание с матерью было весьма драматичным. Когда она увидела, что сын и вправду вылетает из-под ее крыла, бедная женщина зашлась в таком душераздирающем крике, словно Гюстава вели на гильотину, «… этот крик мне напомнил тот, который я услышал, когда умер мой отец»[114], — пишет он в путевом дневнике.

Благодаря полученной в наследство семейной ренте Флобер мог позволить себе это путешествие, которое длилось более полутора лет. Госпожа Флобер, для того чтобы Гюстав мог отправиться в дорогу, согласилась выложить кругленькую сумму в 27 тысяч франков, что в наши дни составляет немногим более 100 тысяч евро. Она также частично финансирует поездку Максима Дюкана, который накануне отъезда тщетно дожидался наследства. В поезде, который везет его из Ножан-сюр-Сен в Париж, Флобер, охваченный угрызениями совести из-за того, что расстается с матерью, ввел ее в столь большие расходы, оставляет одну на долгое время и неизвестно, увидит ли ее живой, уже был готов отказаться от путешествия. И все же стоило ему только встретиться с собравшимися на последний парижский обед друзьями: Буйе, Дюканом и Теофилем Готье[115], как к нему вернулось хорошее настроение. Готье к тому времени уже приобрел себе имя в литературных кругах и был влиятельным литературным критиком. Он опубликовал «Мадемуазель де Мопен» в 1835 году со знаменитым предисловием, утверждавшим новое эстетическое кредо — «искусство для искусства», вне всякой социальной или политической деятельности. Эту концепцию Флобер принял на вооружение почти целиком и безоговорочно.

И, конечно, последний парижский вечер друзья заканчивают в публичном доме, по всей вероятности, из опасения грядущего долгого воздержания. Сам же отъезд состоится на следующий день, 29 октября. И вот, чтобы доехать до Марселя — железная дорога между Парижем и Марселем в то время еще не была построена, — друзья вместе с нанятым Дюканом слугой Сассетти, плутоватым корсиканцем, знавшим Восток как свои пять пальцев, поскольку служил пехотинцем в Египте, садятся в дилижанс. Они добираются до Марселя четыре дня. Гюстав словно вновь совершает паломничество к местам былых любовных «сражений» с Элали. Гостиница по-прежнему закрыта на замок. Наконец 15 ноября после суматошного и хлопотного морского путешествия друзья высаживаются на берег в Александрии. Во время плавания

на борту корабля Гюстав объелся чесноком. Так он боролся с морской болезнью. Впрочем, чеснок мало ему помог. И вот Флобер, очумевший от качки, под чесночными парами, спускается на берег, чтобы окунуться с головой в другой мир.

Обо всем, что происходит во время этого путешествия, нам известно из многочисленных источников. Это прежде всего письма, адресованные в основном матери, а также Луи Буйе. Письма другу, естественно, совсем другие. Они отличаются по тональности. В них, однако, весьма подробно и красочно описывается все то, что он увидел и услышал. Помимо всего прочего, Гюстав ведет путевой дневник, в котором делает ежедневные записи. Возможно, ему хочется оправдаться в собственных глазах за столь далекое и дорогостоящее путешествие. Скорее всего, он не желает упустить ни малейшей подробности из того, что творится вокруг него. Эти путевые заметки были опубликованы в наши дни: «Путешествие на Восток» представляет собой внушительный том на 600 страниц. Гюстав переполнен впечатлениями от поездки, его воображение потрясают яркие краски, уличные сцены. Он так прилежно ведет дневник, словно собирается выставить его на продажу, с тем чтобы окупить свое путешествие. С этой точки зрения поездку друзей на Восток можно назвать настоящим литературным предприятием.

Благодаря официальным рекомендациям путешественников принимает Сулейман-паша, а затем и министр иностранных дел Артен Бей, который предоставляет им коляску, лошадей и эскорт из нескольких слуг. И вот наши друзья, переодевшись в египетские одежды («Мы похожи на принцев»[116], — пишет он матери), отправляются посмотреть на пирамиды. Завидев их издалека, Гюстав не может сдержать свои эмоции. С вырвавшимся из груди, помимо его воли, криком он пускает лошадь в галоп. Стоя перед сфинксом, он испытывает необычайное волнение: «Он смотрит на нас с угрожающим видом, Максим стоит белый как полотно. Я боюсь, что у меня закружится голова. Мне приходится изо всех сил сдерживать мои эмоции»[117].

От избытка чувств молодые люди приходят в полный экстаз. На следующий день еще до рассвета они поднимаются на пирамиду Хеопса. Стоя на ее вершине, они любуются восходом солнца, затем, спустившись вниз, обследуют пирамиду изнутри. Гюстав с юмором пишет: «Выползая на четвереньках из коридора, мы встречаем англичан, которые приготовились войти в него и уже находятся в той же позе, что и мы. Обменявшись приветствиями, мы расползаемся в разные стороны»[118].

Вот какие забавные истории нередко встречаются на

страницах его дневника и в письмах. И всякий раз он не упускает случая, чтобы удивиться, повеселиться, рассказать о том, что увидел нечто смешное или необычное. В отличие от Максима он нисколько не настроен на серьезный лад. Почти 200 страниц посвященного путешествию дневника изобилуют курьезными или живописными сценами. Вот с каким юмором он описывает египетских женщин: «Например, в деревне, когда они видят, что вы приближаетесь к ним, они хватаются за подол своей одежды, чтобы прикрыть лицо. При этом они открывают все то, что принято называть шеей, то есть пространство от подбородка до пупка. Ах, сколько грудей я увидел! Сколько грудей!»[119]

Безусловно, тональность писем Гюстава резко меняется в зависимости от того, кому они предназначаются. Самые пикантные истории, связанные с его восточными любовными похождениями, он адресует Луи Буйе. После двух месяцев, прожитых в каирском отеле, принадлежащем господину Буваре (фамилия весьма созвучная с «Госпожой Бовари»), наши искатели приключений решают продолжить свое путешествие вверх по Нилу. Надо отметить, что пребывание в Каире было насыщено разного рода событиями, в том числе сексуального характера, что оставит в их памяти неизгладимый след. Таким открытием для них было посещение восточной бани, а также знакомство, предположительно впервые в жизни, с содомией (в активной роли, так сказать, по долгу службы). И конечно, именно в этом городе у Гюстава начинается обострение дурной болезни, которое отныне будет периодически повторяться, что станет причиной его раннего облысения из-за лечения препаратами ртути…

Во время путешествия по Нилу, когда друзья сошли на берег в Эсне, происходит одна из самых памятных встреч. Они познакомились со знаменитой на весь Египет куртизанкой Кучук Ханем. В те времена Эсна славилась как город всевозможных плотских утех и удовольствий. Флобер с большим энтузиазмом спешит окунуться с головой в этот вертеп. Он делится впечатлениями о встрече с известной куртизанкой вначале в путевом дневнике, а затем в переписке. Наибольший интерес представляет собой письмо Луи Буйе. Следует отметить, что в том и другом случае автор находится в состоянии полной эйфории от всего, что с ним произошло. Все началось с посещения самого логова чувственных наслаждений. Друзья во все глаза рассматривают вышедшую из купальни Кучук. «Эта чертовка — настоящий лакомый кусок, — пишет Гюстав, — с аппетитными формами, огромными глазами и чувственно очерченными ноздрями. У нее роскошные колени, а когда она танцует, то на ее животе собираются забавные складки»[120].

Праздник, однако, продолжается. Красотка исполняет танец живота. У музыкантов, чтобы не смущать их, завязаны глаза, что удивляет и даже пугает молодых людей. Затем Гюстав вместе с Максимом совершает прогулку по городу, чтобы снова вернуться к жрице любви. Она танцует для них еще четыре часа. «В перерывах между танцами все трое предаются любви»[121]. Эту ночь друзья проводят у Кучук, хотя она не особенно на этом настаивала. Флоберу выпадает честь разделить ложе красавицы. Он рассказывает, что ночь прошла «на самом высоком уровне». В те моменты, когда девица забывалась сном, он не терял времени даром. «Это продолжалось всю ночь напролет. В 3 часа ночи я встал, чтобы выйти на улицу по нужде; сияли звезды, светлое небо было высоко надо мной. Что касается соитий, то они были впечатляющими»[122]. Сначала пять, а затем еще три, как признается Гюстав. Что и говорить, природа не обидела его мужской силой.

Путешествие по Нилу длится почти четыре месяца до самого июня. Друзья поднимаются вверх по течению реки до второго порога, к которому приплывают 22 марта. Затем надо возвращаться назад, поскольку дальше река не была судоходной. Чем же занимаются молодые люди во время столь долгого плавания по реке? Флобер пишет, Максим фотографирует. Впрочем, он привезет из этого путешествия отличные негативы, которые дают представление о том, каким был Средний Восток в середине XIX века. Они будут напечатаны в одной книге. Друзья также охотились. Подобный вид развлечения пришелся Гюставу по вкусу. К тому же это было полезное занятие, поскольку охотничьи трофеи служили источником питания и даже шли на продажу. Служивший им переводчиком, наполовину итальянец, наполовину араб, Жозеф Бришетти вызвался готовить пойманную дичь.

Гюстав тем временем все еще переживал в душе по поводу провала «Искушения святого Антония». Он постоянно задавал себе один и тот же вопрос: кто же, в самом деле, прав? Он или двое его друзей? Однажды, рассказывает Максим Дюкан, где-то в районе Верхнего Нила Флобер воскликнет: «Эврика! Эврика! Я нашел! И я назову ее Эмма Бовари!»[123]

Так начался долгий процесс вынашивания творческого замысла.

Нужно ли было Флоберу предпринимать это путешествие, чтобы прийти к такому решению? В непривычной обстановке на берегах Нила, среди природной красоты и исторических памятников картина Круассе представлялась ему в романтическом ореоле. Он соскучился по матери — по крайней

мере он так писал ей. Он задает множество вопросов себе самому: «Сидя на корме корабля и наблюдая за текущей водой, я с пристрастием копаюсь в своем прошлом. Неужели я подошел вплотную к новому периоду жизни? Или к полному краху? Я прощаюсь с прошлым с мыслями о будущем. Я ничего там не вижу. Ничего. У меня нет никаких планов и проектов на будущее, ни одной светлой мысли и, что самое плохое, никаких амбиций»[124].

Эти слова совсем не вяжутся с образом писателя, который готовится написать самую главную книгу в своей писательской карьере…

На обратном пути друзья останавливаются в Луксоре и задерживаются там на две недели. Прошло уже полгода с того дня, как они отправились в путешествие. Флоберу уже начинает все надоедать. Трудности обмена письмами с матерью, поскольку почтовая связь была крайне медленной, действуют ему на нервы и отравляют путешествие. Ему видится, как мать сидит «опершись на локоть и подперев кулаком подбородок» (точно такое же описание можно прочитать на страницах «Госпожи Бовари» по поводу средневековой красавицы, ожидающей возвращения своего рыцаря из Крестового похода). Она рассматривает лежащую перед ней географическую карту, «которая представляется ей пустынным пространством, где затерялись следы ее сына»[125].

Тоскуя по дому и родным, Гюстав ощущает непреодолимое желание взяться за перо и бумагу. Путешествие на Восток было для него пусть волшебным, но выходившим за рамки его обычной жизни событием. По его окончании Флобера снова ждала привычная жизнь одинокого отшельника. У верующих людей интенсивность религиозных чувств может меняться на протяжении жизни. Искусство и литература — единственная религия Флобера. Его сердце навсегда принадлежит только ей одной.

Друзья возвращаются в Эсну и останавливаются на ночлег у Кучук. «Как это печально, — пишет он Буйе, — она болела и сильно изменилась. Я занимался с ней любовью только один раз. Я долго смотрел на нее, чтобы запомнить навсегда». Далее он добавляет, глядя на Красное море: «Всегда грустно уезжать из того места, куда не вернешься никогда. Вот из-за этой грусти, возможно, и стоит отправляться в путешествие»[126].

Это путешествие — не только длительная творческая командировка, а еще и «туризм» (Флобер пользовался в письмах этим заимствованным из английского языка словом, вошедшим на тот момент в обиход всего лишь с десяток лет и не

утратившим своего значения до наших дней). Статус путешественника ко многому обязывал. Вот почему Гюстав стремился обессмертить лучшие моменты поездки и исписывал множество страниц в путевом дневнике.

Далее путь друзей лежит через Бейрут в Иерусалим, куда они отправляются на лошадях. Это путешествие нельзя назвать паломническим. 20 августа Флобер пишет Луи Буйе из Иерусалима длинное письмо. Оно заслуживает того, чтобы подробно пересказать его. Автору не понравилось, в каком состоянии пребывал этот город — он называет его «окруженным крепостными стенами местом для хранения черепов и костей предков». Его тошнит от стоящей вокруг вони, и в особенности ему претит царящая в нем отравляющая атмосфера. «Здесь много дерьма и руин. Армяне проклинают греков, которые ненавидят римлян, а последние, в свою очередь, предают анафеме коптов. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно». Нельзя отказать ему в некоторой проницательности. «Что же касается религии, то она представляет собой жалкое зрелище. Уродливы не только церкви, но торговля позорит и выставляет на посмешище святые места: „Здесь водится всякая чертовщина, выражающаяся в лицемерии, алчности, фальсификации, цинизме, вот только святости нет в помине“[127].

„Для здоровья нет ничего лучше, чем путешествие“, — иронизирует Флобер в письме Луи Буйе 14 ноября 1850 года. В то время он с Максимом находится в Константинополе. На этот раз у него не остается никаких сомнений: он болен сифилисом. „Семь язвочек, затем они слились в две, потом в одну“. Что касается Дюкана, то у него „шанкр сухожилия двуглавой мышцы плеча“. За наше путешествие это уже третий случай, когда у него обостряется болезнь»[128]. Друзьям пора возвращаться домой. Путешествие принимает неблагоприятный оборот. На Родосе из-за эпидемии холеры молодые люди попадают на карантин в лазарет. Впрочем, материнские письма все больше и больше тревожат его: мать просит его срочно приехать.

Между тем космополитизм Константинополя потрясает его воображение: «Он грандиозен, как и все человечество. Ты себя чувствуешь так же, как при въезде в Париж. Когда ты видишь рядом с собой множество незнакомых тебе людей, столько разных личностей, количество которых тебя подавляет»[129].

Гюстав тяжело переживает кончину Бальзака, о которой он узнаёт в Константинополе. «Умнейший человек, кому удалось понять свое время». Это печальное событие ознаменовало собой конец эпохи Июльской монархии: «Теперь нужно жить по-новому»[130].

Что же касается самого Гюстава, то, если можно так выразиться «литературным языком», он сам не знает, где находится. Его настроение то и дело меняется, переходит от полного безразличия к восторженному энтузиазму, затем снова падает до нуля. Между тем — и это находит подтверждение в том же письме — Флобер задумывается над составлением словаря, который станет знаменитым «Лексиконом прописных истин». Для этой энциклопедии глупости он уже придумал несколько определений: «Лангуста — это самка омара»[131]. Плохие новости никогда не приходят в одиночку. Там же, в Константинополе, он получает известие о будущей женитьбе Эрнеста Шевалье. В письме, адресованном матери, он не скупится на сарказм: «Какой ход! С каким остервенением он будет теперь защищать порядок, семью и частную собственность! Впрочем, он прошел нормальный путь развития. Он тоже был артистом… Я уверен, что теперь он клеймит учение социалистов… Как правительственный чиновник он — реакционер, а как женатый человек он будет рогоносцем»[132]. Что же касается его самого, то он, несмотря на упреки матери, стоит на своем: «Меня пугает даже сама мысль о женитьбе»[133].

Мать решается выехать навстречу друзьям и присоединиться к ним в Риме. В середине декабря они уже прибыли в Афины. Прощай, Восток! «Это было всего лишь туристическое путешествие (ох!)»[134]. Они снова в Европе, где ничто не изменилось, всё те же древние парапеты, известные места, где побывали тысячи посетителей.

Покидая Константинополь, Гюстав почувствовал такую вселенскую «тоску, что готов был волком выть»[135]. Жажда путешествовать не была утолена. Ему страстно хотелось увидеть еще много неизведанных мест и добраться до Персии. Похоже, что окончание странствий означало для него прощание с молодостью.

Гюстав охотно бы провел еще несколько месяцев в Греции в качестве так называемого туриста. У друзей, однако, на двоих осталось всего 500 франков (2 тысячи евро), а Гюстав не привык сокращать расходы и отказывать себе во время путешествия в маленьких удовольствиях. Молодые сибариты с прежним азартом продолжали посещать бордели. В Афинах, разочаровавшись в малопривлекательной в здешних местах «педерастии», они направились прямиком в пользующийся дурной славой квартал Галату. Он знал, что непрезентабельный вид его мужского достоинства уже был заметен невооруженным глазом. По словам Гюстава, это стало причиной произошедшего с ним курьезного случая. Одна шестнадцатилетняя жрица любви потребовала

осмотреть его «рабочий орган». Испугавшись, что тайное станет явным, Гюстав решил показать себя настоящим «мачо»[136] и ретировался с видом оскорбленной гордости.

Словно ему было мало неприятностей, связанных с дурной болезнью, за время путешествия у Гюстава изменилась внешность. Он растолстел и сильно облысел. Когда в Неаполе он решил расстаться с бородой, то в зеркале увидел «обрюзгшее лицо с двойным подбородком». И все же пребывание в Неаполе произвело на него незабываемое впечатление. В этом городе друзья провели целый месяц. На страницах «Путешествия на Восток» приводится удивительно точное и подробное описание произведений искусства, которые они осматривают во время посещения картинных галерей, развалин Помпеи, как будто Гюстав претендует на составление настоящего туристического гида, чтобы стать предшественником Бедекера…[137] Он демонстрирует поразительно острый взгляд и выносит точную оценку всему увиденному. Время от времени в середине длинного и подробного описания того или иного исторического памятника неожиданно автор вставляет рассказ о пережитом им виртуальном любовном увлечении. Так он описывает свою встречу в Риме с женщиной, вслед за которой ему вдруг захотелось пойти, познакомиться с ней и даже позвать ее в жены.

Госпожа Флобер приезжает к нему в Рим. Максим уже отправился восвояси, возможно, почувствовав себя лишним при встрече матери с сыном, или же его возвращение во Францию было продиктовано необходимостью уладить дела, накопившиеся за время столь долгого отсутствия. Приезд матери стал для Гюстава знаковым событием. Закончился целый период в его жизни. Он прощался с приключениями, свободой и, возможно, с относительной беззаботностью.

И все же подобное путешествие дало Флоберу очень многое. И он много пишет о своем уникальном опыте. Часто с ностальгией, поскольку знает, что никогда не вернется в эти края, где открыл для себя много нового, узнал другой мир, где жил совершенно другой жизнью, нисколько не похожей на ту, что ждало его по возвращении. Флобер и во время путешествия никогда не забывал о своем писательском призвании, несмотря на то что его творческие планы еще не получили конкретных очертаний. Во время долгого пребывания на чужбине Флобер показывает себя человеком, которому ничто не чуждо. Он проявляет интерес ко всему, что его окружает. Великодушный, порой насмешливый, он демонстрирует отличное чувство юмора и способен оценить комичность ситуации. Главное, он никогда и ни при каких обстоятельствах не выказывает снисходительности

или презрения по отношению к народам, населяющим страны, по которым он путешествует. Его ирония и даже насмешки часто направлены в адрес представителей цивилизованного Запада. Вот что пишет Флобер по поводу «глупости» европейцев своему дяде Парену: «Мой старый добрый друг, вы когда-нибудь задумывались над душевным спокойствием дураков? Глупость есть нечто непоколебимое и непробиваемое: об нее разбивается все, что на ее пути. Она тверда как гранит. В Египте некий Томсон из Сандерленда начертал свое имя на Александрийском столпе буквами высотой в шесть футов. Эта надпись видна за четверть лье от этого места. Невозможно смотреть на Александрийский столп без того, чтобы не прочитать имя Томсона и невольно не подумать о нем. Этот кретин стал частью памятника и увековечил себя вместе с ним. Что тут сказать? Эти гигантские буквы давят на монумент и мешают нам любоваться памятником. Все путешественники в той или иной степени — томсоны из Сандерленда. Сколько их встречается в этой жизни в самых прекрасных местах, в самых чистых уголках земли? И что более всего угнетает: дураков на свете так много, что их встречаешь повсюду. И, заметьте, они всегда пышут здоровьем!»[138]

Если Гюстав изменился физически, если путешествие на Восток с его шумом и гамом, роскошью и нищетой закалило его характер, его мать за время столь долгой разлуки сильно состарилась. К тому же она страдает фурункулезом. Натура тревожная, готовая разволноваться по любому поводу, она не находила себе места от беспокойства во время затянувшегося отсутствия сына. Так стоит ли далеко ходить, чтобы найти причину нервного расстройства Гюстава, постоянно находившегося под эмоциональным воздействием любящей матери.

Мать и сын, держа друг друга под руку, посещают Флоренцию и Венецию. Венеция потрясает воображение Гюстава. Впрочем, в письме Дюкану он жалуется на то, что ему все надоело: «…дай этому слову любое значение и расширение во всех направлениях». Возможно, это происходит потому, что он встретился с матерью, со своей «бедной старушкой», как он ее называет, и вместе с ней со всеми семейными заботами, которые его ожидают? В Венеции, по его словам, «он закатил оплеуху одному таможеннику и едва не попал за решетку»[139]. Мать находит, что он превратился в грубияна… Кажется, что возвращение к «цивилизации» сбивает его с толку.

Неизвестно, вспоминал ли он во время путешествия Луизу Коле. Во всяком случае Гюстав не послал ей ни одной весточки. Она, напротив, и не думала забывать его! Не успел он в июне

1851 года прибыть во Францию, как она, узнав от Дюкана, что он находится в Париже, тут же пишет ему письмо. Флобер бросает ее послание в мусорную корзину и отказывается встречаться с ней. Женщина в отместку требует, чтобы он вернул все ее письма. Никакого ответа. Тогда Луиза отправляется в Руан.

Это происходит 26 июня. Она садится в поезд, прихватив с собой пакетик с конфетами для маленькой Каролины. В Руане она останавливается в гостинице «Англетер», откуда снова пишет Флоберу. К концу дня, не дождавшись от него вестей, Луиза садится на речное судно, чтобы добраться до Круассе. Она сама описывает свое приключение. Капитан судна указывает ей дом, где проживает Флобер. Она сходит на берег немного дальше от этого места и направляется пешком к дому. «Я подхожу, вокруг тишина и спокойствие. Через калитку виднеются газон и цветы, распахнутые настежь двери в гостиные. В одной из них я вижу мужчину, мне кажется, что это он»[140]. На соседней ферме она просит какую-то женщину отнести ему письмо. Она ждет. Женщина возвращается и сообщает, что Гюстав не может принять ее. В тот момент, когда она уже готова вернуться на судно, он, наконец, появляется. На нем какие-то странные восточные одежды, широкие штаны, он отрастил усы, а на голове осталось совсем мало волос. Она умоляет, но он остается непреклонным: он не может принять ее. И все-таки он обещает встретиться с ней в Руане в восемь часов вечера.

Он сдержал обещание. Встретившись с Луизой, возможно, чтобы успокоить ее, он оказывает ей некоторые знаки внимания. Далее следует бурное выяснение отношений. Почему он не захотел принять ее у себя? Потому что у себя, объясняет он, это вовсе не у себя. Это дом его матери. Он ни за что не желает, чтобы женщины встретились.

Что же касается Луизы, то ее выходка выглядит довольно странной. Она занята тем, что не знает, кого ей выбрать из двух мужчин, Виктора Кузена или же ее нового друга Огюста Ваттера. В действительности ей нужен третий — Гюстав. Она хочет поселиться рядом с ним, чтобы они могли видеться, когда он только пожелает. Такая перспектива приводит Флобера в ужас. Его здесь нет ни для кого — ни для Луизы, ни для какой другой женщины. Луиза заламывает в отчаянии руки. Гюстав советует ей выйти замуж за Виктора Кузена. Для нее он будет весьма выгодной партией и, конечно, не помешает им встречаться. Он не сказал, а скорее подумал, что такое решение обеспечило бы ему покой.

Луиза уехала. Гюстав так ничего ей и не пообещал. Тем не менее все лето они обмениваются письмами. Из них мы знаем,

что все мысли Гюстава занимает его Бовари. Только вот с выбором имени героини у него возникают сомнения. В сентябре он все же встречается с Луизой в Париже. Они возобновляют любовные отношения, если можно назвать любовными лишенные всякой нежности плотские утехи в постели. В начале осени Гюстав сообщает Луизе главную новость: он начал писать свой роман.

ПРОТОТИП ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА

Кто прототип главной героини романа? Луиза Коле или Эмма Бовари? Без всякого сомнения, и та и другая. Для Гюстава начались пять лет наслаждения и адских мучений. За это время из-под его пера выйдет самый знаменитый во всей французской литературе женский образ. Пять лет упорного труда, сомнений, негодующих возгласов, безудержного ликования, чтобы в итоге преобразовать сюжет провинциальной хроники в литературный шедевр мирового значения. У нас есть возможность с точностью до одного дня проследить, как на протяжении пяти лет автор трудится над романом. И это благодаря письмам, которые Гюстав пишет Луизе, другой женщине, которую он любит тем больше, чем реже ее видит.

Вот что он пишет Луизе 20 сентября 1851 года: «Вчера вечером я начал писать мой роман. Могу предполагать, какие трудности у меня будут, когда я буду работать над его стилем, что приводит меня в ужас. Простота — сложное дело»[141].

«Простота» — значит, более строгий, лаконичный, лишенный всякой романтической манерности и вычурности стиль письма, которым грешили его первые сочинения, в том числе фантасмагорическое великолепие «Искушения святого Антония». «Госпожа Бовари» — это реалистичное лекарство от скуки. Автор воспринимает его как средство для очищения желудка. Он словно прощается с собственными юношескими идеалами. К счастью, у него всегда в запасе есть противовес в форме иронии или легкой шутки. Вы ничего не поймете в «Госпоже Бовари», если не почувствуете, какая в этом романе заложена трагикомическая ироничная константа. Эта книга не что иное, как маскирующийся (совсем немного) под обманчивой объективностью шарж на романтизм и буржуазию.

«Я считаю, что в первый раз читатели увидят книгу, в которой высмеиваются молодые герои. Ирония нисколько не вредит патетике. Напротив, она усиливает ее. В третьей части, изобилующей насмешками, я хочу, чтобы мои читатели прослезились»[142].

Эта великая и ужасная книга вызвала скандал и напугала буржуазное общество. Стоит ли этому удивляться, если и в наши дни она остается горячей штучкой, написанной потрясающим по красоте языком.

Прежде чем взяться за столь долгую и изнурительную работу

над книгой, Гюстав решил отправиться на Всемирную выставку в Лондон вместе с матерью и племянницей Каролиной. Прибывшие с Востока экспонаты, такие как чучело слона, оживили воспоминания о недавнем путешествии. Во время пребывания в Лондоне Гюстав увиделся с Генриеттой Коллье. Он даже попытался помочь Луизе Коле, жаловавшейся на материальные трудности, выставить на продажу принадлежавший ей альбом с автографами знаменитостей, с которыми она была близко знакома — а нам известно, что таких известных людей насчитывалось в ее жизни немало. Эта затея провалилась, что послужило Луизе лишним поводом устроить шумный скандал…

По возвращении из Лондона Флобер рассчитывает сразу же сесть за работу, однако не тут-то было. В Париже не забыли о нем. Дюкан намерен возродить свой журнал «Ревю де Пари». Он горит желанием напечатать на его страницах отрывки из «Искушения святого Антония», несмотря на то что яростно критиковали эту книгу. Какова причина столь разительной перемены? Безусловно, дружба, а также необходимость подбросить поленьев в костер, поскольку его детище, журнал, возрождалось из пепла…

Однако Флобер не торопится дать ответ. «Не знаю, что и думать, я по уши завяз в делах», — пишет он Максиму. В глубине души он полагает, что «глупо» публиковаться. Он не испытывает в этом «необходимости» и «не имеет никакого желания». Он объясняет свой выбор тем, что ему надо отгородиться от всего мира. Этой линии поведения он будет придерживаться по крайней мере на протяжении работы над романом. «Неужели ты думаешь, что мне не хочется, как любому другому, заняться любовью? И ты считаешь, что при этом я могу оплошать и ударить лицом в грязь?.. Немного найдется мужчин, которые имели бы так мало женщин, как я… И если я останусь неизданным, то это будет мне наказанием за первоцветы, которые я сорвал в юности. Надо ли следовать своему призванию? Если мне претит движение, то это, возможно, означает, что я прав»[143].

И вот Гюстав, по собственной воле приговорив себя к отшельничеству, приступает к работе над романом, чей сюжет весьма далек от того, что может нравиться ему. Более того, он кажется ему отвратительным. Но все же действия, предпринятые вопреки собственному желанию, часто приносят хорошие плоды.

«Госпожа Бовари» — роман настолько известный, что нам даже как-то неудобно напоминать «сценарий», тщательно выстроенный Флобером с самого начала работы над этим произведением. В начале романа мы следим за тем, какой жизненный путь проделал Шарль Бовари с той поры, когда был

еще наивным мальчуганом. Мы узнаём, как над ним потешались школьные товарищи, в частности из-за несуразной фуражки, описание которой остается одним из самых блестящих пассажей романа. Закончив кое-как учебу и получив должность в больнице, он в первый раз женится на сварливой и небогатой вдове, которая не нашла ничего лучше, чем поскорее отойти в мир иной. Затем Шарль влюбляется в Эмму Руо, дочь одного из его пациентов. Молодая, романтически настроенная особа мечтает «выйти замуж в полночь при свете факелов». Тем не менее ей приходится довольствоваться простой и незатейливой деревенской свадьбой. Далее для нее начинается серая и ничем не примечательная жизнь в маленьком нормандском городке. Шарль оказывается весьма скучным и заурядным спутником жизни. Приглашение на бал в расположенный по соседству замок немного развеял ее тоску, а затем всё возвращается на круги своя. У нее остаются лишь сожаления и разбитые мечты.

Супруги переезжают в другой город, Ионвиль-л'Абей, где стремятся заполучить клиентов в борьбе с фармацевтом Оме, намеревающимся получить в наследство Люмьер. Эмма знакомится с Леоном, помощником нотариуса. Он влюбляется в молодую женщину. Но ему не удается соблазнить ее, и он уезжает в Париж. И тут в ее жизни появляется Родольф Буланже, живущий по соседству мелкопоместный дворянин. Он завоевывает сердце Эммы во время посещения местной сельскохозяйственной выставки, и она отдалась ему во время прогулки в наемном экипаже. Влюбившись по уши, Эмма совсем теряет голову и совершает множество необдуманных поступков, компрометирует себя, пренебрегает материнскими обязанностями по отношению к дочери, тратит много денег на подарки любовнику. Шарль Бовари ставит себя в смешное положение, отказавшись от операции на ноге. Эмма мечтает сбежать со своим любовником в далекие края. Ее влекут экзотические пляжи под лунным светом. Вскоре Родольф порывает со столь пылкой и навязчивой любовницей. Эмма в отчаянии едва не прощается с жизнью. Во время совместного с Шарлем посещения оперного театра в Руане она вновь встречает Леона. Они становятся любовниками. И наша госпожа Бовари пускается во все тяжкие, делает дорогие покупки, что в итоге приводит ее семью к разорению. Оказавшись в безвыходном положении, она обращается за помощью к Леону, нотариусу, податному инспектору и даже Родольфу — все тщетно. Потеряв всякую надежду на спасение, в отчаянии она крадет мышьяк у аптекаря и травится. Ее агония, жуткая и страшная, проходит на глазах у фармацевта Оме и аббата Бурнизьена. После смерти жены Шарль, разоренный и оставшийся

почти без средств к существованию, узнаёт о неверности жены и, в свою очередь, умирает.

И вот из такой истории, достойной колонки происшествий в провинциальной газете, Флобер замыслил сделать выдающееся литературное произведение. Он вовсе не стремится к тому, чтобы опубликовать его, считая это делом второстепенным, а хочет работать для себя, что называется для души. Остается узнать, можно ли на самом деле сочинять что-либо для себя, кроме списка покупок и поручений, или вести личный дневник в романтической юности.

Перед Флобером стоит непростая задача: как на основе столь банального сюжета создать полноценное художественное произведение? Как добиться совершенства, на которое он претендует? Ему предстоит обуздать свой нрав, «держать себя в ежовых рукавицах, застегнуться на все пуговицы и не отклоняться ни на шаг от выбранной прямой. Никакой лирики, полное отсутствие авторских суждений и размышлений. Читать о мерзостях жизни будет очень грустно»[144]. В общих чертах речь идет о том, чтобы компенсировать банальность и пошлость сюжета за счет изысканного великолепия стиля. Вот такую высокую планку поставил перед собой Флобер.

И вот он уже готовится к тому, чтобы справиться с поставленной задачей. Место действия — рабочий кабинет. Обстановка — библиотека, большое кресло, широкий стол, гусиные, тщательно заточенные перья, поскольку он не переносит металлические. Перед ним на столе — бюст сестры Каролины. Так начинается работа над романом. Он сидит за письменным столом до поздней ночи. Он встает чаще всего в десять или одиннадцать часов утра, затем долго и плотно завтракает, что отнюдь не способствует борьбе с лишним весом. Час или два он посвящает воспитанию племянницы. Оставшуюся часть дня он проводит за чтением. Творчество, роман, работа над каждой фразой — все это он оставляет для ночи, когда весь мир спит. Перед Флобером стоит конкретная цель: если однажды он захочет опубликовать свою книгу — а он не сбрасывает со счетов подобную перспективу, — он должен для этого быть готов. Ему нужна не простая известность, чтобы пополнить длинный список второстепенных писателей и встать в один ряд с такими тружениками пера, как Анри Мюрже, Октав Фейе, Шарль Монселе, Арсен Уссе, Таксиль Делор, Ипполит Дюкас и другими. Его не устраивает возможность «разделить участь посредственностей (или так называемых талантливых людей, что одно и то же)»[145]. Все усилия Максима Дюкана, уверяющего Гюстава в привлекательности парижской литературной жизни,

остаются тщетными. Когда мы читаем давно забытые имена (к этому списку с полным правом можно добавить и имена некоторых наших современников), убеждаемся в том, что Флобер выбрал правильный путь. И все же нельзя не согласиться с мнением Сартра, согласно которому Флобер был обязан своим «ювелирным мастерством» [146]отшельническим образом жизни, высочайшей требовательностью к художественному произведению, тому, что по крайней мере в тот момент ему не надо было думать о завтрашнем дне. Благодаря своему статусу рантье он был освобожден от повседневных забот о хлебе насущном и оставался до седых волос большим избалованным ребенком.

Луиза Коле узнавала из писем до 1853 года о том, как проходила работа над «Госпожой Бовари». Конечно, женщина испытывала некоторую неудовлетворенность от таких эпистолярных отношений. Она предпочла бы реальное присутствие Гюстава, которого еще любила, несмотря на все их ссоры и размолвки, его безумную страсть к писательскому труду, сарказм и увертки, требования отказаться от любви к нему и даже фурункулез, которым он заразил ее, а может, наоборот, из-за всего этого. Письма Флобера позволяют нам стать непосредственными свидетелями того, в каких творческих муках рождался этот шедевр. После долгих часов, проведенных в столь медленно продвигающейся вперед работе над своим романом, Гюстав отводит душу в письмах, которые он обычно пишет ближе к часу или двум часам ночи. И вот тот же автор, который может порой потратить неделю на то, чтобы с большим трудом написать пару страниц романа, вдруг становится таким словоохотливым на бумаге, что его невозможно остановить. Довольно часто легкость его пера приходится не по вкусу Луизе. И ее вполне можно понять, когда Гюстав советует ей благосклонно ответить на авансы одного канцелярского служащего, «господина д'Арпентиньи», «из уважения к его возрасту, хотя меня мало вдохновляет идея заниматься с тобой любовью после него»[147]. И тем не менее все, вместе взятые, письма Флобера представляют собой очерк о сущности романтизма. В них приводятся мысли, описываются сомнения, трудности, решаемые задачи, говорится об эстетической концепции гениального писателя, находившегося в творческих поисках.

Между тем Земля вертелась по-прежнему вокруг Солнца и жизнь продолжалась. Гюстав, несмотря на свои решительные заявления об одиночестве и заточении, все же находит время для коротких и нечастых поездок в Париж. Так случилось, что 2 декабря 1851 года, именно в тот день, когда произошел

государственный переворот Луи Наполеона Бонапарта, Флобер оказался в Париже. Примет ли он в нем участие? Конечно нет. Гюстав находится как всегда в своем привычном состоянии: ироничном, огорченном, потрясенном. «Несколько раз меня едва не убили, — пишет он своему дяде Парену, — я никому не причинил вреда, в то время как меня едва не искромсали саблей, не расстреляли из ружья или пушки»[148]. Он жалуется на плохие времена, которые начинаются для Франции. «К личным невзгодам и лишениям добавились общественные неурядицы»[149], — пишет он Генриетте Коллье. Что касается того, чтобы дать собственную оценку происходящих политических событий, то это не для него: у него нет ничего общего с этими честолюбивыми выскочками и голодранцами.

Время от времени он встречается с Луизой и не отказывается от близости с ней с таким видом, словно делает ей одолжение. Он не любит ее, жалуется Луиза. Ему лишь надо с кем-то обменяться мыслями о своей работе. Она нужна ему для того, чтобы он мог получить физическое и моральное удовлетворение. И все же, едва вернувшись в Круассе, он начинает направлять ей бесконечные послания, в которых уверяет Луизу в лучших чувствах и жалуется на сложности рабочего процесса. В одном и том же письме чередуются бодрые фразы и пассажи, полные тоски и отчаяния: «Бывают дни, когда я чувствую себя опустошенным и не могу подобрать нужные слова, чтобы выразить свою мысль, когда, исписав целые страницы, я осознаю, что мне не удалась ни одна фраза, и я падаю в изнеможении на диван. В полном отупении я словно проваливаюсь в бездну. Через четверть часа все меняется, тоска уходит и мое сердце бьется от радости»[150].

Для того чтобы удостовериться в красоте и гармонии фраз романа, Флобер проводит «голосовое» испытание, то есть читает сочиненное вслух, что позволяет ему лучше выявлять ритмические и сонорные недостатки.

Он проводит это испытание не в одиночку, по крайней мере на первых порах. Каждое воскресенье к нему приезжает Луи Буйе. Гюстав читает ему все, что сочинил за неделю. Тяга к наставничеству — это навсегда. Буйе продолжает вести преподавательскую деятельность с прежним отвращением к своему ремеслу. Для Гюстава нет более безжалостного слушателя. Буйе беспощадно выявляет грамматические и синтаксические ошибки, повторы и излишнее употребление вводных слов и предложений. Что касается ускорения работы над редакцией романа за счет более простого повествования, не придавая ему особой глубины, не доходя до вершин этой «психологической науки», которая придает объем и значимость литературным

образам, индивидуальным и одновременно типовым, — об этом не может быть и речи. «Скорее я сдохну как собака, чем перестану работать над сырой фразой», — пишет он Дюкану в достаточно саркастичном письме, в котором в язвительной форме рассказывает о своем презрении к «лаврам, покрытым дерьмом». «Мне наплевать на мнения критиков»[151].

На протяжении первых трех лет работы Гюстава над романом, независимо от того, хочет он этого или нет, Луиза реально и виртуально присутствует в его жизни, порой как женщина из плоти и крови, порой как прототип главной героини. Она достаточно терпеливо воспринимает его комментарии о текущей работе и стоически переживает взлеты и падения его чувств к ней. Он любит ее, уверяет Гюстав, но по-своему: «Вам, которая любит меня, как дерево любит ветер, вам, для которой я навсегда сохраню в моем сердце чувство благодарности, а также нечто долгое и нежное, волнующее кровь. Тебе, бедная женщина, которую я заставил пролить столько слез, в то время как мне хотелось бы вызывать у тебя лишь улыбки»[152].

И вот что он пишет после очередной поездки в Париж, где их снова накрыла с головой волна нежной страсти: «Да, моя дорогая бедная женщина, мы пережили счастливые минуты, в любом случае я люблю тебя»[153].

Но Луиза по-прежнему не желает довольствоваться короткими встречами и торопливыми объятиями. Она не теряет времени даром и продолжает пополнять список своих охотничьих трофеев. Она не изменяет своим привычкам в том, что касается соблазнения более или менее знаменитых персон. В 1852 году в ее сети попадает Альфред де Мюссе[154]. К тому времени ему уже исполнилось 42 года и он уже не был подающим надежды молодым поэтом, на которого обратила внимание сама Жорж Санд. Мюссе только что был избран во Французскую академию. Погрязший в разврате алкоголик, он заметно подорвал свое здоровье. Ему оставалось всего пять лет жизни на этой земле. И все же это обстоятельство не было для него причиной, чтобы отказаться от привычек коварного соблазнителя, действовавшего часто по принципу: пришел, увидел, победил. Однажды в наемном экипаже, находясь как всегда «под винными парами», он пытается изнасиловать Луизу. Женщина выпадает из коляски и больно ударяется о землю. Узнав об этом агрессивном нападении, Гюстав приходит в ярость: «Мне хочется прибить его… Я поколочу его палкой с огромным удовольствием…»[155]

Луиза тем временем довольно быстро приходит в себя от пережитого испуга. Какое-то время она поддерживает хаотичную связь с Мюссе до тех пор, пока, несомненно из соображений

высокой стратегии, она не падает в объятия другой знаменитости — Альфреда де Виньи[156].

До октября 1854 года Флобер, однако, не порывает реальных любовных отношений со своей «музой», несмотря на то что оба устали от этой связи. В 1853 году он даже становится соучастником поэтессы и служит «прикрытием» для почтовых отправлений, которые Виктор Гюго, сосланный на остров Джерси и находившийся под наблюдением императорской полиции, посылал своим друзьям во Франции. Великий писатель в знак благодарности за оказанную услугу дарит Гюставу свою фотографию…

Несмотря на большие трудности, которые испытывал Флобер в ходе работы над «Госпожой Бовари», накопленную усталость, душевные волнения из-за крайне медленного рабочего процесса (некоторые сцены требовали много недель кропотливого труда: искать, копать, возвращаться назад, выкрикивать каждую фразу), он все же находит время для того, чтобы «откорректировать» и дать оценку скверным стихам, которые присылает ему Луиза. При этом он избегает резких слов, словно не хочет задеть самолюбие поэтессы. Еще больше он опасается взрывного характера своей возлюбленной, готовой в любой момент учинить скандал. И все же отдельные ремарки не могут никого обмануть: он находит ее стихи бездарными. Почему же он берется за такой неблагодарный труд? Безусловно, из чувства признательности, по привычке, из-за того что письма, которые он посылает Луизе, являются для него отдушиной. Они представляют собой автобиографическое произведение как довесок к роману, который он сочиняет, где ему приходится быть эдаким «застегнутым на все пуговицы», требовательным «художником», где он стремится спрятаться за доведенной до блеска формой. В совокупности отправленные Луизе за все это время письма включают более пятисот страниц. Их переписка, напечатанная в издательстве «Pleiade», представляет собой отдельное полноценное литературное произведение, которое можно с полным правом поставить в один ряд с «Эссе» Монтеня или «Исповедями» Жан Жака Руссо.

И все же он рвет эту нить осенью 1854 года. Поток его писем иссякает. 16 октября Флобер пишет Буйе: «Что до нее, все кончено».

В конце 1854 года Гюстав несколько недель живет в Париже. И совсем не собирается оповещать об этом Луизу. Для поездки в Париж у него есть по меньшей мере две причины: он взялся подыскать театр для постановки драмы «Госпожа де Монтарси», которую в этот момент пишет Луи Буйе. Его друг уехал из Руана в октябре 1853 года, чем сильно огорчил Гюстава. В конце концов

Флобер принимает решение жить начиная с 1855 года несколько месяцев в году в Париже, поскольку зимой Круассе представляет собой весьма печальное зрелище. Кроме того, у него есть и другая, можно сказать, тайная причина: Гюстав вступил в связь с 26-летней актрисой Беатрикс Персон. Вот какой оборот принимает тяга к театральному искусству.

Луизе становится известно от общих знакомых о том, что Гюстав находится в Париже. И, конечно, она ищет с ним встречи. Она становится слишком назойливой. 15 марта 1855 года Гюстав пишет ей записку: «Мадам, я узнал, что вчера вечером Вы трижды приходили ко мне. Меня не было дома. Чтобы не подвергать Вас унижению с моей стороны по причине Вашей излишней настойчивости, сообщаю, что для Вас я недоступен никогда»[157].

«Подлый трус, негодяй и мерзавец»[158], — пишет Луиза на его конверте.

Флобер не может покончить столь радикально со своей «Госпожой Бовари». Ему еще остается написать третью часть, повествующую о любовной идиллии несчастной Эммы с Леоном Дюпюи. В апреле 1855 года Гюстав возвращается в Круассе, чтобы сочинить эти «фривольные сцены»[159]. Чего стоит, например, вызвавший немало скандалов знаменитый эпизод с наемным экипажем, долго колесившим по улицам Руана, пока в нем происходили вещи, о которых предпочтительно умалчивать. Или встречи Эммы с любовником под предлогом, что она брала уроки музыки. Или непомерные денежные траты в лавке Лере у слащавого торговца, который также внес свою лепту в ее падение…

В Круассе появляется новое лицо, скрасившее одиночество Гюстава. Это Жюльетта Эрбер, молодая англичанка, гувернантка племянницы Каролины. «За столом, — пишет он Буйе, — часто и с большой охотой я заглядываюсь на ее грудь. Мне кажется, что она замечает мои нежные взгляды, поскольку за время обеда она пять или шесть раз заливается краской»[160]. Никто не сомневается, что с того времени между молодыми людьми завязываются отношения, которые будут продолжаться долгие годы. Гюстав тайно и часто ездит в Лондон, чтобы встретиться с Жюльеттой.

Что касается Луи Буйе, то дела у него идут из рук вон плохо. Театр «Комеди Франсез» не принимает его пьесу. Гюстав, предпринимая немало усилий, чтобы помочь другу (в итоге пьеса будет сыграна в «Одеоне» осенью 1856 года), пользуется случаем, чтобы писать Луи сердитые письма. В них он журит друга за ошибки и изливает свои эмоции по поводу отвращения ко времени, в котором они живут: «Меня душит волна ненависти к

нашей эпохе. Я чувствую, как будто все содержимое моего желудка просится наружу через рот. Но я вовсе не хочу избавляться от нее. Я превращу ее в зловонную массу, которой испачкаю все, что происходит в XIX веке»[161].

Наконец свершилось! Эмма Бовари приняла дозу мышьяка. Она скончалась в страшных муках, затем за ней последовал в могилу Шарль после слов, которые он так и не произнес: «Это судьба!»

Книга закончена, а Гюстав все правит ее и правит, следуя указаниям Буйе, или же, как он говорит, посылает их к черту. Очевидно, что он хочет опубликовать свой роман, несмотря на то что раньше не думал об этом. Как можно положить такую книгу в ящик стола, словно неотправленное письмо? Он начал строить планы относительно будущего издания своего романа еще в те дни, когда писал письма Луизе: «Это произведение носит в основном критический или скорее анатомический характер. Читатель не заметит (я надеюсь) всю психологическую работу, спрятанную под формой, но он почувствует на себе ее воздействие»[162].

Очень скоро Гюставу придется в этом убедиться. Несмотря на короткую размолвку после одного сердитого письма, Гюстав возобновляет дружеские отношения с Максимом Дюканом. Его журнал «Ревю де Пари» пользуется большим успехом. Два номера в месяц, 160 страниц богатого литературного материала. Дюкан с нетерпением ждет, когда Флобер передаст ему роман, «уменьшенный примерно на 30 страниц, не считая множества то тут, то там вымаранных строк»[163].

Гюстав не строит иллюзий относительно реакции общества на свое произведение, в котором он дает полное и глубокое исследование женской души, любовных заблуждений, глупости буржуазного общества и смертельно тоскливой провинциальной жизни. И все же Флобер не мог и предположить, что его книга вызовет такой скандал.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Флобер продал «Госпожу Бовари» журналу «Ревю де Пари» за две тысячи франков, то есть на наши деньги приблизительно за 10 тысяч евро. Можно сказать, что он продешевил за книгу, над которой трудился в поте лица целых пять лет. И все же скромность этой суммы способна удивить лишь того, кто никогда не публиковался.

Гюстав еще не пришел в себя от работы над своей «бедной Бовари». Он отлично сознает, что главная героиня его романа — универсальный литературный образ. Возможно, что вовсе не он является автором приписываемой ему знаменитой фразы: «Госпожа Бовари — это я». Может быть, он никогда не произносил ее (в присутствии Амелии Боске, одной из его подруг). «Госпожа Бовари» является доказательством того, что читатель не может оставаться полностью равнодушным к тому, что написано в книге. Можно сколько угодно метать гром и молнии, ненавидеть и проклинать этот роман и читать его, словно нести тяжкую провинность. Все равно его героиня отражает глубокое разочарование человека, для которого, по словам Луи Арагона, жизнь не представляет особой ценности. Все свои личные противоречия, утраченные иллюзии и идеалы, а также все те черты, которые он с горечью подметил у своих современников, Флобер воплотил в образе главной героини. И, конечно, она — это вовсе не Флобер по меньшей мере по двум причинам: она читала мало и совсем не те книги и, главное, тупо верила в романтическую любовь. Третья же причина, которая не делала чести главной героине: Эмма Бовари глупа как пробка. И в высшей степени. Ей не хватает отрешенности, сарказма, иронии, искрометного юмора и духовной утонченности автора, который пишет не только, повинуясь велению сердца, но и по зову разума. Героиня романа — мелкобуржуазная, малообразованная обывательница. Она из тех женщин, кто «думает задницей, а не головой»[164]. Ее внутренний мир подвергается дотошному анализу интеллектуалом высочайшего уровня. Кроме того, и надо это отметить, автор наделен саркастическим складом ума, и у него, несомненно, тяга к черному юмору. Кого не рассмешат описание шапки Шарля, эпизод на свадьбе, операции на ноге Ипполита или же поездки в наемном экипаже по улицам Руана, тому невозможно понять глубокий смысл этого великого и ужасного романа, вышедшего из-под пера довольно молодого человека, но, похоже, прожившего не одну, а три жизни. Порой забывается, что «Госпожа Бовари» — это его первый роман.

Последствия не заставили себя долго ждать. Не успел Флобер отослать рукопись романа в «Ревю де Пари», как члены редколлегии впадают в панику. В империи шутки плохи с тем, что касается морали (или с тем, что дураки понимают под моралью). Журнал находится под особым наблюдением поборников нравственности из-за своей либеральной направленности. Напомним читателям, что в XIX веке слово «либеральный» обозначало в прямом смысле защиту всех свобод. Не то что в наши дни, когда мы воспринимаем его в искаженной форме, подразумевающей свободу лисицы в курятнике.

Флобер очень скоро пожалел, что отдал книгу в печать. «Я жил в полной гармонии с самим собой до тех пор, пока я сочинял для себя одного. Теперь же меня терзают тревоги и сомнения. Я чувствую нечто новое: творчество мне опостылело»[165].

Роман ставит в затруднительное положение Максима Дюкана, кавалера ордена Почетного легиона с 1853 года («восхитительная эпоха, когда раздают награды фотографам, а поэтов отправляют в ссылку»[166], — пишет Гюстав), который пребывает в большой нерешительности. Он передает роман для прочтения своим сотрудникам. И вот некий Луи Ульбах говорит о «странном произведении, смелом, циничном в своем нигилизме, неразумном по причине того, что убедительно, псевдоправдоподобном из-за большого количества деталей, лишенном целостности из-за многочисленных отступлений; без великодушной грусти… без размаха… без любви». Можно подумать, что читаешь отзывы некоторых современных издателей… Максим, возможно опасаясь лишиться ордена Почетного легиона, подливает масла в огонь, объявляя Гюставу, что журнал настоятельно требует сделать в тексте «купюры, которые мы посчитаем необходимыми; впоследствии ты сможешь издать свою книгу отдельным томом в том виде, в каком только твоя душа захочет… Смысл твоего романа теряется по причине большого количества блестяще написанных, но бесполезных эпизодов…»[167].

Бесполезных эпизодов… Можно не поверить своим глазам и подумать, что тут какая-то ошибка, но нет: старый добрый друг Максим совсем не шутил. В ноябре того же года, когда роман был уже отдан в печать, Максим снова пишет: «Ранее я не шутил. Сцена с наемным экипажем выходит за все рамки приличного. Конечно, не для журнала, которому на нее наплевать, и не для меня, подписывающего этот номер с романом в печать, а для полиции нравов, которая вынесет нам выговор, от которого нам всем не поздоровится[168]…»

То, что произойдет в дальнейшем, покажет, что Максим был

по-своему прав. Вначале, однако, вышел из себя Флобер. В июле он отправляется в Париж, чтобы защитить свое детище и договориться о том, чтобы не вносить в текст значительных поправок. И все же, когда в октябре первый номер журнала с романом выходит из печати, над детищем Флобера сгущаются тучи. Роман изначально печатается таким, каким он создан, и Гюстав поправляет в тексте только несколько типографских опечаток. Он продолжает защищать свое произведение и оправдывать его: «Искусству чужда любезность и обходительность. Оно не требует ничего другого, кроме чистосердечия, честности и независимости мыслей»[169].

Худшие опасения Максима Дюкана оправдываются: «Ревю де Пари» попадает в поле зрения органов правопорядка из-за несчастной Эммы. Журналу грозит судебное преследование. И, сколько Максим ни упрашивал сурового и непреклонного Гюстава, он ничего не добился. Флобер наотрез отказывается менять в своем тексте даже точку с запятой: «Если „Ревю де Пари“ находит, что я наношу вред его репутации, если журнал дрожит от страха, есть простой выход — перестать печатать „Госпожу Бовари“, и дело с концом. Мне все равно, что будет»[170]. Он с таким же безразличием относится к нападкам в прессе, уголовному преследованию и даже к тому, что журналу «Ревю де Пари» будет запрещена публикация романа. И все из-за того, что следовало бы отказаться от издания «Госпожи Бовари». Только и всего.

И все же из-за предосторожности журнал продолжает настаивать на сокращении части текста, которую считает наиболее опасной. Чтобы найти компромисс с редакцией журнала, Гюстав предлагает предварять публикацию романа предостережением читателям, что перед ними «только отрывки из романа, а не всё произведение в целом».

Тем временем книга продолжает выходить в свет. Женщины читают роман, чтобы пощекотать себе нервы. «Все парижские дамы полусвета вырывают „Госпожу Бовари“ друг у друга из рук, чтобы найти непристойные сцены, которых там нет»[171].

Скандал вполне может нанести вред репутации любого человека, несмотря на уровень его таланта. В случае с Флобером, который пользовался поддержкой литературного мира во главе с Ламартином, нескольких влиятельных придворных дам, приближенных императору и даже императрице, а также всех, кто понимает то, что читает, дело принимает плохой оборот потому, что издание романа «Госпожа Бовари» становится неприятным для общества явлением, влекущим серьезные последствия. В чем же упрекают автора? В том, что он глумится над моралью, семьей,

религией. «Но эти судьи глупы, как ослы. Они не знают ничего об этой религии, которую они так ревностно защищают»[172]. Пример? Сцена последнего причастия, детали которого точно соответствуют церковному ритуалу…

И все же глупость не пробиваема, и буржуазия жаждет осуждения инакомыслия. Это вынуждает Флобера выбраться из своего медвежьего угла и броситься в контратаку, как он умеет это делать, когда его вынуждают обстоятельства. Следует признать, что он испытывает при этом некое радостное волнение. Это наводит на мысль, что ему нравится вызывать переполох в вольере с дикими зверями. Он встречается с министром просвещения и шефом полиции, чтобы убедить их в том, что не является каким-то жалким бумагомарателем, идущим на скандал для обеспечения выгодной продажи своего творения. У него «есть, на что жить», он происходит из известной и уважаемой в Руане семьи. Успех книги, а также поддержка известных людей окрыляют его. В свете приближающихся выборов он даже советует брату Ашилю намекать потихоньку тем, кто идет на выборы, на то, что избиратели не поймут, если осудят сына доктора Флобера. Его совет выглядит несколько странным, поскольку известно, с каким «уважением» Гюстав относится к всеобщему избирательному праву…

Решив, что дело закрыто, он возвращается в Круассе. «Я вновь живу бедной событиями жизнью, спокойной и неинтересной, где фразы вместо приключений и где я не собираю других цветов, кроме метафор»[173], — пишет он Элизе Шлезингер.

И все же прокуратура не забывала о нем. 15 января 1857 года адвокат Гюстава и друг семьи Флобер мэтр Сенар сообщает, что его дело передано на рассмотрение в суд. Естественно, что перспектива судебного разбирательства подогревает интерес к «Госпоже Бовари». «Все читали ее, читают и хотят прочитать». Что же касается Гюстава, то он «с минуты на минуту ждет сообщения о том, где и в какой день ему надлежит сесть на одну скамью с мошенниками и голубыми за преступление, выражающееся в написании романа на французском языке»[174].

Этот процесс обещает быть литературным и светским событием, поскольку Гюстав становится знаменитостью. Теофиль Готье публикует даже отрывки из «Искушения святого Антония», которые вызывают восхищение Ламартина. Флобера поддерживают, императрица дважды замолвила за него слово, ему предлагают выгодные контракты на будущие публикации.

Между тем Флобер чувствует себя далеко не в своей тарелке, когда 29 января 1857 года его вызвали на судебное заседание в парижский Дворец правосудия. Он уже приготовился выслушать

приговор, осуждающий его на тюремное заключение. При таком исходе судебного заседания он решает, что не будет просить ни о каком снисхождении, чтобы не покрыть себя бесчестьем. Словно Иисус Христос вместе с парой разбойников, скамью подсудимых с ним разделяют владелец типографии Огюст Пийе и редактор «Ревю де Пари» Лоран Пиша. Что же касается генерального прокурора, то это печально известный Эрнест Пинар, кто три месяца спустя будет выступать в суде в роли обвинителя против Бодлера[175] с его «Цветами зла».

Адвокат Жюль Сенар также является известным лицом. Флобер познакомился с ним в 1847 году. В то время он председательствовал на «банкете реформистов», во время которого Гюстав наслушался немало глупых речей. Адвокат и «умеренный республиканец» Сенар был президентом Национальной ассамблеи в 1848 году, затем министром внутренних дел. Еще задолго до этого он вел решительную борьбу в Руане с рабочими и республиканцами самого радикального направления. В ту пору политические волнения стали причиной гибели десятка людей, но Сенар, представленный к награде в качестве поощрения за наведение правопорядка, начал успешную политическую карьеру, которая закончилась с падением Второй республики. Затем он вступил в парижскую коллегию адвокатов. И вот этого «центриста» сомнительного толка, но бесспорно талантливого юриста Флобер выбрал для своей защиты.

Что же касается Эрнеста Пинара… Несчастный человек! Бедолага впоследствии заслужил репутацию недалекого человека, воплощавшего всю тупость правящего класса и императорской власти, упертого поборника давно ушедшей в прошлое морали. Произнесенная им на процессе обвинительная речь, которую Флобер стенографировал за свой счет, чтобы сохранить для истории, заслуживает того, чтобы на ней остановиться немного подробнее. Скажем так: в своей неблаговидной роли Пинар сделал все, что мог. В любом случае нет сомнения, что он добросовестно прочитал роман от корки до корки. Возможно, что он даже наслаждался его отдельными страницами, как служитель церкви, нечаянно оказавшийся в борделе. Впрочем, много лет спустя его схватят за руку на месте преступления как автора поэм непристойного содержания!

И в чем же он обвиняет «Госпожу Бовари»? В «чувственности» и прославлении адюльтера. Он выдает характеристики каждому персонажу, хотя делает это весьма тенденциозно, поскольку убежден в аморальности романа. Совершенно очевидно, что освобождение Эммы от одежды перед Леоном и шнурок, который скользил вокруг ее бедер, как змея, когда она выдергивала его из

корсета, произвели большое впечатление на прокурора. Мы можем в порядке юмора привести несколько повторяющихся цитат из его обвинительной речи: «Господа, я говорю, что сладострастные подробности не могут быть прикрыты морализаторством, иначе станет возможным рассказывать обо всех мыслимых и немыслимых оргиях, описывать все мерзости из жизни публичной женщины, когда она находится на убогой больничной койке»[176].

Совсем в другой тональности выдержана речь адвоката, защитника на процессе, мэтра Сенара. Чувствуется, что он вложил в нее душу и скрупулезно изучил роман. Один за другим он разрушает все доводы обвинения и доказывает их полную абсурдность и несостоятельность. Вспоминая, какие слова нашел адвокат в защиту книги, Флобер пишет брату Ашилю: «Защитительная речь мэтра Сенара была великолепной. Он разнес в пух и прах прокурора, который юлой крутился на своем стуле, и заявил, что не будет отвечать. Мы добили его цитатами из Боссюэ и Масийона, а также непристойными пассажами из Монтескье и т. д. Зал был в восторге. Это было прекрасно, и я воспрянул духом»[177].

По правде говоря, мэтр Сенар пускает в ход тяжелую артиллерию. Он ссылается на то, каким уважением семья Флобера пользуется в Руане: имеющий уши да услышит! Он также приводит цитаты из письма Ламартина, в котором автор восхищается романом, высмеивая обвинения в нападках на церковь. 7 февраля 1857 года выносится приговор, согласно которому дело закрывается: Флобер и его сотоварищи по скамье подсудимых оправданы «без уплаты судебных издержек». С вынесением порицания, так сказать, для приличия.

Флобер торжествует, однако эта победа имеет горькое послевкусие. Судебный процесс, даже выигранный, не остается без последствий. «Я чувствую себя проституткой… Я противен сам себе». Известность — одна из форм агрессии, в особенности если она приобретается не самым лучшим способом и к ней не стремишься. Кроме того, это дело лишний раз открыло ему глаза на человеческую глупость, духовную нищету буржуазного общества, показало «отчаянно свирепое лицо социального лицемерия»[178].

Роман выходит из печати отдельным изданием в апреле 1857 года. Никогда еще продвижение на рынок книги не было столь успешным: сами органы правопорядка исполнили роль рекламщиков для «Госпожи Бовари»! За неделю расходятся все напечатанные 6600 экземпляров книги. Надо выпускать книгу вторым тиражом. Издатель, Мишель Леви, с которым Флобер

подписал заранее контракт на мизерную сумму в 800 франков, срывает большой куш. Как пишет Гюстав одному из своих друзей Жюлю Дюплану: «…продано 15 тысяч томов, это значит, что 30 тысяч франков ушло у меня из-под носа». Леви делает широкий жест и от своих щедрот выплачивает автору премию в 500 франков. Иногда встречаются нищие писатели, но бедный издатель — это большая редкость.

И все же, что бы там ни было, к Гюставу приходит слава. И вот теперь литературные критики, среди которых несколько вполне доброжелательных «острых перьев» и много тупиц (куда же без них?), обращают свои взоры на «Госпожу Бовари». Сент-Бёв посвящает роману в журнале «Ле Монитёр универсель» от 4 мая 1857 года весьма хвалебную статью, где отмечает, верный своему излюбленному «психологическому» методу, что «господин Флобер владеет пером так, как другие держат скальпель». Совсем неплохо сказано про сына известного хирурга. Другие авторы чего только не пишут! Одни обвиняют Флобера в том, что его книга написана на «низком художественном уровне»[179]. Писателя также упрекают в том, что он написал «произведение, тяжелое по стилю, вульгарное и преступное перед обществом»[180]. Некоторые критики приводят убийственный аргумент: «Излишнее усердие не заменяет спонтанности, которая идет от чувства»[181]. В заключение автор называет «Госпожу Бовари» «большой кучей навоза»[182]. Эти «золотые перья» давным-давно канули в Лету. Их имена преданы забвению. Мы не станем выкапывать их скелеты из могил.

Между тем роман пользуется огромной популярностью среди женщин. Он завораживает и волнует их воображение. Не правда ли, Флобер с исключительной проницательностью описывает идиосинкразию[183] большинства представительниц женского пола в частности и независимо от половой принадлежности человеческой особи вообще? «Бовариз м» — это состояние сознания, предрасположенное к мечтательности, иллюзорному стремлению к идеалу, миражам идеальной любви, употреблению самых слащавых слов, глупой вере в то, что в других краях трава зеленее и небо голубее. Флобер с присущей его перу беспощадной точностью и стилистической художественностью оркестровал эту партитуру. Самые образованные и умные читательницы скоро поняли, насколько точно он раскрыл эту тему. История Эммы служит ему основой для анализа человеческой сущности.

Одна из таких незаурядных женщин появляется в жизни Гюстава. Это мадемуазель Леруайе де Шантепи, старая дева, которая пишет Гюставу восторженные письма. Она вовсе не сумасшедшая и не экзальтированная особа. Она проживает в

Анжере, откуда никогда не выезжала. Флобер так никогда и не встретится с ней, но они будут вести переписку с перерывами около пятнадцати лет. Воспитанная в католицизме, но восставшая против его канонов и страдающая из-за узости и глупости системы воспитания, она причисляет себя к социалистам. Она прочитала «Госпожу Бовари» с огромным интересом, словно книга была написана про нее, и отомстила за все нанесенные ей оскорбления. Отныне только с этой женщиной Гюстав будет делиться своими сокровенными мыслями и писательскими переживаниями и сомнениями.

В этой скромной и боязливой женщине он распознал родственную душу. Она с большим успехом заменит Луизу Коле, поскольку ничего от него не требует и не ждет, разве что обмена мнениями по вопросам литературы или философии. Гюстав делится с ней мыслями, которые определяют его мироощущение в тот момент: «С большой радостью я готов броситься в огромную черную дыру. И между тем то, что меня влечет более всего, — это религия. Я хочу сказать — все религии, не выделяя какую-то одну из них. Отдельная догма отталкивает меня, но я рассматриваю чувство, которое лежит в их основе, как самое естественное и самое поэтичное в человечестве… Я не испытываю симпатии ни к одной политической партии, или, вернее, я презираю их всех… Мне ненавистен любой деспотизм. Я — ярый либерал. Вот почему социализм мне кажется жутким учением, способным убить любое искусство и всякую нравственность»[184].

С этой старой девой (она на 20 лет старше Гюстава) и большой почитательницей его таланта он делится своими творческими планами. И сообщает ей основные сюжетные линии своего будущего проекта. Он задумал написать о восстании наемников в Карфагене, произошедшем за три века до рождения Иисуса Христа. И это будет «Саламбо».

«САЛАМБО»

Успехом «Госпожи Бовари» Флобер обязан своим новым друзьям. Франция — страна писателей… Нигде больше в мире не ссорятся с такой страстью из-за какой-то книги или идеи. Нигде больше в мире не возводят знаменитых писателей почти в лик святых, если даже они оскандалились. Влияние писателей на общество весьма большое, даже если они самозванцы или лица, виновные в плагиате. Отныне в круг его друзей и знакомых входят Шарль Бодлер, Эрнест Фейдо[185], Сент-Бёв, братья Гонкур, Эрнест Ренан[186]. Он не имеет ничего против обрушившейся на него славы, хотя порой способен в полной мере оценить ее призрачность. Отныне Флобер — признанный писатель. На протяжении долгого времени презрительное отношение к любой публикации оберегало его от соблазна облегчить свой писательский труд. Теперь же, когда он достиг известности, — да еще какой! — он пожинает плоды своего тяжкого труда и получает от этого удовольствие.

На тот случай, когда ему захочется уединения, где он смог бы подготовиться к работе над новым произведением, у него есть убежище — семейный тихий уголок в Круассе. Он приезжает туда весной 1857 года и принимается за новый роман. На этот раз, чтобы очистить душу от безобразных в моральном отношении реалий «Госпожи Бовари», Флобер выбирает диаметрально противоположный сюжет: дальняя страна, эпоха, о которой ничего или почти ничего не известно.

Вновь обратившись к тексту «Искушения святого Антония» с целью улучшения стиля некоторых отрывков, Гюстав садится за книги и очень много читает.

С романом «Госпожа Бовари», «полный жизненных тягот и невзгод» сюжет которого ему сильно претил, он задумал книгу ни о чем, которая заинтересовала бы читателя только «внутренней силой ее стиля»[187]. В «Саламбо» он задумывает войти в согласие с собственным темпераментом, «влюбленным в лирический рык»[188]. Он даже надеется, что новый замысел не займет много времени. Но и в этот раз он отправляется в весьма продолжительное путешествие, которое продлится целых пять лет.

В скором времени Флобер сможет оценить все трудности затеянного им предприятия. Нельзя сказать, что как писатель он был наделен слишком богатым воображением. Выражаясь литературным языком, он был чувственным, восприимчивым к визуальным эффектам романистом. Для того чтобы писать, ему

необходимо представить себе визуальный ряд произведения или хотя бы, как в случае со святым Антонием, испытать на себе действие галлюцинаций. Возможно, из него мог бы выйти великий кинематографист. Для того чтобы сочинить ту или другую сцену, ему нужен богатый документальный материал. Он изучает его, копается в нем, по-своему его перерабатывает. Он охотно сравнивает себя с волом. Когда он работал над романом «Госпожа Бовари», он сосредотачивался на деталях, находясь уже на освоенной территории, поскольку речь шла о провинциальной жизни. Он описывал хорошо знакомую ему среду, например врачебную, которая окружала его с самого детства. Операция на ноге Ипполита, по словам Пьера Марка де Биази, — это почти семейная история. Доктору Флоберу однажды не удалось подобное хирургическое вмешательство, что позволило Биази сказать, что Гюстав этим пассажем стирает в памяти воспоминание детства…[189]

В случае «Саламбо» всё совсем по-другому: отдаленная эпоха, неизведанный мир, знания, почерпнутые из книг. Вот что он пишет Жюлю Дюплану 28 мая 1851 года: «От книг меня уже тошнит. Я перелопатил множество страниц. Только с марта я сделал выписки из 53 разных источников… Мне кажется, что я могу теперь иметь полное представление о том, каким был солдат в античные времена».

Флобер очень скоро поймет, что одним из подводных камней этого проекта будет психология персонажей, когда речь идет о том, чтобы «почувствовать себя человеком, который жил более двух тысячелетий назад в эпоху, не имеющую ничего общего с современной нам цивилизацией»[190]. Он представляет эту книгу в цвете, «что-то пурпурно-красное».

Стоило Флоберу в июле 1857 года сесть за письменный стол, как его охватывает непреодолимое отвращение. Книга нагоняет на него тоску, а он, как ему кажется, будет, в свою очередь, докучать читателю. Впрочем, отныне ему суждено испытывать такие чувства всякий раз перед началом очередной работы. Написав первую главу романа, Флобер нашел ее «отвратительной». Он слишком мало времени был «беременным»[191] этой книгой. Неплохой предлог для того, чтобы дать себе передышку и подумать о том, в каком контексте будут развиваться события в этом произведении.

И о чем же она, эта история? Флобер давным-давно задумал написать «Восточную сказку». Это не будет роман о Египте, поскольку ему пришлось бы в подобном случае утонуть в историческом материале. Карфаген, напротив, остается неисследованной и непознанной территорией. Отсутствие

некоторых исторических сведений может быть компенсировано писательским воображением. Вот какой монументальный замысел, достойный сценария голливудского фильма, вынашивает писатель: это история двух воинов, предводителей наемников, Мато и Нар Гаваса, которые становятся соперниками из-за красивых глаз Саламбо, дочери царя Карфагена Амилькара. Наемники представляют опасность для Карфагена. Воспользовавшись отсутствием Амилькара, они хотят захватить девушку. Ливиец Мато крадет в храме Танит заимф — священное покрывало, которое дает особую силу. Саламбо отдается ему, чтобы вернуть заимф. Тем временем, вернувшись, Амилькар подавляет мятеж наемников в ущелье Топора. Мато терпит поражение, и его бросают в темницу. Затем его отдают на растерзание толпы.

Флобер очень скоро понимает, что не сможет сочинить роман, если не увидит собственными глазами места, которые собирается описывать. Он решает отправиться в Тунис. В 1858 году Гюстав проводит всю зиму в Париже. Он принимает участие, хотя и не любит об этом говорить, в общественной жизни довольно узкого литературного сообщества. Конечно, он — затворник, но не навсегда. Гюстав сторонится «светского общества», но обожает вступать в литературные споры. В частности, с Эрнестом Фейдо он дискутирует на единственно сто́ящую, по его мнению, тему — стиль. Такое отношение к общественной жизни стоило ему злого замечания от братьев Гонкур на страницах их «Дневника»: «Нам показалось, что мы попали на дискуссию грамматистов времен поздней Римской империи»[192]. Впрочем, Фейдо, романист и археолог, становится его лучшим партнером по дискуссии на все время работы над «Саламбо».

Успех «Госпожи Бовари» не вскружил ему голову до умопомрачения. В эту зиму, в феврале, в то время как у него завязались тесные отношения с Жанной де Турбе, актрисой и дамой полусвета, впоследствии одной из самых известных кокоток Второй империи, Гюстав отказывается от предложения театра «Порт-Сен-Мартен» адаптировать свой роман для театральной сцены. «Хотят, чтобы известный мастер сделал вещь на скорую руку, — пишет он Леруайе де Шантепи. — Но погоня за наживой на почве искусства показалась мне недостойной моей натуры»[193]. В то же время он понимает, что, отказавшись пойти на сделку с совестью, он теряет 30 тысяч франков. «Черт, вот я какой, — бедный, но честный»[194].

Бедный — понятие относительное. Он находит достаточно денег, чтобы организовать новое путешествие. 12 апреля 1858

года он отправляется в Тунис. На этот раз в гордом одиночестве. О совместном путешествии с Максимом Дюканом не может идти и речи. После того как Максим настаивал на внесении поправок в текст «Госпожи Бовари», их дружба дала трещину. Без всякого сомнения, накануне его отъезда госпожа Флобер пустит слезу. К счастью, рядом с ней находится Ашиль, который залечит ее душевную рану. По правде говоря, этот отъезд нельзя было назвать чрезмерно веселым, но ему надо «на мавританские берега»[195].

К тому времени между Парижем и Марселем уже была построена железная дорога. Путешествие длится более тридцати часов, но оно не кажется Гюставу слишком утомительным, если запасешься хорошей едой, что и делает Флобер. В Марселе он совершает привычное паломничество на улицу Дарс. «В Марселе я целые два дня чувствовал себя крайне одиноким»[196]. Он слоняется по пользующимся дурной славой кварталам города, посещает театр и, наконец, садится на пароход, отправляющийся в «страну Югурта»[197].

Это путешествие будет длиться два месяца. В немногих письмах, которые он посылает своим друзьям, нет и в помине того восторженного энтузиазма, который он испытывал во время предыдущей поездки на Восток. Он сходит на берег в местечке Стора в Алжире. Затем его путь лежит в Константину. Он едет на дилижансе в довольно сомнительной компании, состоящей из троицы мальтийцев и одного итальянца. «Они были пьяны, как поляки, воняли, как падаль, и рычали, как тигры»[198].

В Константине Гюстава пригласил к себе начальник почтового ведомства. К своему удивлению, он узнаёт, что и здесь читают его «Госпожу Бовари»! Это путешествие, признаётся Флобер, весьма его забавляет, но он совсем не думает о своем романе. По привычке ему не терпится набраться впечатлений и проникнуться красотой местного пейзажа, видов и сцен повседневной жизни, смешных или удивительных. И вот он уже в Карфагене или же, вернее, на том месте, где когда-то располагался этот город. Флобер изучает его с дотошностью и огромным любопытством: «Я исходил Карфаген вдоль и поперек, в любое время дня и ночи»[199]. Бизерта очаровывает его своим шармом «восточной Венеции». И всё же церемония целования руки бея, местного правителя, на которой он присутствует, покоробила его. «Лицемерие одинаково повсюду, — пишет он в своем „Путешествии в Карфаген“, — нетерпимость рамадана напомнила мне Великий пост у католиков»[200].

Записи, которые он делает в своих блокнотах, письма, которые посылает, оставляют такое впечатление, будто бы он

стал менее терпелив после предыдущего путешествия и испытывает какое-то легкое недомогание. По его мнению, европейцы, колонисты и приравненные к ним лица глуповаты, коренных же жителей он и вовсе высмеивает: «Вот как тунисские арабы лечатся от сифилиса: они совокупляются с ослом. Здесь повсеместно предаются безудержному скотоложеству. Монтескье отнес бы это за счет климата»[201]. Можно предположить, что писатель умышленно или нет, но старается набраться впечатлений от диких и жестоких картин тамошней повседневной жизни, чтобы перенести их на страницы своего будущего романа «Саламбо». В местном пейзаже он, в стремлении воспроизвести давно ушедшие времена, ищет сходство с теми картинами, которые складываются в его голове.

Во время продолжительной поездки на лошадях в Тестур, Кефф и Рьефф Гюстав находится под впечатлением местных обычаев, наслаждается турецкими банями, массажами, ночами, проведенными в палатках бедуинов. Это путешествие восстанавливает его душевное равновесие: он увидел все, что хотел увидеть. Он чувствует себя «в самом веселом расположении духа и здоровым, как бык»[202].

Возвращение в Париж в летнюю жару оказывается довольно грустным мероприятием. Оно ставит точку не только на этом приятном и веселом приключении, но и на всех прочих путешествиях: никогда больше Флобер не отправится в столь дальние края. В Париже он вновь попадает в привычную атмосферу. Вот довольно узкий круг его общения: Жанна де Турбе, похоже, и в самом деле ставшая его любовницей, Эрнест Фейдо, Луиза Прадье, госпожа Сабатье, прозванная Президентшей, любовница известного промышленника Альфреда Моссельмана, подруга Теофиля Готье, советчица и муза Бодлера… Неделю спустя Флобер возвращается в Круассе, приняв твердое решение больше не сниматься с места. «Чтобы вся природная энергия, которую я в избытке накопил, вылилась на страницы моей книги»[203]. Его ждет титанический труд. Снова погрузившись в рукопись этого произведения, которое все еще носит название «Карфаген», он приходит в ужас. Текст никуда не годится. Все надо начинать заново. Он уже предвидит, что на все ему понадобится два или; и года работы. Ему больше всего хочется, чтобы в этот период никто не заводил бы с ним речь о книге. По его словам, он охотно бы разослал письма с сообщением о своей смерти. Что же касается общения с читателями или будущей публикации своего романа, то на него не надо рассчитывать: «Как и в прошлом, я буду писать для себя, и только для себя одного… Я уверен, что то, чем я занимаюсь, не

будет иметь никакого успеха. Тем лучше! Мне на это трижды плевать…»[204]

И вот, наконец, для Флобера начинается сладкая каторга творческих поисков. С этой невероятной книгой, с этой абсолютной пустотой, которую он хочет облечь в невиданные литературные одежды, чтобы «дать людям язык, на котором они не думали»[205], писатель постоянно ходит по краю пропасти. Роман «Саламбо» в понимании автора — это произведение, представляющее собой особую форму литературного творчества. Флобер стремится создать свой неповторимый мир, не всегда принимая во внимание существующие и знакомые ему реалии. «Книга ни о чем, которая будет держаться на внутренней силе ее стиля». То, что начато в «Госпоже Бовари», он реализует в «Саламбо». По правде говоря, история, изложенная в этой книге, не кажется нам интересной. Тем не менее мы находим в ней ряд «блестящих эпизодов», написанных благодаря богатому визуальному воображению автора, а также под впечатлением от чтения произведений маркиза де Сада, в творчестве которого, как отмечают в своем «Дневнике» братья де Гонкур, «есть какая-то неразгаданная и манящая тайна». «В поисках всякого рода мерзостных картин, — добавляют два знаменитых сплетника, — он радуется, увидев, как ассенизатор ест дерьмо»[206]. Отметим, что наш Гюстав был уверен в том, что эта «парочка тявкающих болонок» испытывает к нему лучшие дружеские чувства.

Ходить по краю пропасти чревато последствиями. Создавать воображаемый мир без реалистических подпорок (или «опор», как говорил Стендаль), постоянно «изобретать то, чего не может быть», требует огромной затраты сил. Флобера начинают мучить нестерпимые боли в желудке, словно его пронзают острые перья. Эта болезнь проходит так же, как началась, но приступы «гвоздей» в желудке остались навсегда. Время от времени он бывает наездом в Париже, а затем возвращается к своим пенатам. Он выбрал себе такую жизнь и не собирается менять ее. Летом 1859 года с грустной улыбкой он встречает известие о том, что Луиза Коле начинает печатать свой роман в «Ле Мессаже де Пари». В нем речь идет о «любовном» треугольнике, в состав которого одно время входили сама Луиза, Мюссе и он. Он узнает себя в образе Леонса, живущего в деревне дикаря, который «с фанатизмом трудится над великой книгой». Героиня романа, благородная дама, страдает от того, что они слишком редко видятся. Мюссе описан в романе под именем Альберта де Линселя. Кроме того, повествование включает и его встречи с Жорж Санд. Луиза уже свела счеты с Флобером в другой книге, «История солдата». «Будь начеку, — пишет он Эрнесту Фейдо,

когда до него доходят слухи, что она ищет с ним встречи, — это опасное создание»[207]. В письме Амелии Боске Гюстав вспоминает о Луизе как о «самой долгой в его жизни неприятности»[208]. Эта женщина для него уже ничего не значит. Похоже, что болезненная и изнуряющая страсть к ней излечила его от всех иллюзий.

Жизнь кажется ему терпимой только в случае, если он находится в «литературном бреду». Флобер не был бы Флобером, если бы отказался от частичного затворничества на время работы над литературным произведением. По его мнению, только при условии замкнутого образа жизни можно написать стоящую книгу. Писательский труд — это не ремесло. «Это жизнь, это „образ жизни“»[209], — делится он с мадемуазель Леруайе де Шантепи, а в письме Морису Шлезингеру он еще и добавляет: «это особый образ жизни. Подбирая какое-то слово, я провожу настоящую исследовательскую работу, предаюсь фантазиям, погружаюсь в бесконечный сон наяву»[210]. Ничто не должно мешать творческому процессу, полету писательской фантазии, в том числе заботы и тяготы повседневной жизни, болезнь или смерть самого близкого человека. Как он пишет в октябре 1859 года Эрнесту Фейдо, жена которого тяжело заболела: «…тебе представляется богатейший материал для наблюдения, в будущем его можно использовать в твоем произведении». Ну не чудовищный ли это эгоизм? Недомыслие? Жестокость? В его понимании книга, которую он пишет, — священная корова.

Работа над «Саламбо» идет в каком-то почти бредовом состоянии, словно под гипнозом, в который Флобер погружается, чтобы в его воображении возникли самые жестокие и яркие сцены насилия.

Как известно, в зимний период года Флобер с некоторых пор становится «парижанином». Это происходит в какой-то степени благодаря братьям де Гонкур, с которыми он часто видится в своей квартире на бульваре дю Тампль. Знает ли Гюстав о том, что, не успев вернуться к себе домой, братья, которых Гюстав называет «милыми, как ангелы, и остроумными, как черти»[211], принимаются строчить статьи для своего «Дневника», где отзываются о нем, как правило, далеко не самыми лестными словами? Они называют его «гением… из провинции», «академическим дикарем»[212]. А начиная с 1860 года вот каким они рисуют его портрет: «Между нами и Флобером существует непреодолимый барьер. В нем живет провинциал и позер. Чувствуется, что он совершил все свои „великие“ путешествия, чтобы пустить пыль в глаза жителям Руана. У него тяжелый и неповоротливый склад ума, такой же, как его жирное тело. Он не

способен воспринимать тонкие вещи. Ему более по душе лишь корявые и громоздкие фразы. В его разговоре совсем мало идей, и он их высказывает нарочито громко и с пафосом. У него мышление и голос декламатора. От историй и персонажей, которых он выдумывает, исходит запах ископаемых остатков и супрефектур»[213].

Между тем этот «провинциал», как его называет парочка великосветских парижских литературных сплетников, работает над «Саламбо» словно проклятый. В то же время он не отказывается заводить новые знакомства, поскольку к этому отныне его обязывает статут знаменитого писателя. Так, он знакомится с госпожой Сабатье, Президентшей, которая держит у себя литературный салон. Весь Париж восхищается ее красотой. И в наши дни есть возможность убедиться в необычайной привлекательности ее анатомических данных в музее Орсе, поскольку она служила моделью для скульптора Огюста Клезенжера, который создал статую «Женщина, ужаленная змеей», вызвавшую в свое время немало пересудов из-за своей удивительной эротичности.

Летом 1860 года Гюстав, несмотря на размолвку между ними, переживает за судьбу Максима Дюкана, вступившего в армию Гарибальди и принявшего участие в военном походе. Что побудило его сделать столь необдуманный шаг? «Чудовище! Ты всегда ищешь беду на свою голову»[214].

Впрочем, политика все больше и больше претит Флоберу. В марте 1860 года он устраивает большую головомойку своему другу Луи Буйе за то, что тот согласился написать заказное произведение по случаю насильственного присоединения Савойи к Франции: «Глупец. Это называется проституцией от искусства: своим согласием ты уронил твой престиж. И я не побоюсь этого слова: теперь ты деградируешь… Черт возьми, никакой политики! Она приносит беду и несчастье. Это грязное дело»[215]. Внимательное прочтение «Воспитания чувств» позволит понять смысл этих саркастических слов.

Тем временем «Саламбо» начинает приобретать почти презентабельный вид. В мае 1861 года, именно братьям де Гонкур, отныне его лучшим друзьям и собеседникам (если бы он только знал…), Гюстав посылает приглашение послушать, как он будет читать отдельные отрывки из нового, еще не законченного произведения: «Торжество состоится в этот понедельник. Грипп не в счет. Черт возьми! Вот программа: 1. Я начну драть горло ровно в четыре часа. 2. В семь часов — обед в восточном стиле. Вам подадут мясное блюдо из человечины, мозги буржуазного

обывателя и клиторы негритянок, тушенные в масле бегемотов. З. После кофе я буду вновь драть горло до тех пор, пока слушатели не сдохнут»[216].

Он не и думал, что его слова окажутся настолько близки к истине. Как и в прошлый раз, он начинает читать свое творение перед Дюканом и Буйе. И, так же как и в прошлый раз, реакцию слушателей можно назвать катастрофической. Тем не менее вместо того, чтобы со всей прямотой и откровенностью высказать свое мнение непосредственно в глаза Гюставу, парочка «тявкающих болонок», как у них принято, на страницах своего издания разносит в пух и прах автора. «Текст раздутый, мелодраматичный, высокопарный, напыщенный, грубый и цветистый. Одни пассажи содержат прописные истины, другие вызывают смех. Его Мато, по существу, персонаж из оперы о варварах»[217]. И так далее и тому подобное.

Надо признать, что эти далеко не благожелательные отзывы не совсем являются клеветой. «Саламбо» представляет собой литературного монстра, который заимствует сюжет отовсюду и понемножку: от истории, археологии, эпоса до эротического романа с элементами садизма и зарождающегося символизма. Мато порой очень смахивает на силача Мациста. В самом деле, автор не так далеко ушел от оперного жанра. Когда впоследствии возникнет вопрос об адаптации романа для оперной сцены, Флобер в первую очередь подумает о композиторе Гекторе Берлиозе, которым он восхищается, а порой и видится с ним иногда. Гениальный композитор прославился на весь мир своим шедевром «Троянцы». Берлиоз, однако, умер, не успев приступить к партитуре этой оперы. Увы! «Саламбо» не повезло. Музыку к опере написал в 1879 году композитор Луи Этьен Эрнест Рейер. В итоге опера была поставлена на сцене в 1890 году, то есть десять лет спустя после смерти Флобера…

Наконец, в апреле 1862 года работа над романом, похоже, близится к концу. Это не что-нибудь, а пять лет кропотливого труда. Флобер чувствует себя выжатым как лимон. Он измотан морально и физически, а его нервы окончательно расшатались. «Каждый вечер меня лихорадит и бросает в жар. Я почти не способен держать в руке перо. Завершение работы вышло нелегким и натужным. Вдохновение почти оставило меня»[218]. Его можно понять: под конец он пишет о жутких пытках, которыми подвергли Мато, и смерти Саламбо.

Какая судьба ждет эту книгу? Ничего не зная о разгромных статьях братьев де Гонкур, Флобер предполагает, что литературные критики не пожалеют для него черной краски, а читающая публика не проявит к его книге никакого интереса. К

его великому удивлению, все происходит с точностью наоборот.

Надо отметить, что к этому моменту в литературном мире установилась очень жесткая конкуренция. Как можно соперничать с книгой, которая в 1862 году по популярности бьет все рекорды, — с «Отверженными» Виктора Гюго? После того как во время десятилетней ссылки он пишет свое выдающееся произведение в каморке дома на острове Гернсей, Гюго с триумфом возвращается на родину. Флобер смущен и обескуражен. Кто он такой, мелкий и ничтожный, рядом с великим Гюго? Жалкий тип, одержимый навязчивой идеей, постоянной работой над стилем. Ему понадобилось целых пять лет, чтобы написать 400 несчастных страниц романа, в то время как гигант мысли, Виктор Гюго, справился со своей задачей всего за три месяца! Правда и то, что Гюстав еще не читал этой книги. Стоило ему, однако, открыть ее, как с первых строк его охватывает возмущение. «„Отверженные“ меня вывели из себя, а говорить плохо об этой книге — непозволительная роскошь: тут же прослывешь сплетником и завистником. Я не нахожу в этой книге ни правды, ни глубины. Что же касается стиля, то, мне кажется, его нет и в помине». «А отступления, — продолжает он, — совсем никуда не годятся. Эта книга написана для подлецов и мерзавцев из числа социалистов-католиков и для всякой нечисти вроде философов-евангелистов». Он пишет столь провокационные слова в июле 1862 года в письме Эдме Роже де Женетт, любовнице его друга Луи Буйе. Письмо от начала до конца написано в том же духе. Флобер упрекает Гюго в назидательном тоне, показном характере, узости мышления, философии, достойной Прюдома или Беранже. У Флобера была веская причина для подобных высказываний: между ним и Гюго существовали непреодолимые разногласия в вопросах мировоззрения и романической эстетики. Для Гюго роман — это политический акт, обязательство. Подобная концепция внушала ужас Флоберу. «Сюжет, впрочем, был совсем неплох. Какое, однако, надо было проявить хладнокровие и научный подход»[219].

Следует сказать, что работа над завершением «Саламбо» идет с большим трудом. Надо внести некоторые коррективы в легенду о затворничестве нашего героя. В Круассе, как можно судить по письмам и некоторым неосторожным высказываниям Луи Буйе, у Гюстава была связь, пылкая, хотя и тайная, с Жюльеттой Эрбер, гувернанткой его племянницы. В Париже он постоянно встречается со светскими дамами, а также не гнушается общения и с представительницами полусвета. Так, певица Сюзанна Лажье, которая, если верить братьям де Гонкур, была особой, весьма

острой на язык, которая подшучивала над Гюставом, называя его своей любимой «корзиной для мусора», чем смешила его[220].

Весной 1862 года Гюстав вносит последнюю правку в текст романа. Ему кажется, что в нем нет ни одной удачной фразы. Верный друг Луи Буйе постоянно находится у него под рукой. Он всегда рядом, чтобы умерить его пыл в минуты чрезмерной радости, а также поддержать его в моменты полного отчаяния. Наконец пришло время подумать о публикации романа и найти издателя. Флобер выбирает в качестве посредника нотариуса Эрнеста Дюплана, брата его друга Жюля, который начинает вести переговоры с Мишелем Леви, издателем «Госпожи Бовари».

Сколько бы Флобер ни говорил, что деньги ему не нужны, однако всякое бескорыстие имеет свои границы. Его пока еще не мучают сожаления о былых денежных потерях, но тем не менее он не забыл, что Леви выплатил ему за «Госпожу Бовари» всего каких-то 1300 франков. Другими словами, издатель провернул «выгодное дельце». Для себя, конечно. На этот раз Гюстав требует 25 тысяч франков, при этом издатель должен подписать договор, не прочитав книги. 25 тысяч франков в наши дни составляет около 120 тысяч евро. В то время никто из авторов не мог рассчитывать на столь высокий гонорар. Никто, кроме Виктора Гюго, который получил за «Отверженных» колоссальную по тем временам сумму в 350 тысяч франков. Флоберу хотелось бы запретить делать какие бы то ни было иллюстрации к его книге, если, конечно, не найдется такой «чудак, который сможет нарисовать портрет Ганнибала и кресло жителя Карфагена»[221]. Роман «Саламбо», по мнению автора, должен будить воображение читателя, а не заставлять его рассматривать картинки. Представители автора и издателя продолжали вести переговоры, которые сильно затягивались. По правде говоря, Мишель Леви, как можно догадаться по его имени, был евреем. В XIX веке в исповедующей католицизм буржуазной среде, даже в случае, если кто-то заявлял о том, что свободен от предрассудков, он все равно в душе оставался ярым антисемитом. Впоследствии дело Дрейфуса расставит все по своим местам. Флобер, впрочем, в этом вопросе придерживается весьма умеренных взглядов, в то время как братья де Гонкур не скрывают своего крайнего и даже в какой-то степени патологического антисемитизма. На протяжении последующих нескольких месяцев раздаются «иудейские стенания» со стороны Леви, которого Гюстав называет не иначе как «дитя Израиля»[222]. Наконец переговорщики сходятся на сумме десять тысяч франков, что не так уж и плохо. Это обстоятельство не мешает заклятым друзьям Гюстава, братьям де Гонкур, пустить слух о том, что Флобер получит 30

тысяч франков за «Саламбо». Флобер не торопится опровергать эти слухи. Пусть лучше завидуют, чем жалеют. Всегда в интересах автора преувеличить сумму гонорара. Это поддерживает его репутацию.

В поисках малейшей стилистической ошибки Гюстав продолжает трудиться в поте лица над своей книгой. Он подчищает часто повторяющиеся союзы и вкравшиеся в текст мелкие грамматические ошибки. Осенью, когда из типографии приходят гранки, его снова охватывают сомнения и тревоги. Он требует от издателя сократить количество строк на странице, а каждую строку — на одну букву. В самом деле, Гюстав чувствует себя так, словно сидит на раскаленных углях. Как встретят его роман? Что скажет критика? Прислушается ли публика к мнению критиков? Флобер вовсе не так безучастен к судьбе своего произведения, как он утверждает. Как известно, аппетит приходит во время еды. Это и произошло с ним после головокружительного успеха «Госпожи Бовари». Пять лет напряженной работы над «Саламбо», проведенных в относительном затворничестве, заслуживают нескольких крошек со стола благодарной публики…

Он делает все, как надо. Когда 20 ноября 1862 года книга выходит из печати, Гюстав в своей квартире на бульваре дю Тампль раздает пронумерованные экземпляры своей книги, а затем ждет реакцию критиков. В 1862 году в литературном мире не было более авторитетного критика, чем Сент-Бёв. Он наводил ужас на писателей. Для них же он становился порой «землей обетованной» в случае, если вдруг позволял себе взглянуть на их сочинение благожелательным оком. Этот критик был способен поднять или, наоборот, разрушить репутацию любого писателя. Сент-Бёв был прежде всего поэтом и писателем романтического направления, нежным другом госпожи Гюго, оставленной ее мужем-полубогом. К тому же он имел весьма легкомысленный и непостоянный характер. В довольно молодом возрасте он сочинил роман «Наслаждение», пользовавшийся некоторым успехом. В свою очередь, Бальзак написал на эту книгу весьма злую пародию и причислил ее к второсортным романам. Затем Сент-Бёв написал свое основное произведение «Пор-Руаяль» об истории янсенизма. И, наконец, он приобрел славу самого видного литературного критика своего времени. Его «метод», кстати не самый худший, заключался в том, что он легко смешивал психологический и автобиографический аспекты с анализом произведения, которое он комментировал. От этого метода Пруст не оставил камня на камне в своей книге «Против Сент-Бёва»: может ли художественное произведение ограничиться психологией и событиями в жизни автора? Не является ли оно,

напротив, антидотом его социального самосознания?

Что касается Флобера, то сначала он относится к Сент-Бёву, как к «странному чудаку»[223], а затем, после публикации «Госпожи Бовари», поддерживает с ним самые добрые отношения. И все же в письме Ивану Тургеневу, датированном 1869 годом, Гюстав упрекает Сент-Бёва в том, что тот не принимает в расчет «художественное произведение, как таковое. Его построение, стиль, короче, все то, что делает его художественным».

Между тем Флобер с большим нетерпением ждет, когда в знаменитом журнале «Беседы по понедельникам» выйдет статья Сент-Бёва.

И что же? Это был разнос, в вежливой форме, но по всем пунктам. «Саламбо», по мнению Сент-Бёва, роман исключительно провальный. Он является большой неудачей автора, а образ героини — неубедительный и нежизнеспособный (возможно, он хотел сказать, «без психологии»?). В описаниях романа много сцен садизма, стиль невообразимый, высокопарный и пафосный. Одним словом, это провал. Другие критики, испугавшись литературной мощи этого произведения, его документальной точности, жестокости, называют «Саламбо» странной книгой, напичканной жуткими сценами. Они причисляют ее к литературе низкого пошиба. Газета «Фигаро» отличается тем, что называет стиль Флобера «эпилептическим», делая тонкий намек на нарушения нервной системы, которые диагностировались у автора «Саламбо» в юности.

Если Флобер лишь усмехается в ответ на уколы и выпады отдельных мелких умников из числа литературных критиков, то разгромные статьи Сент-Бёва он воспринимает крайне болезненно. После того как критик посвящает ему в журнале «Конститюсьонель» три обширные статьи, Гюстав не может обвинить его в недостатке внимания к его произведению. Ему ничего не остается, как ответить. Он пишет автору разносных статей длинное письмо, сердитое и аргументированное, дружественное и демонстрирующее его желание не сдаваться без боя. В письме он конструктивно по пунктам защищает свою книгу. В его описаниях нет и намека на садизм. Впрочем, он ничего не придумал. Его стиль вовсе не высокопарный и расплывчатый, а, напротив, сжатый и точный. Сент-Бёв не затаил на Гюстава зла: он опубликовал ответ Гюстава в своей третьей статье.

Что же касается Теофиля Готье, друга Тео, также весьма маститого литературного критика, то он помещает на страницах «Ле Монитёр универсель» статью, в которой дает оценку «Саламбо», противоположную мнению «злопыхателя» Сент-Бёва.

Гюстав рассыпается в благодарностях перед другом. Один ученый по странам Востока, Гийом Френель, педантично разбирает «Саламбо», что называется, «по косточкам» с научной точки зрения. Ответ Гюстава не заставляет себя долго ждать. Не особенно выбирая выражения, разгневанный автор указывает ученому мужу на все его допущенные при чтении ошибки.

Тем не менее книга уже разошлась среди читателей. Весь просвещенный Париж только и говорит, что о «Саламбо». И это было лишь началом невероятного и повального увлечения, которое можно назвать «саламбоманией». И напрасно карлики от критики исходят слюной, когда клевещут на эту книгу. Все, кого во Франции можно причислить к мастерам слова, а также большая часть творческой элиты пребывают в восторге от «Саламбо». Виктор Гюго собственной персоной хвалит автора, а также Бодлер, Мишле и многие другие… Луиза Коле не обращается напрямую к Флоберу, «как будто бы я уже умерла, и он как будто бы тоже умер»[224]. Тем не менее она делится своими восторженными впечатлениями о книге с Эдмой Роже де Женетт. Императорская чета также выражает свое восхищение «Саламбо». Наполеон III заявляет о том, что хотел бы встретиться с Флобером. Разносится слух, что императрица читала «Саламбо» три раза! На придворных балах дамы наряжаются в костюмы прекрасной карфагенянки по примеру графини ди Кастильоне, любовницы императора и одной из самых умопомрачительных красавиц эпохи Второй империи.

Свалившийся на него успех помогает Флоберу завязывать новые знакомства. Он встречается с двоюродным братом императора принцем Жеромом. Это совсем нетипичный для высшего общества персонаж, республиканец левого толка, антиклерикал, противник государственного переворота 1851 года. По этой причине в императорской семье он держится особняком. Вскоре Жером проникается глубокой симпатией к Гюставу. Его сестра принцесса Матильда, водившая дружбу с Сент-Бёвом, открыла в Париже известный литературный и великосветский салон. С января 1863 года Флобер вместе с братьями де Гонкур становится частым гостем в этом салоне. Он входит в первый круг особ, приближенных к императору. И это наш Гюстав, который постоянно демонстрировал свое презрение к власти и к ее внешним атрибутам. По правде говоря, принцесса Матильда не очень-то жалует своего двоюродного брата императора Наполеона III, а еще меньше императрицу Евгению. В литературном салоне царит свободная атмосфера. Здесь ведутся споры на религиозные темы, открыто обмениваются мнением о свободной любви, что особенно нравится Гюставу. Он вступает в

горячие споры, произносит уверенным тоном красивые слова, к большому недовольству братьев де Гонкур. Салон принцессы Матильды в самом деле представляет собой для режима некую безобидную отдушину, вроде выхлопного клапана. Это способ держать под контролем порой неуправляемую энергию буйных голов, какими являются творческие люди. Пока они ведут бесконечные споры под крылом Матильды, за ними можно и присмотреть…

Столь неожиданный успех позволяет Гюставу найти новых друзей. Жорж Санд также вносит лепту в хвалебные отзывы о «Саламбо». Так, 27 января 1863 года в журнале «Ла Пресс» она подписывает свое имя под статьей, положительно оценивающей этот роман. Гюстав крайне удивлен, поскольку со своей стороны никогда не испытывал большого уважения к литературному творчеству этой дамы, а тем более к ее социалистическим взглядам. Тем не менее между писателями устанавливаются самые добрые отношения. К этому времени Жорж Санд уже далеко не молодая женщина. Прошли те времена, когда она с легкостью разбивала мужские сердца и была роковой соблазнительницей Мюссе и Шопена. Всё парижское культурное сообщество восхищалось ею и немного ее побаивалось. Теперь же она постепенно превращалась в добрую бабушку французской литературы. «Мне, конечно, немало лет, но не дождетесь, чтобы я впала в детство»[225], — пишет она Гюставу и приглашает его к себе в гости в Ноан. Он поедет, но много лет спустя.

Флобер также встречается с Тургеневым — «обаятельным и добродушным великаном»[226], — как пишут братья де Гонкур, — на приемах, которые организует Сент-Бёв в ресторане Маньи. Между известным русским писателем, автором повести «Первая любовь», и громогласным нормандцем мгновенно возникает дружеская симпатия. Навсегда влюбленный в Париж, Тургенев часто совершает челночные поездки между Францией и Россией. Со временем он станет, по признанию Гюстава, «единственным человеком, с которым я люблю поговорить»[227]. И всё потому, что они разговаривают только на одну волнующую их тему: Искусство с большой буквы.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Вихрь светской жизни закрутил Флобера лишь на какое-то время. Покрасовавшись вдоволь в литературных салонах и набравшись новых впечатлений, чтобы не пересохло его писательское перо, Гюстав возвращается в Круассе. Вскоре его вновь охватывает тоска. Он чувствует внутреннюю опустошенность и начинает хандрить. «Как последний идиот»[228], он ломает голову над тем, где искать подходящий сюжет, который пришелся бы ему по душе. Флобер из тех творческих натур, кто не может жить без того, чтобы не писать. Ему не терпится поскорее взяться за перо и приступить к работе. Он отдает себе отчет в том, что выпавший на его долю успех отвлекает его от главного жизненного предназначения. Слава обманчива и непостоянна, как женщина легкого поведения. По-настоящему ему надо бы снова погрузиться в текст «Искушения святого Антония», но мысли заняты только тем, как бы написать «современный» роман. Впрочем, о написании такого произведения речь идет в контракте, который он подписал с издателем. Он все больше склоняется к тому, чтобы заново переписать «Воспитание чувств». Это сочинение юношеских лет никогда не было опубликовано. Теперь же, узнав все тонкости писательского ремесла и поднакопив необходимого опыта, он сможет дать роману новую жизнь. В общих чертах он набрасывает план романа «Бувар и Пекюше». В свое время писатель назвал книгу «Две мокрицы». По правде говоря, он все еще колеблется. В начале июня 1863 года он, Скрепя сердце и всем своим видом показывая недовольство, отправляется вместе с матерью и племянницей в Виши. В прошедшем году он уже посещал этот курорт, столь полюбившийся «гнусной буржуазии». В Виши его одолевает смертельная скука, но зато он много читает, в частности книгу Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса», также наделавшую немало шума. Изображение Христа, как исторического персонажа, шокировало некоторых святош, а автор книги был отстранен на время от преподавания в Коллеж де Франс. Тем не менее книга пользовалась большим успехом у читателей.

Во время скучнейшего пребывания на курорте, где развлечения были большой редкостью (он даже посещает мессу, вот до чего дело дошло…), Флобер размышляет над странным проектом: феерией под названием «Замок сердец», которую сыграют на театральной сцене. Этот замысел он хочет осуществить совместно с Луи Буйе и одним аристократом из

числа их друзей, графом Шарлем Осмуа. По правде говоря, Гюстава не оставляет заманчивая идея написать театральную пьесу. Вернувшись в Круассе в конце августа, он приступает к осуществлению своей мечты. Возможно, он полагает, что его вдохновения хватит, чтобы написать такое же восхитительное произведение, как «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Результат, однако, оказывается катастрофическим. Гюстав и сам это понял, стоило ему только закончить рукопись. Надо сказать, что краткое содержание пьесы не вызывает особого восторга: гномы похищают сердца людей, чтобы их функции выполняли машины. И все же двое молодых любовников с помощью сказочных фей вновь обретают похищенные у них чувства в Замке сердец. Директор театра «Порт-Сен-Мартен» Луи Фурнье отказался ставить эту пьесу раньше, чем она будет написана. Что касается Гюстава, то ему даже было немного стыдно за это сочинение в его первой редакции. Братья де Гонкур, которым он читает текст пьесы во время их посещения Круассе, слушают его с удрученным видом. Лучше никогда не говорить об этой пьесе и не вспоминать ее. Флобер как всегда не сдается. Он переписывает феерию заново и делает еще одну попытку поставить ее на сцене, на этот раз в Шатле. С тем же успехом. Несмотря на все старания и пустые хлопоты, Гюставу не удается пристроить свою пьесу. Ей суждено пылиться в ящике письменного стола.

В жизни Флобера происходит событие, которое чревато самыми тяжелыми последствиями. Его племяннице Каролине исполняется восемнадцать лет — возраст любви и вступления в брак. Однако в XIX веке в буржуазной среде Руана не было принято заключать браки по любви. Его любимая племянница, которую он ласково называет «Каро» и «Лилин», влюбляется в своего учителя рисования. Молодой художник соглашается давать девушке уроки, польстившись на известность ее дяди. Чувства Каролины бурлят, как у героини романа «Госпожа Бовари». Мать Гюстава, госпожа Флобер, хватается за голову. Художник в семье? Об этом не может быть и речи. Тем более что молодой человек вовсе не собирается жениться. Надо срочно найти мужа для молодой девушки. И такой человек нашелся. Речь идет о тридцатилетием Эрнесте Комманвиле, торговце лесом. Он ухаживает за Каролиной по всем правилам этикета. Он недурен собой и имеет репутацию обеспеченного человека, хотя никогда не надо доверять слухам. Но в глазах Каролины, несмотря на все его достоинства, у него имеется один весьма существенный недостаток: она его не любит.

Гюстав оказывается в нелегкой ситуации. Он никогда не задумывался над тем, насколько ему дорога племянница.

Практически он вместе со своей матерью растил ее с самых пеленок. Они составляли дружное и почти неразлучное трио. Он заменял племяннице отца, дядю и наставника. Он всегда встречал ее с распростертыми объятиями и бурно выражал свои чувства. Питавший отвращение к институту брака, Гюстав как никто другой понимает сомнения и нерешительность племянницы. Он чувствует, какие моральные муки испытывает склонная к меланхолии и печали девушка. Он пишет ей письмо, весьма удивительное для него или, если хотите, для нормандца. Конечно, Комманвиль не тот мужчина, о котором она мечтает, но зато он серьезный парень. Без всякого сомнения, это бабушкина затея, но и он тоже желает своей племяннице солидную опору в жизни, и, возможно, этот человек «составит ее счастье»[229]. И так далее и тому подобное. Он по-своему старается призвать племянницу к разуму. Собрав все сведения о Комманвиле, Гюстав считает его подходящей партией для своей племянницы, хотя он и не из благородного сословия, на которое претендует. Каролина в итоге соглашается с доводами дяди, но без всякого энтузиазма: свадьба назначена на весну 1864 года.

Тем временем в ожидании великого или же, наоборот, рокового дня Флобер вновь окунается с головой в парижскую жизнь. На обедах у Маньи он отличается «громоподобным голосом»[230] (по словам братьев де Гонкур) и ведет разговоры о постановке пьесы. На приемах у принцессы Матильды Гюстав ведет себя как «светский человек». Похоже, что он подпадает под обаяние хозяйки дома. Между ними возникает некое взаимное притяжение. Оба испытывают необыкновенную легкость общения, что вызывает вопрос: были ли они любовниками? Во всяком случае, письма, которые Гюстав пишет этой аристократке, принимают характер любовных откровений. Гюстава также видят на театральной премьере «Маркиза де Вильмера», произведении его новой подруги Жорж Санд. Поддерживая автора пьесы, он не щадит своих ладоней и хлопает с необычайным энтузиазмом.

Свадьба Каролины проходит совсем безрадостно, как и всякий союз, осуществленный без любви. Перед церемонией бракосочетания девушка разоткровенничалась перед бабушкой: она соглашается выйти замуж, но не хочет иметь детей. Надо понимать, что это не что иное, как отказ от исполнения супружеских обязанностей. Она надеется, что ее добрая матушка передаст жениху ее условие для вступления в брак. Разумеется, что госпожа Флобер и не подумала делать подобное заявление. Молодожены сразу же после свадьбы отправились в свадебное путешествие в Италию, что для Каролины не предвещало ничего

хорошего.

Отныне Гюстав остается в Круассе наедине со своей матерью. Он решает посвятить себя работе над «современным романом», «парижским романом» и называет его «Воспитание чувств». Флобер уже разработал в общих чертах план романа совместно с верным другом Буйе, который не в первый раз приходит ему на помощь. Теперь ему придется надеяться только на себя и работать в одиночестве. И вновь на протяжении пяти лет его жизнь будет посвящена роману. Когда он выйдет из печати, то не будет по достоинству оценен современниками писателя. И лишь со временем его признают шедевром, оказавшим влияние на всю современную литературу XX века. Шедевр лаконизма, критического отношения к описываемым событиям, кристальной прозрачности (возможно, излишней). Понадобилось столетие, чтобы он обрел в литературе достойное место. Пять лет кропотливого труда, тысячи страниц записей и черновиков. В канву дней, проведенных за письменным столом, изредка вкрапливались события личной жизни, не имевшие большого значения для Гюстава: поездки в Париж по «известным мотивам», пара визитов к Жорж Санд в Круассе, несколько коротких путешествий в Лондон, чтобы повидаться со своей тайной любовью Жюльеттой Эрбер, бывшей гувернанткой племянницы. Все основное время писатель посвящал только книге.

И все же с самого начала он чувствует, что рискует разочароваться в том, что создаст. Ему кажется, что он сочиняет роман, обреченный на провал. 6 октября 1864 года он пишет своей верной почитательнице мадемуазель Леруайе де Шантепи: «Я хочу написать историю нравов людей моего поколения. Было бы точнее назвать ее историей чувств. Это книга о любви, страсти. И все же о такой страсти, какой она может быть в наши дни, то есть инертной. Разработанный мною сюжет, я верю, глубоко правдивый и потому, мне кажется, не очень веселый и увлекательный».

Он мог бы добавить к «истории нравов» «историю политики», поскольку в «Воспитании чувств» речь идет и об этом. Будучи типичным представителем буржуазии, Флобер ненавидит свой класс и выступает противником всеобщего избирательного права и всякой «демократической глупости». Подводя итог переходной эпохе, он не проводит в своей книге границу между прогрессивными людьми и реакционерами, республиканцами и роялистами.

«Воспитание чувств» продолжает традиции плутовского романа и является «билдунгсроманом»[231], похожим на произведения французских писателей — Бальзака или Стендаля,

либо немецких или английских авторов, в которых речь идет о становлении молодого человека, истории его любви на фоне окружающего общества. Флобер, по правде говоря, нарушает каноны жанра, обращая в первую очередь внимание читателей на раскрытие понятия «воспитание». Главный герой романа Фредерик Моро, за жизнью которого читатель следит на протяжении двадцати лет, с восемнадцатилетнего возраста вплоть до его сорокалетия, является, по сути дела, антигероем, а его «воспитание» ведет в никуда. Ничто для него не изменилось даже в конце маршрута длиною в жизнь. Ни для него, ни для его друзей. Ничто, кроме медленной деградации и разочарования в идеалах, любви для Фредерика, политике для его друга Делорье. Что же касается существительного «чувства», то его следует понимать как иронию и даже хуже: Фредерик Моро, чрезмерно идеализируя женщину, которую любит, или же ему кажется, что любит, — госпожу Арну, становится пассивным и безвольным созерцателем окружающего его мира, отказавшимся от радостей жизни, что приводит к краху. «Воспитание чувств» нельзя назвать любовным романом в традиционном смысле. Это роман о любви, что совсем не одно и то же. Это роман о том, как научиться отказываться от любви, построенной на иллюзиях.

Критики романа недоумевали, почему Флобер сохранил название произведения, написанного в далекой юности и никогда не публиковавшегося. Совершенно очевидно, что вторая версия романа имеет мало общего с первой и в смысловом отношении значительно отличается от нее. За прошедшее двадцатилетие после первой редакции книги утекло немало воды, мировоззрение автора изменилось самым радикальным образом. Фредерик Моро — незрелый писатель, такой же, каким был бы Флобер, если бы не написал своих знаменитых романов. Благодаря госпоже Арну он узнал, что такое аскетизм в области чувств. «Воспитание чувств» прежде всего роман автобиографичный. Флобер сводит счеты с самим собой, со своей историей, своим кругом общения. Фредерик Моро — молодой человек, только что сдавший экзамен на бакалавра, знакомится с семейством Арну, которое имеет много общего с четой Шлезингер, плывущих на пароходе в Ножан-сюр-Сен. Он влюбляется в госпожу Арну и часто проводит время с ней и ее мужем. Он принимает участие в жизни парижского общества после того, как получил наследство, пришедшееся ему как нельзя кстати. В круг его общения входит банкир Дамбрез, жену которого он соблазняет больше из-за престижа, чем по любви. Затем он становится любовником Розанетты, «кокотки», женщины, созданной для наслаждений, которая была полной

противоположностью госпоже Арну. Между тем революция 1848 года идет своим ходом. Фредерик вместе со своим другом Делорье являются свидетелями того, что происходит в Париже, так же как Флобер с Дюканом. Революционные идеалы молодых людей разбиваются в пух и прах из-за происходивших на их глазах сцен насилия. В варварстве восставший народ не уступает в жестокости национальным гвардейцам, а знатные люди не все поступают, как негодяи. Вот как можно охарактеризовать события 1848 года. Криминальная абсурдность произошедшего навсегда врезалась в память Флобера. Не прошло и шестнадцати лет, как у него возникает непреодолимое желание написать роман, посвященный этому поистине великому историческому событию.

И все же главное, что побудило Флобера осуществить такой непростой и таящий множество подводных камней замысел, — это его ненависть ко лжи и фальши во всех проявлениях, твердое убеждение в том, что нельзя жить в мире своих иллюзий, и в особенности неприятие «романтической лжи», по выражению Рене Жирара[232]. Что двигало революционерами 1848 года, которые не были простым отчаявшимся людом, что было бы понятно, а «интеллектуалами», витающими в облаках идиотами наподобие Ламартина? Заблуждение, что социальные или экономические кризисы можно уладить с помощью «воспитательных» речей, — это и есть утопия и иллюзии. Гюстав хорошо помнил, какие глупые речи произносили на банкетах «прогрессивные деятели». «Воспитание чувств» — это ниспровержение устаревших ценностей романтизма, разоблачение преступной глупости интеллектуальных болтунов.

Выбором автора определяется эстетика романа, в том числе и его язык, когда Флобер употребляет прошедшее время несовершенного вида, словно заставляет главного героя застыть в состоянии полной неопределенности. Для того чтобы этот процесс носил воспитательный характер, автор должен оставаться исключительно беспристрастным и проявлять почти научную объективность, за которую больше всего доставалось Флоберу от критиков. В действительности миф о том, что реализм в эстетическом плане мало интересует Флобера, — не что иное, как заблуждение. Он использует этот метод как средство, чтобы расстаться с иллюзиями молодости. И не столько с заблуждениями, поскольку известно, что у него никогда их в избытке не было, сколько с химерами его поколения. Он стремится покончить как с историческими, так и с любовными иллюзиями. Автобиографическая часть романа формируется на фоне исторических событий. Автор «Воспитания чувств» своим мастерством искупает вину человека за негативные черты его

характера, а не писателя, брюзгу и ворчуна, претенциозно выражающего свои мысли, когда в письмах он изливает душу и заводит речь о политике. Впрочем, это обстоятельство ставит под сомнение его рассуждения о «реакционных» тенденциях развития. Флобер тем не менее не верит идеям писателей-социалистов о счастливом будущем, «которые требуют для всего человечества казарменных условий»[233]. Он сыт по горло их литературными произведениями, которые считает бредом пустых мечтателей. Он также не питает иллюзий относительно «фанатизма интересов»[234], превращающего охваченных паникой добропорядочных буржуазных обывателей в преступников. Если описанное в романе французское общество порой делится на отпетых мошенников и наивных идиотов, то, похоже, первые вызывают у Флобера большее омерзение. Вот что он пишет Жорж Санд: «Я сейчас описываю на трех страницах безобразия, творимые национальной гвардией в июне 1848 года. Представляю, как на меня окрысятся буржуа! Я тыкаю их носом в их же дерьмо, как только могу»[235].

Фредерик Моро, незадачливый отпрыск умирающего романтизма, сбегает со своей любовницей Розанеттой в лес Фонтенбло не когда-нибудь, а именно во время жутких событий июня 1848 года. Флобер пользуется случаем, чтобы высмеять повадки напыщенных болтунов, которые часто упускают главное и не видят дальше своего носа. «Ах да! Это восстание, — говорил Фредерик с презрительной жалостью, ибо все эти волнения казались ему ничтожными по сравнению с их любовью и вечной природой».

«Воспитание чувств» — жестокая книга. И не только потому, что главный герой в конце романа приходит к выводу, что жизнь его не удалась, и не по причине его собственной пассивности или глупости, а так как жизнь сама по себе является трагическим фарсом. Все описанные автором персонажи, за некоторым исключением, таким как Дюссардье или малышка Рокк, один хуже другого. Например, Сенекаль представляет собой отталкивающий образ слепого и преступного идеолога, каких можно встретить во всех политических радикальных движениях. Дамбрез, коррумпированный финансовый воротила, который «заплатил бы, чтобы продаться». С одинаковым цинизмом он чувствует себя как рыба в воде при любом политическом режиме. Роман Флобера вовсе не выносит приговор тому или иному лагерю, а всему роду человеческому, его низости, словно литература иносказательным языком способна взять на себя не только моральную, но и этическую роль.

Во время очередного пятилетия Флобер, как это вошло у него

уже в привычку, работает над второй редакцией «Воспитания чувств». Он проводит много времени в Париже, что позволяет ему на месте проверить и уточнить все детали романа. Помимо всего прочего, поездки в Париж немного сглаживают его повадки вышедшего из берлоги медведя.

В Круассе к нему часто приезжает Жорж Санд. Их дружба, основанная на взаимоуважении, обоюдной симпатии и взаимном восхищении, растет и укрепляется с каждой встречей. «Милая дама из Ноана» в восторге от пребывания в Круассе. Гюстав трогательно ухаживает за ней. Он находит ее очаровательной до тех пор, пока «она не оседлает своего социалистического коня»[236]. Он читает ей свои сочинения, в том числе и находящийся в работе роман, который она находит «очень хорошим». Они ведут бесконечные беседы, продолжающиеся далеко за полночь. Однажды они так увлеклись разговором, что проголодались, и в четыре часа утра уплетали на кухне холодного цыпленка.

До салона принцессы Матильды в Компьене, любимой резиденции императора, расстояние небольшое. Наполеон III изъявляет желание увидеться с Флобером. И писатель соглашается совершить над собой усилие и не отказывает императору в его просьбе. Отныне все салоны Парижа открыты для Гюстава. Он становится человеком, которого повсюду встречают с распростертыми объятиями. И тем хуже для его репутации дикаря. «Как он меня нашел?» — интересуется императрица после его первого визита к ней…

В августе 1866 года Флобер даже получает по протекции принцессы Матильды орден Почетного легиона. Из скромности, по крайней мере как кажется на первый взгляд, он утешает себя тем, что орденская ленточка «доставляет удовольствие тем, кого он любит»[237]. Что же касается братьев де Гонкур, то они терпят на этот раз неудачу. Добряк Гюстав пытается их утешить после провала их пьесы «Генриетта Марешаль», которая была признана безнравственной. После шести представлений ее сняли с афиши «Комеди Франсез». Никто и ничто не спасло ее: ни восторженный отзыв принцессы Матильды, ни усилия Гюстава в день премьеры, не жалевшего своих ладоней, чтобы аплодисментами выразить свое одобрение авторам пьесы.

Гюстав переживает нелегкие времена. Надо сказать, что в глубине души ему совсем не нравится его роман. По его мнению, «порочна» даже сама концепция произведения. «Мне кажется омерзительным описывать современных французских буржуа», — пишет он своей дорогой подруге Жорж Санд в декабре 1866 года. К тому же у Гюстава возникают денежные проблемы. Он все чаще

укрывается в Круассе, чтобы поменьше сорить деньгами и жить по средствам, как подобает «мелкому деревенскому рантье»[238]. Мать Гюстава, которая является его казначеем, пытается сократить его расходы. На весь год она выделяет ему сумму в семь тысяч франков. Кроме того, она вносит арендную плату за квартиру на бульваре дю Тампль. Какое-то время Комманвиль, муж Каролины, выступает в роли банкира и дает ему деньги в долг. Увы! Это длится совсем недолго. Вскоре дела мужа племянницы приходят в упадок. На тот момент супружеская пара все еще ведет буржуазный образ жизни и сохраняет видимость семейного благополучия. Каролину, как красивую женщину, не обходит вниманием префект Руана, барон Ле Руа. Он влюбляется в нее, но это любовь без ответа.

Мишель Леви, издатель Гюстава, выплачивает ему аванс на сумму пять тысяч франков. Флобер рассыпается в благодарности перед «сыном Израиля». Затем мать Гюстава, чтобы ее сын смог оплатить долги и вернуться в Париж, продает часть доставшегося ей наследства. Но распродажа имущества, в том числе фамильных драгоценностей, еще не знаменует начало хороших времен.

В начале 1867 года политическая обстановка в Париже накаляется с каждым днем. Обыватели только и разговаривают об ухудшении отношений с Пруссией Бисмарка. Угроза конфликта витает в воздухе. Гюстава удручают политические дискуссии, ему неприятен страх буржуазии, дрожащей за свою ренту и потому опасающейся военных действий и волнений рабочих. Он не меняет своего мнения о том, что «ненависть буржуа есть начало добропорядочности»[239]. Достаточно насмотревшись в 1848 году «всех прелестей» революции, Флобер все же не видит угрозу начала войны и падения империи. В этом он не одинок. В 1867 году всех парижан, как и всех остальных французов, интересует одна только Всемирная выставка. Гюстав посещает ее вместе с принцессой Матильдой. Он находит, что выставка слишком «перегружена» [240]экспонатами.

И тем не менее всё или почти всё свое время Флобер посвящает роману. Для того чтобы отыскать документальные источники, помимо чтения огромного числа книг он использует и другие средства. Так, от Эрнеста Фейдо он узнаёт о том, какие механизмы приводят в движение биржу, поскольку его герой сколотил там состояние. Флобер посещает фаянсовую фабрику, где долго расспрашивает рабочих о том, что они производят, ибо персонаж его романа, господин Арну, становится по некой превратности судьбы владельцем фаянсовой фабрики, а затем торгует ее продукцией. Гюстав даже ищет сведения о том, какое меню предлагали посетителям в Английском кафе в 1847 году, то

есть 20 лет тому назад. Он также знакомится с Барбесом, революционером 1848 года. Ему по счастливой случайности удалось избежать смертной казни. Флобер обращается к бывшему бунтарю с просьбой поделиться воспоминаниями о революционных событиях. Писатель затем отзывается о нем как о «честном герое». Флоберу чуждо всякое сектантство, если он видит перед собой честных людей и защитников свободы. Вспышки гнева, брюзжание желчного старого ворчуна не свойственны Гюставу, когда он остается один в тиши своего рабочего кабинета. И вот тогда он дает волю своему злословию и изливает его в письмах.

Он не видит ничего зазорного в том, что «компрометирует» себя связями с режимом. По правде говоря, он идет на некий компромисс. 10 июня Гюстава приглашают на большой бал, который дает Наполеон III в Тюильри в честь прибывших на Всемирную выставку иностранных государей. «Главы правительств выражают желание увидеть меня, как одну из самых замечательных достопримечательностей Франции» [241], — шутит он в письме своей племяннице. Роскошный и помпезный праздник ошеломляет Гюстава. При этом он находит русского царя «мужланом» [242]. Кто бы мог подумать, что для правящего режима это будет началом конца?

Флобер проявляет крайнюю тщательность в описании деталей — он даже отправляется в госпиталь Святой Евгении, чтобы взглянуть на больных дифтерией детей. Он поспешно покидает больницу, не в силах присутствовать при хирургической операции. Чтение большого количества литературы, исправление допущенных погрешностей (он был вынужден переписать часть романа из-за того, что в 1848 году между Парижем и Фонтенбло не существовало железнодорожного сообщения) — все это, вместе взятое, не помешало ему допустить несколько ошибок. В романе «Воспитание чувств» беременность Розанетты, которая оказалась в «интересном положении» благодаря стараниям Фредерика, длится около восемнадцати месяцев, что, по нашим расчетам, довольно много даже для кокотки. Это вполне простительная ошибка. Наконец 16 мая 1869 года Флобер может с радостью воскликнуть: «Все! Моя книжка закончена!» По его словам, у него раскалывается на части голова. «Не важно, зато у меня есть чем гордиться, по крайней мере весомыми отложениями в районе живота» [243].

Неделю спустя, 22 мая, он приглашен к принцессе Матильде, чтобы прочитать отрывки своего произведения. Слушатели воспринимают его чтение с таким энтузиазмом, что требуют, чтобы писатель прочитал роман от начала и до конца за четыре

сеанса, каждый продолжительностью по четыре часа. Триумфальный успех. Он оказывается первым и последним.

Наступившее лето отмечают два драматических события. В июле в возрасте сорока семи лет от альбуминурии умирает его лучший друг Луи Буйе. Какое-то время он болел, находился в подавленном состоянии, сильно ослаб. Его болезнь оказалась неизлечимой. Гюстав тяжело переживает потерю человека, который для него был больше чем друг. Это было его второе «я», его брат и единомышленник. Буйе был его литературным советником, судьей, его правой рукой. К чему теперь продолжать писать романы? На похоронах ему привиделось, что друг стоит рядом с ним и смеется над похоронной церемонией, на которой присутствуют две тысячи человек.

Гюстав вынужден расстаться с квартирой на бульваре дю Тампль и переехать в менее затратное жилище на улице Мюрилло. Его сердце разрывается от горя. Он оставляет столько воспоминаний: здесь по воскресным дням у него собирались друзья. Здесь он проводил время за чтением книг, размышлял в одиночестве о жизни. Здесь до него доносился шум большого города… Жизнь состоит из потерь, больших или малых. Ему уже исполнилось 48 лет. Сколько же ему еще осталось ходить по этой земле? Его не покидало чувство, несмотря на то что он не терял времени даром, будто бы он еще не начал жить и ничего выдающегося не совершил. В новом жилище ничто не напоминало о прошедших временах. Ему казалось, что Луи Буйе умер во второй раз. Гюстав погрузился в хлопоты, чтобы спасти литературное наследие своего друга, увековечить память о нем. Он начал борьбу с муниципалитетом Руана за строительство монумента в честь друга. Последнюю пьесу Буйе «Мадемуазель Аиссе» отказывалось принимать театральное руководство, поскольку автор не успел при жизни внести в нее коррективы. Издатель Мишель Леви, только что со скрипом согласившийся принять рукопись «Воспитания чувств» за 16 тысяч франков (понадобилось даже ходатайство Жорж Санд), взялся опубликовать сборник стихов Буйе, не заплатив ни сантима.

В октябре 1869 года умирает Сент-Бёв. Флобер часто заходил к нему, чтобы поговорить о том о сем, что вошло у них в привычку. Сент-Бёв скончался от заболевания мочевого пузыря. Несмотря на все их разногласия, Флобер испытывал к отцу литературной критики, и, возможно, не совсем бескорыстно, чувство глубокого уважения и симпатии. Эпизод с «Саламбо» не прошел без следа. По словам Гюстава, он написал «Воспитание чувств», в какой-то части надеясь на Сент-Бёва, который не успел прочесть ни строчки из этой книги.

Когда в ноябре 1869 года роман выходит из печати, тут же начинается травля писателя. Все или почти все критики набрасываются на него, словно сорвавшиеся с цепи голодные псы. Книгу критикуют по всем пунктам. В своих злобных статьях литературные боссы упрекают Флобера «в вульгарности на уровне подзаборной канавы»[244] и еще в худших грехах. «Короче, до сего дня я собрал совсем мало лавровых венков, но ни один терновый шип не ранил меня»[245], — иронизирует он. Откуда столько ненависти к писателю? К роману враждебно относятся и немногочисленные читатели. Буржуазия Руана обвиняет Флобера в подстрекании к мятежу и даже в поддержке «красных». Если бы они знали…

И все же находятся отдельные добрые души, которые приходят на помощь Флоберу и публикуют положительные отзывы, в частности Эмиль Золя в «Трибюн» и старая добрая подруга Жорж Санд в «Либерте». Но к их голосам почти никто не прислушивается. Потребуются многие годы, чтобы этот, по выражению Жана Поля Сартра, «прекрасный роман-паралитик»[246], проделав долгий путь, наконец получил достойное признание. Для современной литературы роман становится настоящей кузницей, в которой выковывались великие писатели XX века — Пруст, Кафка, Джойс, в том числе представители так называемой школы «нового романа», привлеченные почти клиническим холодом, исходящим от этой книги, а также глубоким анализом ее персонажей, втянутых в исторический водоворот событий.

Жорж Санд уже давно приглашает Гюстава в свою обитель Ноан в Берри. На этот раз ему не удается скрыться, и он не может отказаться от приглашения под предлогом работы над книгой. В итоге он проводит рождественские праздники у своей подруги.

Ноан представляет собой необычное место. Что-то вроде дворянского гнезда. Жорж Санд ловко управляется со своим маленьким королевством. Под ее руководством находятся сын Морис, внучки, племянники. К тому же писательница работает, что называется, не покладая пера над романами, пьесами, статьями. И при этом она испытывает постоянную нужду в деньгах. Жорж Санд встречает удрученного провалом романа Гюстава с искренним гостеприимством и душевной теплотой, что не замедлило сказаться на настроении писателя. Они совершают совместные прогулки по заснеженным окрестностям и разыгрывают кукольные спектакли. Гюстав читает перед этой благожелательной аудиторией свой «феерический» «Замок сердец», которому Жорж Санд в глубине души не предсказывает большого будущего… Гюстав даже наряжается в женскую одежду,

чтобы рассмешить детей. Все семейство попадает под обаяние Гюстава. Несколько дней проходят как одно мгновение. И все-таки пребывание в большом коллективе не для Флобера. Его вновь тянет в Круассе, где он пребывает в любимом ему одиночестве.

«ЕСЛИ БЫ БЫЛО БОЛЬШЕ ПРОСВЕЩЕННЫХ ЛЮДЕЙ!»

Друзья Гюстава уходят один за другим. После такой невосполнимой потери, как Луи Буйе, в начале 1870 года настал черед уйти из жизни Жюлю Дюплану, верному другу, скромному, всегда остававшемуся в тени человеку. Он не был писателем и занимал невысокие должности (последняя из них — кассир в банке). В то же время он оказывал Гюставу неоценимую помощь, сообщал новости из Парижа, изыскивал материалы, необходимые для написания книг. Он ничего не просил взамен, кроме дружбы и участия в отдельных приватных чтениях.

Немного погодя, в июне 1870 года, приходит к концу и жизнь Жюля де Гонкура — он умирает на руках своего старшего брата, едва дотянув до сорокалетия из-за сифилиса в последней стадии. В наше время трудно представить, насколько спешили жить эти люди.

Уход из жизни близких друзей выбивает Гюстава из седла, к тому же он продолжает сокрушаться по поводу провала своего романа. Гюстав утрачивает вкус к жизни. Писать? Для кого? Те люди, которые разделяли его взгляды и понимали его, ушли в мир иной, а те, кто еще ходит по этой земле, — полные глупцы. «Так мало людей, которым нравится то, что нравится мне, которых волнует то, о чем тревожусь я»[247]. Он признаётся, что ощущает себя «переполненным гробами кладбищем»[248].

И все же у Флобера постоянно возникает на горизонте, словно мираж в пустыне, святой Антоний. Это произведение — его убежище, высшее наслаждение, источник, к которому он всегда возвращается. Книга, не пользовавшаяся малейшей популярностью среди читателей, занимает мысли писателя на протяжении всей его жизни. Как никакая другая, она дорога его сердцу, словно маленькая секретная комната. К «Святому Антонию» более всего подходит определение, сформулированное Марио Варгасом Льоса: «вечная оргия»[249]. У автора существует физическая потребность в этой оргии слов, видений, буйстве красок, причудливых форм. Он нуждается «в чем-то экстравагантном, ни на что не похожем, чтобы вновь обрести вдохновение»[250].

И надо же так случиться, что война, которой, казалось бы, удалось избежать, становится реальной неизбежностью. Война — это игра, кто кого обманет. Война — дело рук больших хитрецов. Перспектива пустить в ход кулаки будоражит умы самых

воинственно настроенных людей. Нацеленная на экспансию Пруссия, которая даже планирует посадить на испанский трон немецкого короля, превращается в непосредственного врага Франции. Можно ли французам согласиться с тем, чтобы на востоке и на западе их страны хозяйничали тевтонцы? Разногласия с Испанией, возможно, можно было бы решить путем переговоров, но Бисмарк устраивает Наполеону III западню: он сливает в прессу рассказ об оскорбительном для Франции и для ее посла деле. Речь идет о знаменитой Эмсской депеше, которая служит предлогом для войны с Пруссией. И это лишь начало кровавой бойни, которая повлечет две другие, но уже мировые войны.

19 июля 1870 года, после проведения широкой и шумной патриотической кампании, Франция объявляет войну Пруссии. Каковы глубинные причины войны? Флобер дает исключительно точный анализ сложившейся ситуации, о чем свидетельствует письмо, написанное 20 июля 1870 года старой доброй подруге Жорж Санд: «Я угнетен и подавлен глупостью моих соотечественников. Тупое варварство человеческого сообщества погружает меня в тоску и печаль. Глядя на это всеобщее воодушевление, не имеющее в качестве мотива никакой идеологической базы, мне хочется умереть, чтобы больше не видеть этого. Добропорядочному французу захотелось пустить в ход кулаки, который полагает, что:

1) на это его спровоцировала Пруссия;

2) дикость и кровожадность — естественное состояние человека;

3) война содержит в себе некий мистический элемент, приводящий в движение массы…»

Две франко-германские войны XX века, принявшие размах мирового конфликта, почти вычеркнули из исторической памяти французов события 1870 года. Надо отметить, что эта давно забытая война была тем не менее жестокой, кровопролитной и исключительно унизительной для Франции.

Война еще не была развязана, а Флобер уже кипел от ярости. Эта война начнется из-за принятия всеобщего избирательного права. Так происходит, когда толпа начинает управлять государством. Правящий режим сходит с ума по-своему. Если правительство состоит из влиятельных особ, то нам ничего не остается, как готовиться к худшему. Следует отказаться от материального комфорта, который, похоже, является заветной мечтой всего человечества. Флобер решительно отказывается встать на сторону какой бы то ни было доктрины. «Глупость буржуазии» ему претит, так же как и наивность «сторонников

прогресса», в особенности когда она опирается на лирические иллюзии секуляризованного мессианизма.

В начале августа французская армия ведет бои в окрестностях Фрешвиллера и в Форбаша. Прусские войска вторгаются на территорию Франции. Это немного охлаждает пыл воинственно настроенной части общества. Увы! Слишком поздно. Политика премьер-министра Оливье терпит крах. На пост военного министра назначен граф Паликао, сторонник правой идеологии.

Не в силах больше отсиживаться в своем медвежьем углу, Флобер едет в Париж, где констатирует, что в городе происходит «всеобщее помешательство». Ему достаточно всего пары дней, чтобы поставить диагноз своим соотечественникам: «Какое невежество! Какое самомнение! Меня тошнит от моих соотечественников»[251]. Он готов идти воевать, сражаться с оружием в руках, чтобы внести свой вклад в дело защиты родины от врага. «Лучше драться, чем томиться от скуки, как это делаю я»[252].

Весь август Гюстав томится действительно от скуки. Он предвидит, что произойдет со страной, когда падет империя, которая уже обречена: «У нас возникнут социальные конфликты, а затем начнется период жесткой и длительной реакции»[253]. Осознавая, что настроения сторонников войны — этой огромной глупости, являющейся главной движущей силой истории, — начинают в обществе преобладать, Флобер впадает в депрессию.

Между тем полным ходом идет эвакуация раненых в тыл. В Руан они прибывают переполненными повозками. В конце августа в доме Флобера в Круассе находит приют семья Бонанфан, прибывшая из Ножан-сюр-Сен, которая спасается бегством от нашествия пруссаков. В доме Гюстава полно незнакомых людей, его покой нарушен. Могли он поступить иначе?

Похоже, что война будет недолгой, но только ее результаты окажутся не в пользу Франции. 1 сентября французская армия под предводительством императора (по крайней мере символического) терпит поражение под Седаном. Наполеон III взят в плен вместе с 83 тысячами французских солдат. Его перевозят в Германию. Этот разгром, несомненно, приводит к концу империи и провозглашению республики, третьей по счету. Все происходит очень быстро: провозглашение республики и тут же ее установление. Третья республика просуществует до 1940 года, когда она не устоит под натиском Германии…

Нет худа без добра, не правда ли? Некоторая часть французского общества поверила в республику и в то, что Франция наберется сил и одержит победу, как в сражении при Вальми[254]. В их числе Жорж Санд. Что же касается Флобера, он

впадает в глубокий пессимизм. К тому же ему мешают сосредоточиться и работать шумные гости, заполонившие его дом. Пришел конец латинскому миру — думает он. Франция станет колонией саксонцев, затем наступит очередь России вгрызться в тело Европы. Со своей стороны он «просит только об одном — уйти в мир иной, чтобы обрести покой»[255]. Столь крайняя реакция на экстремальные события сигнализирует о том, что неустойчивое состояние нервной системы писателя отнюдь не осталось в прошлом…

Тем не менее подавленное моральное состояние не мешает Гюставу вступить в национальную гвардию Руана в звании лейтенанта. Война еще не закончилась. Новоиспеченная республика отказывается сдаться на милость победителя. Бисмарк требует аннексии Эльзаса и Лотарингии. Немного погодя Флобер проходит военную подготовку в Руане, что позволяет ему на время оставить своих шумных родственников, которых он приютил в Круассе.

Гюстав переживает нелегкие дни и очень волнуется за судьбу своих близких. Каролина должна отправиться в Англию, чтобы провести четыре месяца в семье Жюльетт Эрбер. Нельзя допустить, чтобы она осталась во Франции и попала в плен прусских солдат, которые не отличаются хорошими манерами и дворянским воспитанием.

А где же принцесса Матильда? Ходят слухи, что она сбежала вместе со всем своим золотом в Англию. И все же эти слухи оказываются ложными. Поскольку принцессе Матильде не удалось сесть на корабль в Дьеппе, она отправилась в конце концов в Бельгию. В Англию же бежала императрица Евгения, едва услышав о поражении под Седаном.

И вот наш Гюстав уже в военном мундире. Он относится к своей новой роли с большой ответственностью, несет офицерские дежурства, хотя не всегда соблюдает устав. Бывает, что он сильно повышает голос на своих подчиненных, угрожая проткнуть их животы шпагой, если они отступят перед врагом. Он просит их поступить таким же образом и с ним в случае, если они увидят, что он бежит с поля боя. Его раздражают отсутствие выправки у солдат, их неловкость и неуклюжесть. Гюстав грозится, что подаст в отставку. Впрочем, он осуществит свое намерение 23 октября.

И все же воинственный дух не покидает его. Он не отказывается от мысли отправиться воевать. Ему не терпится побывать в настоящем бою. И не важно, каким будет его исход. Коллективная воля к победе способна ли одержать верх над безупречной организацией прусской армии?

Тем не менее все происходит именно так, словно судьба

противится тому, чтобы он перешел к активным действиям. Прусские войска приближаются к Руану. Для большей безопасности, как он говорит, Гюстав отправляет своих дальних родственников в город, в квартиру, принадлежащую семье Комманвиль. В Круассе вновь воцаряются тишина и покой. Но совсем ненадолго. Прекращается поставка продовольствия. Вокруг дома бродят группы голодных людей в гражданской одежде. Они требуют хлеба. Днем Флоберу приходится держать закрытыми жалюзи на окнах. Когда Гюставу предоставляется возможность, он раздает имеющиеся у него продукты питания.

На протяжении всей осени Флобер пробует по мере сил работать над дорогим его сердцу «Святым Антонием». Зима в том году приходит очень рано, словно сама природа спешит добавить трудностей. Уже в ноябре выпадает снег. Гюстав несколько дней в неделю проводит в Руане. Он сбегает в город, спасаясь от одиночества в Круассе.

Пруссаки не заставляют себя долго ждать. Ничто не смогло остановить триумфальное шествие этой армии варваров, которая тут же приступает к грабежам, вандализму и насилию. Прусские солдаты держат в страхе все местное население, убивают и бесчинствуют при первом представившемся им случае. Флобера возмущает поведение этих «людоедов», мечтающих «снести Париж с лица земли, потому что он красив»[256]. Он видит, как на его глазах рушится мир, который он любил, несмотря на все плохое, что он о нем говорил. Флобер страдает, он безутешен в своем горе.

Прусские солдаты водворяются в Круассе. Вначале их не больше десятка, затем их становится все больше и больше. Теперь их уже около сорока. Они хозяйничают, как у себя дома, выбрасывают и уничтожают книги и семейные реликвии. Флоберу хочется поджечь и спалить собственный дом. Порой он даже желает, чтобы исчезла с лица земли вся униженная и оскорбленная Франция. Отныне он отказывается носить свой орден Почетного легиона. Какой тут, к черту, почет?

Январь 1871 года выдается очень холодным. Пруссаки занимают квартиру в Руане, где Флобер укрылся вместе с матерью. Руан практически отрезан от мира, и доходящие до него редкие новости отнюдь не радуют Гюстава. Париж осажден и подвергается бомбардировке, правительство давно покинуло его. Вначале оно обосновалось в Туре, затем перебралось в Бордо.

Осаду Парижа прусская армия снимает в конце января. Обескровленный и голодный город сдается на милость победителя. Флобер в ярости: он предпочел бы полное разрушение столицы Франции, чем бесчестье. Он возмущен и

удручен до такой степени, что уже готов просить Тургенева сообщить ему, «что надо сделать для того, чтобы стать русским»[257].

Последствия этой проигранной войны будут ощущаться на протяжении еще сорока лет, вплоть до следующей войны. «О! Какая ненависть! Какая ненависть! Она душит меня! И это я, кто родился таким добрым, переполнен теперь желчью»[258]. Назначенному главой исполнительной власти республики Адольфу Тьеру предстояло вести переговоры об условиях заключения унизительного для Франции мира. Германия устанавливает свои требования: Франция теряет Эльзас и часть Лотарингии, к тому же она обязана выплатить пять миллиардов франков контрибуции.

Флобер предвидел, что вслед за подписанием унизительного мирного соглашения разразится гражданская война. И как в воду глядел. 18 марта вспыхивает восстание рабочих. Это — Парижская коммуна.

Гюстав проводит в Париже совсем короткое время. Накануне восстания он отправился в Брюссель, чтобы повидаться с принцессой Матильдой.

Восстание парижан поражает воображение как своей внезапностью, так и мощью. Народ отказывается признать себя униженным и побежденным. Правящий класс, буржуазию, провозглашающую себя республиканцами, а на самом деле способную лишь на то, чтобы заключить постыдное соглашение после стольких нанесенных войной страданий и бедствий, простые парижане называют предателями. И вот уже создается войско, готовое отобрать пушки у национальной гвардии, которое представляет собой народную армию, детище революции. Объявлена независимость Парижа, ставшего автономной коммуной. Охватившая умы лихорадка и всплеск эмоций становятся последней конвульсией уходящего века революций. Он заканчивается кровавой бойней. Правительство Тьера в спешном порядке покидает Париж и переезжает в Версаль, откуда готовится перейти в наступление и утопить революцию в крови. По мнению Флобера, Адольф Тьер не является достойным политическим деятелем. Четырьмя годами ранее в письме Жорж Санд Гюстав уже безапелляционно высказывался о нем: «Можно ли видеть более круглого дурака и идиота! Более гнусного и мерзкого буржуа! Нет! Ничто не вызывает во мне столь тошнотворного состояния, чем эта старая перечница, сдабривающая свою глупость буржуазным навозом»[259]. В последующие недели Гюставу, к несчастью, пришлось проявить больше сдержанности по отношению к этому образчику полной

посредственности…

Какое-то время Гюстав находится вдалеке от происходящих во Франции событий. После Брюсселя он пересекает Ла-Манш, чтобы повидаться с Жюльеттой Эрбер. Затем он едет в Довиль, где находятся его мать и племянница. Все вместе они возвращаются в Круассе и удостоверяются в том, что их фамильное гнездо не понесло большого материального ущерба в результате нашествия пруссаков. И Гюстав вернулся к своим пенатам, как будто войны нет и в помине…

Флобер так и не увидит своими глазами, что стало с Парижской коммуной.

С некоторым сожалением нам придется поведать о том, как реагировал писатель на революционные события в Париже. Его поведение не делает ему чести, и это самое меньшее, что можно сказать, каково бы ни было ваше мнение о том темном и кровавом эпизоде в истории Франции, принадлежите ли вы к лагерю реакционеров или же к когорте «друзей прогресса». Голос Флобера звучит громко и с истерическими нотками. Вместо беспристрастного и невозмутимого художника мы видим ярого стража порядка. На память приходят слова Жана Поля Сартра, высказанные в статье «Что такое литература?»: «Я считаю Флобера и Гонкура ответственными за те кровавые события, которые последовали за Коммуной, потому что эти люди не произнесли ни единого слова, чтобы предотвратить их»[260]. Без всякого сомнения, писатели могли даже выступить в роли подстрекателей, если бы у них была такая возможность. Во всяком случае, Гюстав совсем распоясался, по крайней мере в словесной форме. По его мнению, Франция отброшена в середину Средневековья. Он ненавидит демократию, «потому что она опирается на христианские моральные ценности, то есть возвеличивает милосердие в ущерб правосудию, в том числе отрицает правовые нормы. Короче говоря, демократия вредна для общества»[261]. Любопытное определение… По мнению Флобера, коммуна «реабилитирует убийц»[262]. И в том же письме Жорж Санд, которая как социалистка должна была содрогнуться, читая его выпады против своих единомышленников, Флобер с тем же пафосом встает на защиту идеи «правительства влиятельных особ», поскольку народ остается «всегда на вторых ролях». И, продолжая излагать свои мечты о мире, которым управляет разум, он изрекает: «Если бы было больше просвещенных людей, если бы в Париже было больше людей, знающих историю, у нас не было бы ни Гамбетты[263], ни Пруссии, ни Коммуны»[264].

Это называется переписать историю. И все же ему нельзя отказать ни в полной искренности, ни в некоторой

прозорливости. Однажды он произнесет ворчливым тоном: «Ничего этого не произошло бы, если бы люди поняли, о чем идет речь в „Воспитании чувств“». И это правда, он уже облек в слова историю…

На выборы 30 апреля Гюстав отправляется, еле волоча ноги. Коммуна умирает в предсмертных судорогах. Ее руководители вскоре отправятся кто на каторгу, кто в изгнание. Как, например, живописец и скульптор Курбе, который сбегает в Швейцарию, чтобы забыть о том, что последовало за разрушением Вандомской колонны, — скольких людей арестовали и после поспешного вынесения приговора расстреляли. Что же касается Флобера, он идет на выборы с таким чувством, словно его голос «стоит двадцати голосов избирателей в Круассе»[265].

Пруссаки вовсе никуда не делись и по-прежнему остаются во Франции. Время от времени они проходят под окнами Флобера. Писатель вновь вернулся к своему дорогому святому Антонию, который позволяет ему погружаться в мир безудержных фантазий.

Он оказывается прав в своих предвидениях о том, что мерзости гражданской войны заставляют его терпимее относиться к присутствию пруссаков. Он уже готов многое простить им. Вот до чего дело дошло. В Париже, куда он приезжает в июне 1871 года, его удручает отравляющая город атмосфера всеобщей ненависти. «Мое короткое путешествие в Париж меня до крайности взволновало»[266], — пишет он Жорж Санд. И это еще мягко говоря. В действительности, его реакция становится все более резкой по мере того, какой моральный шок он испытывает. Не одобряя его язвительных высказываний, все же можно предположить, что за ними кроется глубокая боль человека, разочарованного в человечестве, которое уже ничем невозможно исправить. Его тревожит больше всего то, на что это человечество способно.

В мае он узнаёт о смерти Мориса Шлезингера, супруга его первой юношеской возлюбленной. Похоже, что всё постепенно приходит на круги своя. Всплеск ностальгии? Возвращение к костру, засыпанному пеплом давно забытого прошлого? Он пишет письмо Элизе в надежде на то, что она вернется во Францию. И тогда вместе с ней он сможет погрузиться в дорогие его сердцу воспоминания о лучших днях канувшей в Лету юности. Увы! Его мечтам не суждено сбыться. Элиза остается в Германии. В эту страну, заявляет он, никогда по доброй воле не ступит его нога. Он не допускает даже мысли о том, что сможет когда-нибудь обратиться к немцу. Гюстав добавляет: «Ах! Как же я настрадался на протяжении долгих десяти месяцев! Мне было так плохо, что я

едва не сошел с ума и не покончил жизнь самоубийством»[267]. Мы не уверены, что человек, живший в плену эмоций так, словно с него живьем содрали кожу, страдал лишь от избытка патриотических чувств.

ПРИЗРАЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

После того как произошли определенные события, работа над созданием художественного произведения может показаться чем-то вроде бега по кругу. Возможно, такова роль художника, на первый взгляд неглавная, но в действительности весьма важная. Можно быть сколько угодно творческой личностью, но оказаться не в силах сдержать свои эмоции и промолчать. Немногие могут это понять, может быть, лишь интеллигентская верхушка, к которой мечтает принадлежать Флобер, когда смотрит на царящую во Франции разруху, в особенности в области нравственности.

Писатель по-прежнему кипит гневом. Человек, который «любого представителя буржуазии называл подлецом»[268], теперь выступает как крайний реакционер, словно подхватил вирус глупости, с которой боролся, как Дон Кихот с ветряными мельницами. К несчастью для Флобера и, возможно, для нас, поскольку мы любим этого писателя, все свои черные мысли он излагает в основном в письмах Жорж Санд. Изливать на бумаге бредовые антидемократические и человеконенавистнические идеи становится отдушиной его души. Случайно ли это? Он знает, что задевает чувства своей старой доброй подруги, которая и без того страдает от недавних событий. Он намеренно нажимает на ее больную мозоль. Гюставу не чужда провокация: революция — это печь, и не важно, монархическая или республиканская. Всеобщее избирательное право — позор человеческого разума. Народ, впрочем, бесполезно просвещать. Всех коммунаров, этих бешеных, по его словам, псов, следовало бы отправить на каторгу, и т. д. Жорж Санд при всей своей широте взглядов и неисчерпаемой снисходительности по отношению к высказываниям своего «старого трубадура», который на глазах превращается в воинствующего реакционера, начала терять терпение. Наконец она решает, что пришла пора ответить Флоберу. В сентябре 1871 года в ответ на особенно язвительное, скорее сумасбродное, письмо Гюстава, в котором он выступает, в частности, против народного образования и всеобщего избирательного права, Жорж Санд публикует в газете «Тан», где два раза в месяц она выступает с обзорными статьями, открытое письмо: «Одному другу». Имя друга не разглашается, но речь идет о Флобере. Писательница это подтверждает в одном из своих писем. Статья написана прекрасным литературным языком. В ней находят отражение не только политические взгляды Жорж Санд, но и благородные намерения, характерные для «прогрессистов»

той эпохи, которые не желают видеть, что в многочисленных утопических теориях, распустившихся пышным цветом на унавоженной клумбе социальной несправедливости, пробиваются ростки тоталитаризма века грядущего. Это видел или, по крайней мере, по-своему предвидел Флобер. Читая письмо своей старой подруги, наш добрый Гюстав проливает горькие слезы. Тем не менее ее слова нисколько не разубедили писателя в собственной правоте. В ответном письме он сказал как отрезал: «Любая мечта о демократии состоит в том, чтобы поднять пролетария до уровня глупого буржуа. Мечта частично осуществилась»[269].

Теперь главное дело Гюстава состоит в том, чтобы отдать долг дружбе. Речь идет о Луи Буйе. Писатель не только пишет предисловие к его последним стихотворным произведениям, но и продолжает бороться за то, чтобы его «Мадемуазель Аиссе» наконец увидела свет рампы. Флобер также организует сбор подписей за то, чтобы в Руане поставить памятник Луи Буйе. В декабре 1871 года его предложение было отклонено городским муниципальным советом со ссылкой на то, что Буйе не достиг той славы, которая необходима для оказания подобных почестей. Флобер в ярости. В обращенном муниципальному совету письме он обещает отхлестать до крови его членов. О каждом из них писатель начинает собирать сведения с целью обвинения в коррупции. Он разбушевался не на шутку.

Одновременно с этим Флобер не жалеет усилий, чтобы поставить на сцене пьесу своего друга. Он читает ее актерам «Одеона», давит на все возможные рычаги, чтобы произведение его друга было незамедлительно включено в репертуар театра. Он мечтает, чтобы после оглушительного успеха этой пьесы земляки Луи из Руана пожалели, что по достоинству не оценили его талант. Гюстав вносит исправления в текст пьесы, адаптируя ее для сцены. Он принимает участие в постановочном процессе, когда начинаются репетиции спектакля. Наконец, 6 января 1872 года пьеса впервые видит свет рампы. Премьера проходит с успехом, поскольку зал большей частью заполняют благожелательно настроенные друзья Гюстава. Но затем происходит нечто из ряда вон выходящее. Театральные критики, пользуясь случаем, с остервенением набрасываются на Флобера. Они обвиняют писателя в том, что он внес в произведение своего друга многое от себя. «Меня принимают за красного! — пишет он Жорж Санд 21 января. — Вы видите, до чего дошло»[270]. В самом деле…

Над Гюставом все больше сгущаются тучи, на этот раз финансовые. Комманвиль, муж племянницы, во время войны совершил неудачную сделку. Он купил в Скандинавии лес,

который не смог продать. И теперь он находится на грани банкротства. В конце декабря 1871 года Флоберу удается всеми правдами и неправдами взять в долг денежные средства, необходимые для спасения зятя от финансовой катастрофы. Речь идет о 50 тысячах франков, огромной по тем временам суммы. Гюстав уговорил дать денег взаймы тестя одного из своих друзей Рауля-Дюваля, будущего спонсора Ги де Мопассана. Флобер даже обратился к принцессе Матильде, которая предлагает ему заложить под определенную сумму ее владение в Сен-Гратьене, что свидетельствует о том, что между ними существовали довольно близкие отношения. Флобер отказывается. Тогда Матильда советует Гюставу обратиться к банкиру Ротшильду. Она даже посылает своего нотариуса на помощь Комманвилю, которому, однако, не удалось извлечь пользу из его советов. В самом деле это было лишь начало финансового краха, который омрачил последние годы жизни писателя.

Для Гюстава настают трудные времена. После того как Флобер опубликовал свое предисловие к произведению Луи Буйе «Последние песни», он получает оскорбительное письмо. Несмотря на то что письмо не подписано, по стилю нетрудно догадаться, что это Луиза Коле. Испытывала ли она ревность к вниманию, с которым Флобер относился к творческому наследию своего умершего друга, в то время как с того времени, как они с Гюставом расстались, он не проявлял ни малейшего интереса к ее сочинениям? Впрочем, «Последние песни» были словно заколдованы злыми духами: издатель Леви, обещавший взять на себя расходы за публикацию произведения, берет свои слова обратно. Это означает разрыв отношений. Уязвленное самолюбие Флобера не позволяет ему продолжать сотрудничество с этим «сыном Израиля». Писатель считает его предателем.

Беда не приходит одна. Здоровье госпожи Флобер заметно пошатнулось. Она стареет на глазах, теряет разум, становится капризной и требовательной. Необходимо постоянно заботиться о ней. В доме писателя в Круассе царит мрачная атмосфера. Здесь веет старостью и смертью. Подобные условия отнюдь не способствуют плодотворной работе. Гюстав уже мечтает укрыться в каком-нибудь монастыре в Италии, чтобы ничего не видеть и не слышать. Ему вовсе не хочется вечно заниматься «другими»[271], которые отнимают у него время и энергию.

И все же «другим» когда-то приходит конец. 6 апреля госпожа Флобер умирает после долгой агонии. С ее смертью семейное гнездо Флобера начинает постепенно приходить в упадок. Всем своим близким друзьям писатель пишет одни и те же слова: «Я разбит»[272]. Правдивее и точнее не скажешь. Гюстав составлял

вместе с матерью странную семейную пару, словно некое единое целое, несмотря на то, что это происходило помимо его воли, часто раздражало и выводило его из себя. И все же именно так оно и было. Его «бедная старушка», уходя в мир иной, уносит с собой часть его самого. Эту утрату он воспринимает с облегчением и вместе с тем как огромное горе. Самые точные слова находит Жорж Санд: «Вот, увы, непрерывная и жестокая суета сует закончилась, так же как заканчивается расставанием после борьбы все в этом мире»[273].

Всю свою жизнь Гюстав с пренебрежением относился к денежному вопросу. Ренту, на которую жила семья, он воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Ему казалось, что так будет продолжаться до конца его дней. Проведение инвентаризации собственности и разделение наследства повергает в смятение Гюстава, словно его мать умирает во второй раз. Затем наступает момент вскрытия завещания. Госпожа Флобер завещает дом в Круассе Каролине, но за Гюставом остается право проживания в доме. Кроме того, он получает в наследство поместье в Довиле, доходы от которого переходят к нему.

Отныне Гюставу придется научиться жить в реальном, а не мнимом одиночестве. Как сироте или вдовцу. Ему ничего не остается, как, по его словам, «приняться за фразы». Он пишет Каролине: «Ты не представляешь, какой покой и красота в „твоем“ Круассе! Все окрашено в нежные тона. Тишина несет успокоение. Воспоминания о „моей бедной старушке“ не покидают меня. Они обволакивают меня словно туманным облаком»[274].

ОДИЧАНИЕ

Похороны близкого родственника обычно связаны с материальными затратами и заставляют действовать, чтобы их восполнить. Только не в случае Гюстава. В месяцы, последующие за уходом матери в мир иной, Гюстав погружается во всё более полное одиночество. Его ничто не интересует, кроме милого его сердцу «Святого Антония». Разрыв с издателем Мишелем Леви весьма показателен для характера писателя. Он никогда не мечтал сделать «карьеру». Теперь же его единственным желанием остается завершение третьей версии «Искушения святого Антония», по его словам «произведения всей жизни». Он добавляет: «Мне настолько опротивели издатели и журналы, что я пока не буду публиковаться. Я подожду лучших времен. Если они не наступят, тем лучше для меня». В глубине души он никогда не менял своего мнения: «Надо творить Искусство для себя, а не для публики. Если бы не моя мать и мой бедный Буйе, я никогда не отдал бы в печать „Госпожу Бовари“. В этом я меньше всего похожу на писателя»[275].

Присутствовать на свадьбе сына женщины, которую он страстно любил, но никогда не держал в объятиях, может погрузить любого человека в меланхолию. Жизнь прошла, надо уступить место другим. Женитьба сына Элизы Шлезингер в июне 1872 года настолько взволновала Гюстава, что он рыдал так, словно женил собственного сына.

По правде говоря, Флобер становится все более и более вспыльчивым. Во время последнего пребывания в Париже все, с кем он встречался, отмечали крайнюю раздражительность Гюстава. Его нервы на пределе. Любая мелочь может вызвать у него вспышку гнева. Гюстав обедает с Эдмоном де Гонкуром, но, «разумеется, в отдельном кабинете, поскольку избегает шума и не хочет никого видеть по соседству с собой. И еще одна странность: он снимает пиджак и ботинки, прежде чем сесть за стол»[276]. Париж наводит на него тоску, уверяет он, а вид подобных ему особей «вызывает тошноту». Писатель отказывается ехать в Вандом на церемонию, посвященную Ронсару, чтобы не столкнуться лицом к лицу с критиком Полем де Сен-Виктором, от одного вида которого у него встают волосы дыбом. Флобером овладевает полная апатия. Ему кажется, что он не способен ни к какому практическому действию. Единственное, что он ощущает в себе, — делится он с Гонкуром, — лень, у которой нет имени. Ему не остается ничего, кроме творчества. Работа — его наркотик, его вредная привычка.

В июле Флобер наконец заканчивает третью версию «Искушения святого Антония». И весьма своевременно. В начале июня он пишет Тургеневу: «Святой Антоний начинает мне докучать и даже в какой-то степени беспокоить. И это не пустые слова»[277].

В чем состоит новизна третьей версии книги в сравнении с двумя предыдущими? Труд Флобера заключался в «полировке» текста с целью устранения малейшего риторического эффекта. С одной стороны, он стремился к тому, чтобы видения святого Антония носили более правдоподобный характер. На полях своей рукописи автор пишет: «Не хочу, чтобы по прошествии какого-то времени все узнали, что это — плод моего воображения, поскольку видения были ясными и четкими»[278]. Или же: «Все должно быть до предела реалистичным. Исключить то, что может напомнить театр, сцену, рампу»[279]. С другой стороны, он хочет показать, что видения «полностью смешиваются с реалиями повседневной жизни»[280]. И вот, чтобы достигнуть результата, когда самая высокая поэзия переплетается с конкретной реальностью ученого труда, Флобер удаляет из текста третьей версии все аллегорические элементы, какие встречаются в предыдущих версиях, например «персонажи» Наука или Логика.

В итоге Флоберу удается создать произведение, не похожее ни на какое другое, словно он «промыл» текст, как золотой песок, до такой степени, что исчезли все шлаки и примеси. Получился необычайно поэтичный, реалистичный, фантастический, энциклопедический текст, похожий одновременно на исторический и метафизический сон. Он пронизан юмором и воспевает жизнь во всех ее проявлениях, мир, материю во всех видимых и невидимых аспектах посредством визуального ряда, предназначенного для того, чтобы увести нас в увлекательный мир поэтической фантазии. Писатель наконец справился с поставленной задачей: он укротил этого зверя, свою книгу, которая стала проявлением настоящего безумства художника слова. Ее нельзя причислить ни к какому литературному жанру.

И что теперь? Публиковать? В тот момент об этом не могло быть и речи. Летом 1872 года Флобер передает свой текст копировальщикам, чтобы они переписали его начисто. Их работа заканчивается в сентябре. «У копировальщиков голова идет кругом от усталости и изумления, — пишет он племяннице Каролине. — Они заявили, что заболели все до одного, поскольку это произведение оказалось „слишком крутым для них“»[281]. И все же дело заканчивается тем, что Флобер кладет плод своего труда в ящик письменного стола и старается не вспоминать о нем.

Нет ничего удивительного в том, что все последовавшие за смертью матери месяцы Гюстав переживает глубокую депрессию. И даже работа не выводит его из этого состояния. Возможно, она усугубила его болезнь? Отрицательный ответ напрашивается сам собой, поскольку письма, относящиеся к этому периоду жизни Флобера, показывают, что перед нами человек, который продолжает, что бы ни случилось, поиски идеальной литературной формы. По правде говоря, писатель не желает больше слышать ни об издателях, ни о парижских литературных псевдокритиках. Опасается ли он новой волны нападок со стороны критиков, если решится опубликовать своего «Святого Антония»? Ему надоело постоянно бороться с ветряными мельницами. Возможный провал грозит причинить ему страдания, которые он уже будет не в силах вынести. Будущее покажет, насколько были оправданны его опасения. Многие проекты этого великого писателя так и остаются непонятыми широкой публикой.

Флобер принадлежит к числу художников слова, которые отказываются получать дивиденды путем многократного переиздания одной и той же книги, используя ее как «золотую жилу». Золя и Мопассан, его преемники и духовные сыновья, прекрасно поняли, чего ждет от них публика, несмотря на то что они тоже были мишенью для убийственной критики. Они знали, что от романа до романа, от новеллы до новеллы писателю следует вносить оживление в сплоченные ряды читателей, не сильно нарушая их вкусы и привычки. Каждый проект Флобера — это вызов обществу или новое жертвоприношение. Он словно принял обет мученичества от искусства. Как никому другому, Флоберу известно, что «Святой Антоний» — нереальная для понимания книга. Это в некотором роде литературный монстр. Вот почему писатель никогда не питал иллюзий относительно того, как она будет принята обществом. Он написал это произведение в третий раз, потому что не мог поступить иначе. Вот и все. Кроме того, работа над книгой доставила ему такое удовольствие, какое может дать лишь художественное творчество: в тиши своего кабинета он почувствовал себя настоящим хозяином литературной формы, которую искал всю жизнь.

В действительности, после «Госпожи Бовари» с ее скандальным успехом все последующие сочинения Флобера принимались читателями без особого энтузиазма. Так, «Саламбо» пользовалась отнюдь не бесспорной популярностью. Скорее всего, это была дань моде, господствовавшей в то время в светских салонах. Роман «Воспитание чувств» и вовсе оказался провальным, что причинило много горя его автору. Несмотря на

то что Флобер делает вид, что ему безразлична судьба его произведения и он демонстрирует легкое презрение к мнению публики, для писателя его уровня было невыносимо видеть, какой громкий успех имеют некоторые авторы, обладающие весьма сомнительным талантом. В особенности когда у этого писателя только что из-под пера вышел литературный шедевр, в чем он абсолютно уверен, поскольку настоящий художник способен дать объективную оценку своему произведению. Он также знает, что его работа будет подвергаться нападкам критиков и не получит признания у широкой публики.

Ничто больше не вдохновляет Флобера на воплощение еще одного безумного замысла по образу и подобию «Святого Антония». И все же летом 1872 года он решает взяться за новую работу — роман «Бувар и Пекюше», которая станет его последней схваткой с таким чудовищем, как глупость.

Флобер уже давно думает о том, как подступиться к этому проекту, но все откладывает до лучших времен. Его пугает масштаб поставленной задачи. «Надо быть трижды помешанным безумцем, чтобы начать работать над подобной книгой», — пишет он 19 августа 1872 года Эдме Роже де Женетт.

Эта книга приходит к нему из далекого прошлого. Из детства, юности, времени «мальчиков», из его ранних неврозов. На данный момент писатель все еще сохраняет прежнее название книги — «Две мокрицы». Он уже составляет план работы. На этот раз творческий процесс у него начинается немного по-другому. Впрочем, проект требует большой подготовительной работы. Писателю предстоит прочесть множество книг на самые разные темы. От такой перспективы у него голова идет кругом. Это будет «современный роман, полная противоположность „Святому Антонию“ и с некоторой долей юмора»[282].

Между тем Гюстав переживает такое время, когда ему совсем не до смеха. Хотя его финансовое положение еще нельзя назвать плачевным, но оно все же заметно пошатнулось. Комманвиль, управляющий его «финансами», выплачивает ему весьма скудные денежные суммы. Флобер теряет покой и сон, его нервы на пределе. В начале лета он отправляется вместе с племянницей в Баньер-де-Люшон. Общение с компанией глупых и никчемных «буржуа» лишь вызывает раздражение. Он спешит возвратиться в Круассе.

У Гюстава появляется замечательный компаньон, борзая по кличке Жулио — подарок его нового друга из числа старых и давно забытых знакомств — Эдмона Лапорта. Этот человек, однако, будет играть весьма важную роль в жизни писателя, почти до его самых последних дней. Он станет его финансовой

опорой, а также окажет неоценимую помощь в работе. С ним Гюстав составит новый творческий тандем, как это было раньше с его прежними друзьями. Работа над «Буваром и Пекюше» уже не за горами… Флобер знаком с Лапортом с 1865 года. Его представил ему Жюль Дюплан. Немного моложе Гюстава (Эдмон родился в 1832 году), он — человек долга и чести. Истовый республиканец, в 1870 году он был одним из парижских вольных стрелков. Кроме того, он был из числа не последних людей в городе и руководил фабрикой по производству кружев, а затем занимал должность генерального советника. До разрыва отношений, случившегося всего за несколько месяцев до смерти Флобера, Лапорт оставался восторженным почитателем таланта писателя и его верным и бескорыстным другом. Могла ли эта дружба заполнить Гюставу пустоту, образовавшуюся вокруг него? В октябре 1872 года уходит из жизни Теофиль Готье. Постоянно проклинавший свою эпоху, Флобер воспринимает эту смерть как следствие «загнивающей современности», о чем пишет Тургеневу и Жорж Санд. Он умер от «пожиравшего его изнутри гнева» и от «слишком затянувшегося удушья из-за современной глупости»[283]. Столь образно высказываясь о своем дорогом Тео, Гюстав, безусловно, думал о себе. Ему казалось, что он сам вот-вот задохнется, словно видя собственный конец. В действительности, Флобер поддерживал в себе огонь творчества, который разгорится ярким пламенем при работе над «Буваром и Пекюше». Он хочет окончательно свести счеты с вопиющей несправедливостью эпохи, которую он всей душой ненавидит: «Я размышляю над планом новой книги, в которой я мог бы дать выход своему гневу и наконец избавиться от всего, что не дает мне свободно дышать. Я выражу в ней всё накопившееся во мне отвращение к нашим современникам, даже если для этого мне придется умереть. Это будет мощное произведение»[284].

Постоянное пребывание в раздраженном состоянии, вспышки иррационального гнева не могут объясняться одними только объективными причинами. Дожив до пятидесятилетнего возраста, Гюстав погружается в черную меланхолию. Его преследуют мысли о смерти, поскольку он знает, что не блещет здоровьем. У него подвижная психика, готовая в любой момент привести его к депрессии. Переедание, курение, малоподвижный образ жизни довели его до ожирения. У него грузная фигура и одутловатое лицо, изуродованное кожными высыпаниями. Гюстав себя не узнаёт. Ведь он был так хорош собой! Долгие периоды затворничества сказались на его физическом состоянии. Флобер ненавидит свое тучное тело, которое предало его. Он скрывается ото всех и не желает никого видеть. Сколько ему еще осталось?

Хватит ли ему сил, чтобы претворить в жизнь этот грандиозный замысел, который станет последним залпом салюта? Ему больше не хочется заниматься своими прошлыми работами. Он не спешит с публикацией «Искушения святого Антония». Ему не интересна дальнейшая судьба «Госпожи Бовари» и «Саламбо», несмотря на то что он имеет права на эти произведения. Ему претит вести переговоры о том, чтобы напечатать его сочинения. Что хорошего может быть в этом продажном и вульгарном мире? Меньше всего ему хочется смешивать свою литературную деятельность с денежными вопросами. Деньги покрывают грязью все, к чему прикасаются. Что же касается его политических взглядов, то они свидетельствуют о том, что всё его человеконенавистничество носит скорее экзистенциальный, чем идеологический характер. В глубине души ему ненавистна сама жизнь с ее борьбой амбиций и низменных интересов, а также постоянные нападки на идею, которую он отстаивает, — на красоту. Его пассивное и созерцательное отношение к жизни, мирской суете, тщеславию во всех его проявлениях, исключая искусство, приводит к тому, что Флобер сваливает в одну кучу всех подряд: коммунаров и буржуа, левых и правых. Он задается вопросом: «Не были ли правы коммунары в своем желании поджечь Париж, ибо разгневанные безумцы не так отвратительны, как глупцы»[285].

В поведении Гюстава наблюдается все больше странностей, свидетельствующих о нарушении нервной системы. Его ухудшающееся с каждым днем здоровье внушает серьезные опасения. Приглашенный весной 1873 года погостить у Жорж Санд, Гюстав производит впечатление человека на грани апоплексического удара. При малейшем физическом усилии он смертельно устает. Ему хватает и пяти минут танца, чтобы едва не задохнуться. Жорж Санд не скрывает своего беспокойства по поводу здоровья своего друга. К тому же у Гюстава окончательно портится характер и друзьям с ним все труднее общаться. К маленькому литературному сообществу в Ноане присоединяется Тургенев. Гюстав, однако, при общих беседах никому не дает сказать ни слова. Он входит в раж, потеет, его язвительность не знает границ. Его желчные высказывания и непрерывная жестикуляция производят тягостное впечатление на присутствующих. Жорж Санд находит, что старость ему совсем не к лицу… Какой контраст с благожелательным жизнелюбивым и добродушным Тургеневым!

Гюстав задыхается в прямом и фигуральном смысле этого слова. Без сомнения, писатель страшится столкновения с чудовищной глупостью, когда даст жизнь двум своим героям. В мае он вновь по приезде в Париж видится с Жорж Санд. Они

договариваются встретиться с Тургеневым и Гонкуром у Маньи. Этот ресторан — любимое место писателей. Гюстав, однако, не появляется. Отдельные кабинеты для совместной трапезы в этом заведении ему не подходят: здесь не хватает воздуха, и он задыхается. В итоге маленькая писательская компания находит его в «Вефуре». Окна этого заведения выходят в сад Пале-Рояля, а отдельные кабинеты занимают меньшую площадь в сравнении с рестораном Маньи. Друзья застают Гюстава мирно храпящим на диване… Жорж Санд принимается его стыдить. Он бросается к ее ногам, сконфуженный и уязвленный. Затем Гюстав испытывает терпение своих сотрапезников бесконечным рассказом о новом замысле: он решил переписать пьесу Луи Буйе под названием «Слабый пол», к которой проявил интерес директор театра «Водевиль» Леон Карвало. «Он кричит от радости», — говорит о Гюставе Жорж Санд. Ей становится плохо от слишком шумной экспансивности Флобера. «От него раскалывается моя голова»[286]. Эдмон де Гонкур помещает в своей газете статью с рассказом об этом вечере, из которой следует, что Флобер находится далеко не в лучшей моральной и физической форме. В дневнике он пишет: «Чем старше становится Флобер, тем больше проявляется его провинциальность. Если от моего друга отнять трудолюбие, позволяющее писать по слову в час, мы увидим перед собой весьма заурядное существо, в котором нет ничего такого, что отличало бы его от других людей и было бы оригинальным!.. Боже милостивый! И эту схожесть мозга Флобера как буржуа с мозгом любого другого человека, что, я в этом уверен, приводит его в бешенство, — он прикрывает парадоксальными высказываниями, революционными лозунгами, грубыми репликами, не подобающими для воспитанного человека. Бедняга! Когда он говорит, кровь ударяет ему в голову. Я думаю, что бахвальство, пустословие, прилив крови к мозгу — все это, вместе взятое, является причиной того, что мой друг Флобер почти искренне верит в ту чушь, которую он несет»[287].

Далеко не все разделяют это нелицеприятное мнение. С некоторых пор к Гюставу регулярно приезжает некий молодой человек. Он относится к писателю с нескрываемым восхищением и испытывает к нему искреннее и глубокое уважение, и это Ги де Мопассан, сын Лоры Ле Пуатвен, сестры дорогого друга Альфреда. Она вышла замуж в 1846 году за Гюстава де Мопассана, чье аристократическое происхождение кажется весьма сомнительным. Семейная жизнь не сложилась, и супруги разошлись вскоре после рождения двух сыновей. В те времена подобное случалось нечасто. Ги родился в 1850 году.

Флобер знает Лору с самого детства. Он не раз с ней играл в

одни и те же игры. Повзрослев, они никогда не упускали друг друга из виду. Ги познакомился с Гюставом еще в ранней юности. Во время учебы в коллеже Руана он брал уроки у Луи Буйе, где и встретился с Флобером. Юноша как зачарованный слушал разговоры друзей. Годы спустя, когда Ги исполнилось 20 лет, давнее знакомство переросло в крепкую дружбу. Молодой человек поступил на работу в Морское министерство в качестве мелкого служащего. Несмотря на частицу «де», свидетельствующую о благородном происхождении, семья Мопассана отнюдь не купалась в роскоши… На протяжении долгих десяти лет Ги смертельно скучал в пыльных кабинетах министерства в окружении унылых скоросшивателей. Он мечтал стать писателем. Флобер взял пылкого юношу за руку и преподал ему азы писательского мастерства. Свои первые литературные опусы Ги показывает Флоберу. Гюстав оказывается весьма строгим учителем и держится от своего ученика на определенном расстоянии (долгое время он обращается к нему исключительно на «вы»). Со стороны писателя Ги не получает никакого снисхождения. Флобер верит в талант Ги, поскольку распознаёт в нем одаренную личность, обладающую живым умом и большой наблюдательностью. И все же надо работать, поскольку «талант, — по словам Бюффона, — есть не что иное, как долготерпение»[288]. Тем не менее Флоберу нравится этот подающий надежды молодой человек. Он напоминает ему друга Альфреда. «Твой сын не напрасно полюбил меня, — пишет Гюстав Лоре осенью 1872 года, — ибо я испытываю к нему самые искренние дружеские чувства. Он умен, начитан, обаятелен, но главное — он племянник моего бедного Альфреда»[289].

Существует некая загадка, которую время от времени пытаются разгадать и литературные критики, и даже вполне серьезные литературоведы: был ли Ги де Мопассан сыном Флобера? Если судить по фотографиям, то эта гипотеза не находит подтверждения. Между ними нет внешнего сходства. Имел ли Гюстав в тот или иной момент своей жизни более близкие отношения с Лорой, чем товарищеские? Мы не находим подтверждения этому ни в их переписке, ни в свидетельствах знавших их людей. Исключение составляют слова Поля Алексиса[290], входившего в круг друзей Золя. Он слышал, как после смерти Гюстава и Ги не пришедшая в себя от горя Лора говорила о Флобере, как о «дорогом отце» ее сына. Некоторые литературоведы потратили часть своей жизни на то, чтобы найти доказательства этого гипотетического отцовства. В качестве аргумента они ссылались на постоянное присутствие в произведениях Мопассана темы незаконных родственных

отношений. В качестве примера, помимо многих других, можно привести роман Ги де Мопассана «Пьер и Жан». Наши доблестные литературные сыщики отвергают одно весьма веское обстоятельство: когда Ги появился на свет в августе 1850 года, Флобер уже около года путешествовал на Востоке. Либо Лора вынашивала Ги «до одиннадцатого месяца», как мать Гаргантюа Гаргамель, либо она умышленно указала более позднюю дату рождения сына, что, несомненно, вызывает вопрос: хотела ли она скрыть свою минуту слабости? Возможно, что вся эта история с отцовством всего лишь плод воображения любителей тайн и загадок. Бесспорно одно: Флобер является истинным духовным и литературным отцом Ги де Мопассана. И этого нам вполне достаточно.

Впрочем, Мопассан после смерти Флобера отдаст поистине великолепную дань уважения своему «отцу»: «Среди всех повстречавшихся на моем жизненном веку людей он был единственным, к кому я испытал глубочайшее уважение. Его дружеское расположение стало для меня чем-то вроде интеллектуального попечения. Он постоянно демонстрировал добрые чувства ко мне, старался быть полезным и отдавал мне все, что мог отдать свой опыт, свои знания. Он делился со мной всем, что накопил за 35 лет упорного труда, литературных изысканий и художественного вдохновения»[291].

ИСКУШЕНИЕ ТЕАТРОМ

Совершенно неожиданно, будто Флобер стосковался по успеху у публики, что довольно странно для него, он увлекся театром. Начиная с весны и на протяжении всего лета 1873 года Гюстав упорно трудится над неоконченной пьесой своего друга Луи Буйе «Слабый пол». Ему хочется поскорее создать «идеальный образец естественного диалога»[292]. Но работа над литературным произведением никогда не давалась ему легко, даже если он не придавал ей «большого значения»[293], как в случае с этой пьесой. Ничего не поделаешь: высокие художественные требования писателя к своему творению всегда замедляют его работу.

По правде говоря, сюжет пьесы оставляет желать лучшего. Тем не менее он позволяет автору использовать возможности театра для раскрытия характера героев. Речь в пьесе идет о Поле Дювернье, честном малом, чья властная мамаша заставляет его жениться на Терезе де Гремонвиль. Поль все же отдает предпочтение ее сестре Валентине и сочетается браком с ней, что оказывается не лучшим вариантом для него: в семье, куда он попал, все подчиняются теще, которой во всем помогает няня Валентины. Бедняга закрутит роман с гувернанткой Викторией, что закончится большим скандалом. Его карта бита, и ему не остается ничего, как сдаться на милость победителей: его матери и теши. Слабый пол — это мужчины!

Пьеса носит исключительно женоненавистнический характер. Впрочем, она почти неизвестна широкому зрителю. И все же в ней есть несколько блестящих фраз. В ней присутствует дух игры в «мальчика», воскресший из небытия после многих лет, как дань уважения другу Луи Буйе. Над текстом этой весьма посредственной пьесы Гюстав работает как каторжный. В действительности пьеса друга стала великолепным поводом для того, чтобы взяться за перо, чего он практически не делал на протяжении целого года. В результате он увлекся новой для него формой литературного творчества. «Слабый пол» — это нечто вроде буржуазной комедии, которая не заслуживает такого автора, как Флобер. Но это не мешает ему работать над ней с полной отдачей сил, как всякий раз, когда он берется за новое произведение. Ошибается тот, кто думает, что неудачные или же наполовину удавшиеся тексты не требуют от автора таких же усилий, как при сочинении литературного шедевра. Флобер не из тех, кто пишет так же быстро, как думает. Он отдает себе отчет в том, что берется за работу над сюжетом, весьма далеким от

совершенства. К тому же Гюстав с легким презрением относится к этому жанру творчества. Для того чтобы скроить пьесу для театральной сцены, в частности в данном конкретном случае, ему надо прибегнуть к помощи «грубых ниток», — эллиптических построений, многоточий, вопросительных знаков, повторов с целью приведения действия в движение. «И все это, вместе взятое, имеет безобразный вид», — делится писатель своими размышлениями с Жорж Санд в письме от 31 мая 1873 года. Но при работе над пьесой он преследует вполне конкретную цель: заработать деньги и попутно «досадить многим дуракам»[294]. «Слабый пол» — это не столько шарж на женскую тиранию, спрятанную за закрытыми дверями вполне благопристойных домов, сколько выпад против нелепого института брака.

Директор театра «Водевиль» Леон Карвало приезжает в Круассе, чтобы присутствовать при чтении только что законченной пьесы. Он полон энтузиазма и предсказывает этому произведению триумф. Но интуиция его подводит: он никогда не увидит пьесы в свете рампы, в том числе и по его вине. Однако в наши дни найдутся желающие поставить эту пьесу — все-таки над ней работал Флобер…

С этого момента Гюстав буквально заражен театральным вирусом. Не успев закончить работу над «Слабым полом», он уже замышляет написание нового сочинения. На этот раз он напишет театральную пьесу на собственный сюжет. Он уже знает ее название: «Кандидат». После высмеивания института брака он замахивается на политику. Эта тема притягивает и в то же время крайне раздражает его. Главный герой «Кандидата» Руслен — честный городской буржуа, одержимый желанием стать депутатом. Для того чтобы получить вожделенное место под солнцем, ему придется ловить рыбку в мутной воде. Он должен идти на компромисс, заключить сделку с совестью. Хуже всего то, что он жертвует счастьем своей дочери, выдавая ее замуж за человека, которого она не любит. Дело кончается тем, что жена наставляет ему рога с отъявленным аферистом и мошенником Грюше.

Идея великолепная, а сюжет на уровне пьес Анри Бека[295]. Пьесу также можно считать предвестницей критических произведений, которые несколько лет спустя напишет Октав Мирбо[296]. Не опережал ли «Кандидат» свое время? Флобер задумал выразить в этой пьесе с присущей ему иронией все свое презрение к нравам политической элиты, не щадя никого из ее представителей: орлеанистов, республиканцев, реакционеров. Всех без разбора автор объединяет в одну группу людей, которым свойственны самодовольство, самомнение и глупость.

Предполагая, какой шум поднимется после постановки на сцене «Кандидата», Флобер предвосхищает события. «Чернь разорвет меня в клочья, власть проклянет, церковь предаст анафеме», — пишет он 4 августа 1873 года Эдме Роже де Женетт. И такая перспектива его вполне устраивает.

Летом 1873 года Флобер работает над пьесой. В то же время он не забывает делать записи для своей «пары простаков». Он ищет место, где бы они могли жить, скорее всего в нормандской деревне. Ему кажется, что в Удане он нашел дом, подходящий для размещения пары энциклопедических простофиль.

Тем временем во Франции политическая обстановка остается по-прежнему напряженной. Граф де Шамбор и граф Парижский[297] намерены объединить свои усилия с целью восстановления монархии. Гюстав неожиданно открывает в себе республиканца. Возвращение монархии вместе с ее «естественными союзниками» — клерикалами он считает «исторической глупостью»[298], еще более худшей, чем республика. По правде говоря, установление новой эпохи Реставрации уничтожило бы саму идею его пьесы «Кандидат», которая станет попросту устаревшей… Тем не менее политический маневр старой аристократии терпит неудачу. Для Гюстава это означает: путь свободен для борьбы на театральных подмостках с грязными политиканами и продажными демократами.

Еще ни один его литературный труд не был завершен за столь короткое время, как «Кандидат». В этой работе он дал волю своему темпераменту, умонастроению, всему, чего не позволял себе в романах. Как отмечает Морис Надо, «если такие персонажи Флобера-романиста, как Фредерик Моро, и в меньшей степени Эмма Бовари, и придерживаются определенной линии поведения, они не производят впечатления марионеток в руках автора. Жизнь постоянно предоставляет им право выбора того или иного пути. На театральной же сцене Флобер помещает своих героев на некие воображаемые рельсы и заставляет их катиться по ним до конца проложенного пути, не давая времени посмотреть направо или налево»[299].

Недостатком пьесы «Кандидат» будут считать то, что Флобер закончил ее в 1873 году всего лишь через два месяца после того, как начал над ней работать. Писатель посчитал, что нецелесообразно тратить на нее больше времени. «Театральный стиль начинает действовать мне на нервы, — пишет он Жорж Санд в октябре. — Эти короткие обрывистые фразы, постоянная трескотня раздражают меня примерно так же, как сельтерская вода, которая сначала доставляет нам удовольствие, но очень

скоро уже кажется протухшей»[300].

По приглашению Гюстава в Круассе приезжает Леон Карвало. Флобер часто жаловался на издателей, в частности на Мишеля Леви, которого совсем недавно наградили орденом Почетного легиона, что привело писателя в ярость. Театральных директоров Флобер также не жаловал, поскольку считал их ничуть не лучше издателей. Карвало уже один раз водил его за нос с пьесой «Слабый пол». И вот теперь он снова, во всяком случае поначалу, рассыпается в комплиментах автору «Кандидата». Во время чтения Карвало заливается громким смехом, хлопает в ладоши, расхваливает пьесу. На следующий день, однако, он меняет мнение на противоположное и критикует «Кандидата». Надо заметить, что его критику нельзя назвать необоснованной, что признаёт и сам Гюстав. Карвало, например, предлагает объединить два последних акта в один. И все же Флоберу не по душе идея довести до ума произведение, которое он считает законченным. К тому же в глубине души он не считал эту пьесу достойной его пера. Флобер чувствует, что с него хватит: «Шум, гам, тесные объятия, и т. д. и т. п. О! Там есть всё. Мне предпочтительнее заниматься произведениями не столь легковесными и куцыми, а более серьезными и спокойными»[301].

Между тем уже начинаются репетиции пьесы. В декабре Флобер отправляется в Париж, чтобы прочитать пьесу актерам.

Политическая обстановка стабилизируется. Президентом республики только что избран Патрис Мак-Магон. «Кандидат» не утрачивает своей актуальности!

Флобер теряет покой и сон. Его нервы натянуты как струны. В то же время он испытывает необыкновенный эмоциональный подъем из-за перспективы увидеть свое детище на сцене. Театр! Наконец-то сбылось! Актеры и актрисы, персонажи из плоти и крови, они вдохнут жизнь в слова, придуманные им в тишине и одиночестве рабочего кабинета. Он читает свою пьесу перед двадцатью шестью актерами. Если судить по письму, которое Гюстав тотчас отправляет Каролине, его пьеса встречена с большим энтузиазмом.

Неужели к Флоберу пришел долгожданный и настоящий успех? Издатель Жервэ Шарпантье покупает права на «Госпожу Бовари» и «Саламбо». Он объявляет автору, что опубликует — наконец-то! — «Искушение святого Антония». Тургенев, добрый русский великан, ведет переговоры о переводе этого произведения на русский язык, что принесет автору три тысячи франков.

И все же на пути «Кандидата» возникло еще одно суровое испытание — цензура. Эта инстанция осуществляла контроль за

всеми произведениями, которые ставились на театральной сцене или издавались, и запрещала их, если они выходили за рамки дозволенного. В случае с «Кандидатом» цензура потребовала модифицировать роль «маленького легитимиста»[302] «таким образом, чтобы пьеса, написанная в духе строгой объективности, польстила реакционерам»[303]. Тем не менее цензура пропускает в конечном счете пьесу для постановки на сцене. Теперь уже ничто не мешает приступить к репетициям. Дела Флобера, кажется, начинают налаживаться. «Искушение святого Антония» вот-вот выйдет из печати. Два произведения «старого болвана», как он себя сам называет, будут одновременно представлены вниманию публики. Триумф?

Похоже, что Флоберу так и не удастся познать этого счастья. Первое неприятное сообщение приходит из России: царская цензура запрещает «Святого Антония» на русском и даже на французском языке. Это не только потеря предполагаемого дохода, но и жест неуважения к автору, а также лишнее доказательство вселенской глупости… Тем хуже для русских: «Кандидат» вроде бы должен иметь успех. В театре «Водевиль» билеты идут нарасхват. Флобер, больной, гриппующий, с обезображенным фурункулезом лицом, с нетерпением ожидает дня премьеры.

И вот наконец наступает 11 марта 1874 года. Это событие нельзя обойти вниманием. Флобер, великий Флобер, литературная совесть эпохи, тот, кого молодое поколение, а также все, кто умеет читать, признают настоящим мастером словесности, дает спектакль! Публика собирается в предвкушении необыкновенного зрелища.

Но то, что затем происходит, больше чем катастрофа. По словам самого Флобера в письме Жорж Санд, «если печь в аду существует, то это и есть та самая печь»[304].

Что же в самом деле происходит? Ничего особенного, кроме того, что публику не захватило действие пьесы, она просто не поняла ее. По мере того как развивалась интрига, зрителей охватило полное разочарование. Вот что пишет по этому поводу Эдмон де Гонкур: «Во время спектакля „Кандидат“ среди зрителей постепенно устанавливается гнетущая атмосфера. Благожелательно настроенная публика, которая заполнила зал, ожидала с воодушевлением воспринимать возвышенные тирады и гениальные умозаключения, побуждавшие совершать великие подвиги, но ничего подобного не услышала. Ничего! Вначале публика смотрела пьесу с грустным и жалостливым выражением лица. И это продолжалось достаточно долго из уважения к личности и таланту Флобера. Затем разочарованную публику, что

называется, прорвало. В зрительном зале в самый патетический момент действия раздались смех и громкое перешептывание. Удивление публики возрастало по мере того, как автор демонстрировал отсутствие вкуса, такта, воображения. Ибо пьеса представляет собой бледную копию произведения Сюлли-Прюдома[305]… Заметив меня, Флобер вдруг встрепенулся так, словно очнулся от сна, словно вспомнил о том, что пользуется репутацией сильного мужчины. „Ты это видишь?“ — произнес он, сопровождая свои слова гневным жестом и презрительным смехом. И добавил: „Мне наплевать!“»[306].

Для Флобера это было тяжелое и совсем несправедливое поражение, поскольку пьеса не так плоха, как говорит Гонкур, — достаточно прочитать ее. Сатирическая сила этого произведения ничуть не теряет своей актуальности и в наши дни. Эту пьесу надо бы ставить на театральной сцене для просветления мозгов накануне каждой предвыборной кампании.

В итоге Флобер после четырех представлений снимает с афиши пьесу. По его словам, он не желает, чтобы его актеров освистывала публика. Можно понять поступок автора: критикуя всех и вся, не щадя никого, высмеивая по отдельности каждую политическую партию в период чрезвычайно смутного и нестабильного времени, он не приобретал новых друзей. Теперь ему нельзя рассчитывать на доходы от театральных сборов и придется отказаться от планов по обновлению мебели в Круассе. Но если он и зарабатывал деньги с помощью умственного труда, то его совесть по крайней мере была чиста…

Как говорит сам Флобер, «чихать я на это хотел»[307]. Надо уметь сопротивляться ударам судьбы. У него тем более в запасе есть еще один козырь. Работа почти всей его жизни, «Искушение святого Антония» выходит, наконец, 31 марта 1874 года из печати. Разумеется, что Флобер возлагает большие надежды на это произведение. Как примет публика такой необычный и странный текст, в котором воплотились все противоречия, все творческие фантазии автора, его мысли, моральные и нравственные страдания, его сарказм и содержалось обращение к божественному началу?

Вначале все складывается как нельзя лучше: успех книги обеспечивается за счет любопытства читателей. Первые экземпляры расходятся как горячие пирожки. Издатель Шарпантье тотчас переиздает книгу. Остается лишь подождать реакции критиков.

И снова катастрофа. Критики сходятся во мнении, что это произведение не похоже ни на какое другое, во всяком случае во Франции. Для некоторых ограниченных умов трудно признать

хотя бы литературную ценность этого странного текста: они в нем ничего не понимают. Даже Барбе д'Оревильи[308] из чувства зависти и личной неприязни к Флоберу выносит разгромный приговор в «Конститюсьонель». Этот недалекого ума католик, одаренный литературным талантом, впрочем намного меньшим, чем Флобер, использует убийственное оружие критики, возможно с непроизвольным юмором, когда ссылается на скуку, которую навевает произведение: «Скуку жестокую, совсем не французскую, а скорее немецкую, как, например, во второй части „Фауста" Гёте…»[309] В те времена любое обвинение в германизме эквивалентно ругательству.

Под градом оскорблений Флобер чувствует себя как ни в чем не бывало. 1 мая 1874 года писатель пишет Жорж Санд: «Все хорошо. Оскорблений сыпется все больше и больше! Это концерт, целая симфония, когда все оркестранты выжимают максимум звуков из своих инструментов. Что меня удивляет, так это то, что у многих под прикрытием критики скрывается ненависть ко мне, к моей индивидуальности. Хотелось бы знать, откуда берется предвзятое мнение и очернительство? Меня нисколько не задевает критика, как таковая. Мне становится грустно лишь от глупости, высказанной в мой адрес. Всем хочется внушать добрые, а не злые чувства».

Гюставу самое время подумать о чем-то другом и приняться за новую работу. В июне он вместе с Лапортом предпринимает новое «исследовательское путешествие» по Нормандии для подготовки «Бувара и Пекюше». Писателю хочется найти «прикольное место посреди прекрасного края»[310].

Для того чтобы написать эту книгу, Гюстав еще раньше «прочел и резюмировал 294 книги»[311]. Его удручает мысль, что придется начать все с самого начала. Зачем подвергаться подобному испытанию и приносить себя в жертву? Все потому, что он считает своим долгом написать это произведение, и прежде всего это нужно ему самому. Помимо всего прочего, Флоберу нравится эта поездка. Она, несомненно, напоминает ему странствия далекой юности с Максимом Дюканом. И вот теперь наши путешественники ночуют в маленьких сельских гостиницах, обедают в местных харчевнях. Лапорт — весьма удобный попутчик. Он всегда готов оказать услугу, поскольку ему льстит дружба со столь выдающимся человеком, приобщающим его к радостям потребления кальвадоса. Гюставу кажется, что он нашел, наконец, место, где развернутся события его романа: «Бувар и Пекюше будут у меня проживать между долинами Орн и Ож на плато между Кайеном и Фалез»[312].

Не успел Гюстав вернуться в Круассе, как тут же отправляется

в Швейцарию. На этот раз по причине пошатнувшегося здоровья. Врач посоветовал ему подышать горным воздухом, чтобы избавиться от приливов крови к голове. Он останавливается в Риги-Кальтбаде, где смертельно скучает. В глубине души он не любит природу, а еще больше ему не по нраву горы. Он называет их идиотским явлением природы. Не говоря уже о немецких или английских туристах, вооруженных «палками и лорнетами»[313]. Природа прекрасна лишь на полотнах художников или в книгах, когда ее описывает мастер словесности: «Я отдал бы все ледники мира за музей в Ватикане. Вот там и есть настоящая мечта»[314].

В ресторане отеля Гюстав отказывается обедать за столом, «инфицированным немцами»[315]. Во время пеших прогулок Флобер делает записи для будущих сочинений, в частности для романа, где речь пойдет о жизненном пути одного амбициозного человека во времена Второй империи. Эта книга так и не будет написана.

И вот именно в Швейцарии писатель из газет узнаёт о том, что директор парижского театра «Клюни» имеет намерение поставить «Слабый пол».

19 июля Флобер прерывает свой альпийский отдых раньше, чем это было предусмотрено, и спешит в Париж в театр «Клюни», что на бульваре Сен-Жермен. Здесь его ждет хорошая новость: «Слабый пол» будет поставлен на сцене в ноябре. Сцена театра «Клюни» отнюдь не принадлежит к числу престижных театральных подмостков. Скорее всего, это низкопробный кабачок. Гюстав не без основания с подозрением относится к посещающей его публике и опасается происходящих в его стенах драках: «Теперь меня будут обливать грязью чернь и газетные писаки. К тому же я не забыл, какой горячий энтузиазм проявлял вначале Карвало, а затем очень быстро его пыл угас без следа… Странное дело, сколько идиотов находят удовольствие в том, чтобы копаться в чужих произведениях, урезать их, корректировать, критиковать»[316].

Несмотря на все свои сомнения и опасения, в августе Флобер наконец приступает к редактированию романа «Бувар и Пекюше». Он сочиняет первую фразу, которую современные педанты называют первыми словами произведения. Это достаточно сложный момент для любого писателя. Вот что Гюстав пишет Каролине: «Стояла жара — тридцать три градуса, и на бульваре Бурдон не было ни души». Придется еще долго ждать, прежде чем найдется продолжение этой фразы, да и только после смерти Гюстава.

В довершение всего пьеса «Слабый пол» так и не была поставлена в театре «Клюни». На протяжении всей осени Гюстав

совершает челночные поездки между Круассе и Парижем, чтобы пристроить эту пьесу в надежде получить за нее хоть какие-то деньги. Он «регулярно ездит»[317] в поезде, что для него становится все труднее и труднее. Дело заканчивается тем, что писатель отказывается от этой затеи. Условия, которые ему навязывает театр «Клюни», бездарность актеров, а также советы друзей, Доде[318], Золя, Мендеса[319], включая его издателя Шарпантье, убеждают Флобера изъять пьесу из театра, чтобы избежать новой катастрофы. Не рассчитывая на удачу, Гюстав предлагает «Слабый пол» театру «Жимназ», который отказывается принять ее для постановки.

БАНКРОТСТВО

Флоберу всего 53 года. Можно сказать, что это далеко не преклонный возраст для мужчины, но он выглядит глубоким стариком. В конце 1874 года Флобер трудится в поте лица над первой главой романа «Бувар и Пекюше». Работа, как всегда, продвигается крайне медленно. Эта книга, по его мнению, постепенно превращается в бумажную могилу: «Бювар и Пекюше потихоньку скоро и непременно сведут меня на тот свет, я от них подохну»[320].

Он отдает себе отчет, что пребывает в самом мрачном расположении духа. Гюстав понимает, насколько он постарел, износился, насколько ему опротивели все люди вокруг и насколько он сам себе противен: «Между тем, я работаю, но без энтузиазма, словно отбываю наказание. Возможно, что именно от работы я чувствую себя совершенно больным, ибо пишу безумную книгу»[321].

Не стоит далеко ходить, чтобы найти причины депрессии писателя. Он никогда всерьез не лечился от своего заболевания. Со временем нервные срывы перестали случаться у него так часто, как в юности, но по-прежнему его психика оставалась подвижной, что проявлялось при каждом удобном случае. За солидным телосложением скрывались его болезненная чувствительность, природная доброта и широта натуры, склонность к соленой шутке и раскатистому смеху. Теперь на здоровье Гюстава начинают влиять 30 лет, проведенных за письменным столом, когда он вгрызался в литературный материал и корпел над каждой фразой. Работа писателя, которую наивные люди считают приятным развлечением, на самом деле предполагает постоянную борьбу сочинителя с самим собой, опасное погружение в глубинный смысл слов и человеческих душ. В особенности когда такой писатель, как Гюстав, постоянно ищет новые формы выражения своих мыслей и упорно стремится к совершенству, чтобы познать суть вещей. И зачем ему все это? Первый успех книги, которую мало кто понял, последовавшее затем разочарование, провал очередной работы способны кого угодно выбить из седла.

И как признак душевного нездоровья, писатель спит по 10–12 часов в сутки. Он решает лечить свою раненую душу сном. В его поведении появляются некоторые странности. Он вздрагивает от малейшего шума, словно за ним гонятся или застают врасплох за совершением какого-то неблаговидного поступка. Он может расплакаться без особой на то причины или же от одной мысли о

тщетности жизни.

Флобер доходит до того, что заявляет о своем неприятии собственной книги. Он считает, что без динамичного развития сюжета она превратится в приложение к невнятным философским рассуждениям.

Естественно, что некоторые странности поведения, черные мысли и подавленное настроение писателя не вызывают у окружающих большого желания общаться с ним. Флобер, когда приезжает в Париж, по воскресеньям по-прежнему приглашает к себе на ужин друзей. Он проживает по новому адресу в предместье Сент-Оноре, по соседству с семейством Комманвиль. Надо сказать, что друзья и знакомые отнюдь не торопятся к нему в гости.

Все же у него собираются самые стойкие из его друзей. Среди них прежде всего молодой писатель Эмиль Золя, которого вскоре ожидает большой успех с его романом «Западня». Далее можно назвать Альфонса Доде, Ивана Тургенева, а также и Эдмона де Гонкура, который продолжает поддерживать дружеские отношения с Гюставом, несмотря на свое вероломство. По правде говоря, такие встречи становятся праздником для многих друзей Флобера. Они образуют «Сообщество пяти». Их разговоры постоянно ведутся о том, в какое непростое время они живут. Писатели жалуются, что публика все меньше и меньше интересуется литературой. Как ни странно, это вполне обычные темы для разговоров среди писателей, даже в случае, если они печатаются солидными тиражами. Интересно, о чем эти мастера пера говорили бы в наши дни?

И все же Гюстава не покидает чувство одиночества. Его гложут мысли, что он никому не нужен. Теперь он все чаще думает о смерти, стоит ему только вспомнить о «бренности бытия»[322] и грядущей старости.

Впрочем, его одолевают и менее метафизические тревоги и волнения. В частности, он банально озабочен тем, где бы раздобыть денег. Меньше всего он беспокоится о себе, поскольку еще сохранил ренту и получает небольшой доход от поместья в Довиле. Его опасения вызывает Комманвиль, муж племянницы Каролины, чьи финансовые дела оставляют желать лучшего. Вскоре Комманвиль окончательно разоряется из-за падения цен на лес и отсутствия коммерческого чутья: обычно он закупал сырье в Швеции и России, а затем перепродавал его, прежде чем расплатиться с кредиторами. Подобная система покрытия векселей чревата печальными последствиями: при падении курса наступает банкротство.

Бóльшая часть 1875 года проходит в ожидании возможного

финансового краха. Флобер приходит в ужас, когда узнаёт, какую сумму теряет Комманвиль. Речь идет о полутора миллионах франков, то есть более трех миллионов евро по сегодняшнему курсу валюты. Это настоящая катастрофа. Кроме того, над домом в Круассе нависает угроза продажи, поскольку он отошел по завещанию госпожи Флобер Каролине.

Согласно закону имущество супругов Комманвиль, входящее в состав приданого, не могло отчуждаться, защищая тем самым собственность молодой женщины. Каролина, однако, может пойти на то, чтобы продать дом, чтобы помочь своему супругу выкрутиться из финансовой западни. От подобной перспективы Гюстава охватывает жуткая паника. Что же будет с ним, если дом в Круассе будет продан? Этот дом, его семейный очаг, он воспринимает частью самого себя. Здесь он написал все свои книги, здесь всё напоминает ему о матери. Он не переживет разлуки с родным кровом.

Банкротство — это не только перспектива нищеты, это позор для всей семьи. В ту эпоху еще действует закон, в силу которого должника могут упрятать за решетку. Флобер какое-то время не осмеливается признаться даже своим друзьям о финансовом крахе, постигшем мужа племянницы. Наконец в июле он открывает свой секрет Тургеневу: для него, говорит он, это конец. Он никогда не оправится от подобного удара. В середине августа Гюстав делится своей бедой с Золя: «Мой племянник полностью разорен, и соответственно я терплю большие убытки. Мой привычный жизненный уклад жизни нарушен. У меня, конечно, всегда будут средства к существованию, но это будет уже совсем другая жизнь»[323].

Для того чтобы помочь семье Каролины, Гюстав решает продать свою собственность в Довиле за 200 тысяч франков. И это совсем не выгодная цена, как может показаться на первый взгляд. Владение включает 23 гектара плодородных земельных угодий, да и Довиль становится все более престижным местом в какой-то степени благодаря зарождающейся моде на морские купания. В Довиле уже построены роскошные гостиницы, где останавливаются желающие отдохнуть представители высшего общества. Здесь также выращивают породистых лошадей, есть ипподром и конюшни. Несколько лет спустя барон Ротшильд выкупит бывшее владение Флобера, чтобы построить похожую на дворец виллу. В 1920 году эта вилла будет продана за восемь миллионов франков, что по тем временам составит целое состояние. Ее покупатель — американский богач Ральф Бивер Страсбургер…

Всю осень Гюстав проводит в поисках денег. Надо погасить

самые неотложные долги, оплатить самые срочные векселя. Гюстав привлекает двоих своих друзей — Рауля-Дюваля и Лапорта, чтобы они выступили гарантами выплаты долга в 50 тысяч франков, под который Каролина заложила свое имущество.

В итоге банкротство Комманвиля сводится к юридической ликвидации, что уже не так позорно для семьи. И все же далеко не все долги погашены. Доходы Гюстава значительно пострадали, да и над Круассе все еще не развеялись тучи. Жорж Санд, обеспокоенная судьбой друга, предлагает ему выкупить имение. Гюстав будет благодарен писательнице за этот жест до последних дней своей жизни. Он до слез растроган ее предложением. Возможно, что это самое лучшее доказательство дружбы, которое он когда-либо получал, поскольку Жорж Санд отнюдь не купается в роскоши. Конечно, Гюстав отказывается. Тогда Жорж Санд ищет другой способ помочь другу. Она пытается найти для него какую-либо оплачиваемую работу, чтобы он имел хотя бы какой-то минимальный доход. Флобер пишет письмо Агенору Барду[324], помощнику государственного секретаря по вопросам юстиции, с которым лично знаком. В ответном письме, адресованном Барду, Гюстав вначале вроде бы протестует и отказывается, а затем признается, что место работы, например в Государственной библиотеке за три или четыре тысячи франков, его вполне бы устроило. В любом случае он считает, что Франция и так у него в долгу. Флобер, однако, выражает опасение по поводу реакции публики, когда та узнает о его назначении на государственную должность. Хотя все это совсем не к спеху…

Можно ли в такой обстановке продолжать работать над «ужасной книгой»[325], две главы которой уже написаны? Лето проходит, а Флобер так и не напишет ни единой строчки. В сентябре после продажи поместья в Довиле Гюстав отправляется к одному из своих друзей Жоржу Пуше[326] в Конкарно. Это сын бывшего ученика отца Флобера, в Конкарно он заведует зоологической станцией.

Гюстав приезжает в Конкарно в состоянии полной расшатанности нервной системы. Его окончательно добило банкротство Комманвиля. Его то и дело охватывает дрожь, в любой момент он готов разрыдаться, поскольку чувствует, что не может больше заниматься творчеством. Будущее рисуется ему в самых черных красках. Для того чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Гюстав рассматривает рыбок в садке, купается, когда позволяет погода, балует себя блюдами из даров моря и устрицами, что заметно улучшает его физическое состояние. Он живет в тесной комнатке, выходящей окнами на порт и его окрестности. Когда начинаются осенние дожди, он остается в

доме, чтобы посидеть в углу у каминного огня и «помечтать». И эти мечты приносят свои плоды. Как на протяжении нескольких недель не написать ни строчки, если твое имя Гюстав Флобер? В тот момент, когда в начале ноября он уезжает из Конкарно, у него уже написаны три страницы нового произведения, которое он назовет «маленькой историей в религиозно-поэтическом и средневековом стиле рококо»[327]. Это «Легенда о святом Юлиане Странноприимце»[328], первая часть будущей книги «Три повести».

ТРИ «ХРИСТИАНСКИЕ» ПОВЕСТИ

Ги де Мопассан отныне входит в узкий круг близких друзей писателя. Гюстав просит или скорее требует, чтобы молодой человек присутствовал на его воскресных ужинах в новой квартире в предместье Сент-Оноре. Ги безропотно соглашается стать постоянным участником литературных вечеров. Но все же он заслужил это посвящение в рыцари. В апреле того же 1875 года, накануне летних трагических событий, он поставил в мастерской художника Лелуара написанную им пьесу порнографического содержания «Лепесток розы». Вещь совершенно низкопробная, однако она заставила Гюстава смеяться до слез, несмотря на все его душевные страдания и переживания. Флобер принял также участие в одной из репетиций, во время которых вместо декораций использовались огромные картонные листы с нарисованными на них гигантского размера человеческими органами. Дух «мальчика» вовсе не умер от старости, и, похоже, Ги будет его достойным наследником…

И вот наш Флобер становится духовным наставником школы молодых литераторов. Они называют свое искусство «натуралистическим». Что касается дружбы, то тут нет никаких сомнений: Гюставу нравятся его молодые конкуренты на литературном поприще, а они, в свою очередь, восхищаются его талантом и относятся к нему с большим уважением. Что же касается литературных теорий, проводниками которых они являются вместе с Эмилем Золя, то это совсем другая история. В глазах Флобера под такими названиями, как «реализм» или «натурализм», скрываются совершенно неприемлемые для него понятия. Еще в те далекие времена, когда он писал «Госпожу Бовари», Гюстав со всей прямотой высказал свое мнение: «Считают, что я без ума от реализма, когда на самом деле я ненавижу его. Ибо именно ненависть к реализму и подвинула меня на работу над этим романом»[329]. В феврале 1876 года он продолжает свой вечный спор с Жорж Санд. Писательница не в первый раз упрекает его в том, что в своих литературных изысканиях он слишком большое внимание уделяет вопросам формы, и это, помимо всего прочего, связывает его со «школой» реализма, с представителями которой он часто встречается. Она имеет в виду участников его маленького литературного кружка. В ответном письме старой подруге Флобер излагает свои «утилитаристские» концепции литературного произведения (защищать униженных и оскорбленных, просвещать толпу). Он не забывает упомянуть и о концепциях, предлагаемых Эмилем Золя,

будущим автором статьи «Экспериментальный роман», что также является попыткой завладеть и без того тесным книжным рынком. Впрочем, любители литературных теорий, лучшие педагоги и гениальные создатели классификационной системы, давно размышляют над тем, что же однажды сказал Флоберу Золя. Если верить Эдмону де Гонкуру: «Да, это правда, что я смеюсь так же, как и вы над словом „натурализм“. Между тем я без конца повторяю его, потому что нужно называть вещи своими именами, чтобы публика поверила в то, что они новые»[330].

В ответном письме Жорж Санд Флобер с предельной ясностью расставляет все по своим местам: «Что касается моей „недостаточности убеждений“, то увы! Убеждения вызывают у меня удушье. Я едва сдерживаю гнев и возмущение. В идеале Искусство с большой буквы, по моему мнению, не должно ничему учить, а личность настоящего художника должна проявляться в своем произведении не больше, чем божественная сущность в окружающей природе. Человек — ничто, а художественное произведение — всё!

Что касается моих друзей, то вы их называете „ваша школа“. Бьюсь об заклад, что у меня нет никакой школы! Я не признаю никакой школы. Те люди, с которыми я часто встречаюсь, находятся на пути к тому, что я ненавижу. В то же время они проявляют некоторый интерес и к тому, что волнует меня. Технические детали, местные реалии и, наконец, историческая сторона и точность описываемых вещей интересуют меня в последнюю очередь. Главное, к чему я стремлюсь, — это „красота“, которую почти совсем не ищут мои сотоварищи. Когда я испытываю восхищение или ужас, они не чувствуют ничего. Меня приводят в восторг фразы, которые кажутся им банальными. Гонкур, например, весьма счастлив, когда посреди улицы ему в голову приходит слово, которое он может вставить в книгу. Я же доволен, если мне удается написать целую страницу без повторов и созвучий»[331].

Месяц спустя, 6 февраля 1876 года, Флобер, словно ощущая в этом потребность, уточняет: «Заметьте, что мне ненавистно все, что принято называть реализмом».

И в последующие месяцы Гюстав пускает свои отравленные стрелы в сторону натурализма, «школы», которую защищают именно те люди, которых он принимает у себя дома воскресными вечерами. «Что могут дать такие лишенные смысла слова, как „натурализм“»[332]. Немного позднее, в декабре 1877 года, Тургенев получает от Флобера письмо со следующими гневными словами: «Всякий раз по понедельникам я испытываю приступ гнева, когда читаю статью Золя. После реалистов мы имеем

натуралистов и импрессионистов — какой прогресс! Группа шутников, которые хотят заставить верить самих себя, да и нас с вами в то, что они открыли Средиземное море».

«Три повести» в какой-то мере являются ключом к этому литературному спору. Начатую в Конкарно «Легенду о святом Юлиане Странноприимце» Флобер продолжает писать на протяжении всей зимы. На сочинение этого произведения Гюстава вдохновил витраж кафедрального собора в Руане. Юлиан — блудный сын. Он покидает отчий дом, чтобы вести разгульную, полную приключений жизнь. В итоге он женится на дочери императора. И тут же на него нападает черная тоска. Он пытается найти утешение в охоте. В один прекрасный день он возвращается домой после этого паскалевского развлечения. Дома его ожидают двое стариков, которых в его отсутствие приютила его жена. В приступе беспричинного гнева Юлиан убивает их. И тогда ему становится понятно, что он расправился с собственными родителями. Оставив все свое богатство, он убегает из дома. Юлиан нищенствует и заканчивает свои дни, как святой, поскольку спасает одного прокаженного.

Что могло привлечь внимание Флобера в этой религиозной истории? Конечно, ее глубина, поэзия и мистика, которой насыщены христианские сюжеты в средневековой литературе. Похоже, что писатель хотел избавиться от «натурализма», ставшего основой для литературного творчества. Окрашенная в мягкие тона легенда воспринимается, как наивная сказка. Неоднозначность святого Юлиана дает Флоберу возможность отдохнуть от вредоносных миазмов, исходящих от пары глупых простаков, Бувара и Пекюше. К ним писатель намеревается еще вернуться. Помимо всего прочего, написать повесть — это еще и возможность преподать урок стиля своим молодым сотоварищам, показать, что такое «красота» в литературе и настоящая экспрессия. «Была бы идея, а слова всегда найдутся»[333].

8 марта 1876 года умирает Луиза Коле. Ее уход в мир иной, как пишет Флобер Эдме Роже де Женетт, вызывает у него «противоречивые и сложные чувства». «Ожившие в моей душе воспоминания заставили меня пересмотреть всю мою прошлую жизнь. Ваш друг, однако, за последний год заметно укрепил свое моральное состояние. Я вычеркнул из своего прошлого столько всего ненужного, чтобы иметь возможность жить дальше. <…> Мне пришла на память смерть первой жены Шарля в „Госпоже Бовари“: „Она любила его. И это главное“»[334]. Гюстав проводит полдня в воспоминаниях о прошлом… Затем принимается за работу.

Флобер берется за вторую повесть под названием «Простое

сердце». Если в «Легенде о святом Юлиане Странноприимце» можно увидеть реминисценцию «Искушения святого Антония», то «Простое сердце» по своей тональности и месту действия напоминает «Госпожу Бовари». Это история служанки, которой Флобер приписывает некоторые черты характера Жюли, прислуживавшей в его доме с 1825 года! Вот что 19 июня 1876 года пишет Флобер Эдме Роже де Женетт: «История „Простого сердца“ — это рассказ о непримечательной жизни бедной деревенской девушки, набожной, но без фанатизма, в меру преданной и по характеру мягкой, как свежий хлеб. Вот в какой последовательности она любит: сначала мужчину, затем детей своей хозяйки, далее племянника, после чего старика, за которым ухаживает, и, наконец, своего попугая. Когда умирает ее попугай, она делает из него чучело. Оказавшись, в свою очередь, на смертном одре, она путает попугая со Святым Духом. В этом нет никакой иронии, как вы могли бы предположить, напротив, все серьезно и очень грустно. Я хочу вызвать слезы жалости у особенно чувствительных душ, поскольку и сам к ним отношусь».

Ради этой повести Гюстав совершает в апреле поездку в Пон-л’Эвек и Онфлёр. Погрузившись в знакомую с детства атмосферу, писатель предается воспоминаниям. «Простое сердце», возможно, самое пронзительное и самое личное из всех его произведений. И пресловутый «реализм» присутствует здесь во всей своей красе. Попугай Фелиситэ — это волшебная магия простых душ, воспевание их смирения. Автор описывает эту историю с желанием показать истинную красоту литературного языка. При этом он наделяет своего персонажа глубокими человеческими чувствами. Гюстав ведет мысленный разговор со своей старой доброй подругой Жорж Санд, словно «Простое сердце» адресуется именно ей, чтобы она, наконец, его одобрила.

Жорж Санд, однако, умирает 8 мая 1876 года в страшных муках из-за непроходимости кишечника. Ей было 72 года. Гюстав убит горем. Он составляет список близких ему людей, ушедших в мир иной за последние годы. «Мое сердце превращается в некрополь, — пишет он принцессе Матильде, — я чувствую вокруг себя такую бескрайнюю пустоту»[335].

С уходом Жорж Санд Гюстав теряет не только подругу. В каком-то смысле писательница заменила ему мать. Она была для него собеседницей, понимавшей его с полуслова. Между ними не было никакого соперничества, тем более флирта. Общение этих творческих личностей было исключительно высокоинтеллектуальным. На церемонии похорон Жорж Санд, куда он прибывает вместе с Александром Дюма-сыном, Эрнестом Ренаном и принцем Наполеоном, Гюстав рыдает, как дитя.

Согласно последней воле старой подруги Гюстава она приняла смерть без церковного причастия, но была похоронена по всем религиозным канонам и правилам. Что поделаешь? Сопротивляться давлению семьи бесполезно.

Возвратившись в Круассе, Флобер словно обретает второе дыхание. Он берется за работу с удвоенной энергией. Благотворное влияние лета? Писатель надеется, что закончит вторую повесть за три месяца. В музее Руана, с директором которого он знаком, Гюстав берет на время чучело попугая, чтобы, поглядывая на него, описывать историю Фелиситэ. Довольно странное впечатление производит чучело в рабочем кабинете писателя. На какие только жертвы он не идет ради Искусства с большой буквы… Сидя перед чучелом попугая, писатель произносит вслух и даже громко выкрикивает целые фразы. Он работает как каторжник, как вол, который тащит свой тяжелый воз. Столько усилий, чтобы сочинить повесть всего на 30 страниц? Эдмон де Гонкур по привычке не упускает случая, чтобы не съязвить по поводу того, какая пропасть лежит между затраченными усилиями и конечным мизерным результатом. Это говорит о том, что «заклятый друг» Флобера ничего толком не понимает в «безумии» писателя, его желании поднять стиль, как флаг, над всем, что пишется в литературном мире, приблизиться к идеалу красоты. С «Простым сердцем» писатель уже находится на вершине своего творчества.

И вот, чтобы закончить проект, Флобер подумывает о третьей повести «Иродиада» на библейский сюжет. Речь идет об истории смертной казни святого Иоанна Крестителя, чья голова была преподнесена Саломее, дочери Ирода после ее знаменитого танца.

Для того чтобы написать эту повесть, писателю, так же, как в старые добрые времена, когда он работал над «Саламбо», о котором теперь часто вспоминает, придется изучить огромное число литературных и прочих письменных источников. Когда действующими лицами произведения становятся библейские персонажи, писателю, безусловно, придется прибегнуть к особой форме повествования. В этом произведении, описывая танец Саломеи, Флобер воскрешает в памяти свое путешествие на Восток и встречу с прекрасной Кучук Ханем.

Ушедший с головой в новую работу, Флобер проводит часть зимы 1877 года в Круассе. Эмиль Золя уже начинает беспокоиться. Без воскресных ужинов у «старика» маленькое литературное сообщество натуралистов чувствует себя осиротевшим. Компания распалась и больше не собирается. Флобер заверяет Золя, что приедет в Париж, как только закончит

«Иродиаду»…

У Гюстава есть особая причина для того, чтобы превратиться в отшельника: он сильно нуждался в средствах. Никогда еще он не испытывал столь полного безденежья. Что касается ежедневных затрат, то и тут он едва сводит концы с концами. От Комманвиля Гюстав не получает ровно ничего. Он погряз в новых долгах и не мог расплатиться даже с Лапортом, который продолжает тем не менее материально поддерживать писателя и помогать ему в работе.

Флобер теперь настолько стеснен в средствах, что у него нет денег даже на билет, чтобы отправиться на корабле из Круассе в Руан. Он не имеет возможности послать в Руан даже свою служанку. Накануне Рождества при посещении кладбища, где покоится прах его родителей, Гюстав вынужден заплатить 150 франков за содержание в порядке могил родственников, что наносит сокрушительный удар по его кошельку.

Его последняя надежда: закончить как можно скорее «Иродиаду», продать повесть на выгодных условиях, чтобы хоть как-то поправить финансовые дела. Январь наступившего года проходит в трудах и заботах. Гюстав окончательно подрывает здоровье: он не спит, пьет литрами воду и кофе, постоянно находится в экзальтированном состоянии.

Наконец 1 февраля 1877 года он торжественно сообщает своей племяннице, что закончил «Иродиаду». Где он нашел деньги, чтобы вернуться в Париж и возобновить воскресные приемы? Тайна, окутанная мраком. В этом и состоит скромное обаяние буржуазии.

Между тем Флобер чувствует себя таким усталым и опустошенным, словно выжатый лимон. При первом же выходе в свет к своему издателю Шарпантье у Гюстава начинает так кружиться голова, что он вынужден, пошатываясь и задыхаясь, уйти с вечера.

Однако он с удовольствием окунается в парижскую жизнь. Своим друзьям Флобер не перестает рассказывать о том, что собирается написать роман о Второй империи. Похоже, что эта тема весьма привлекает его. А «Бувар»… Гюставу кажется, что у него есть в запасе как минимум еще три года, чтобы посвятить это время своим «двум идиотам». Гюстав читает «Иродиаду» в салоне принцессы Матильды, за что получает очередную письменную «оплеуху» от Эдмона де Гонкура в его «Дневнике»: «Несмотря на мычание и завывания чтеца, по моему мнению, в невинном повествовании переплелись археологические изыскания и мироощущение автора, проникнутое идеализацией действительности»[336].

Тем не менее читатели с нетерпением ждут выхода в свет «Трех повестей». Флобер старается обеспечить своему произведению светлое будущее, о чем постоянно говорит со своими друзьями.

Флобер прочитал книгу Золя «Западня». Хотя Гюстав и не одобряет художественного стиля младшего товарища по писательскому цеху, он все же признаёт, что речь идет о незаурядном романе: «Было бы неправильным сочинять много подобных книг, однако местами она великолепна и подкупает правдивостью сюжета»[337].

Что касается «Трех повестей», которые у Шарпантье должны выйти из печати однотомником, вначале они печатаются в журналах: «Простое сердце» и «Иродиада» в «Ле Монитёр универсель», а «Легенда о святом Юлиане Странноприимце» — в «Бьен юблик». В этот раз Флобер делает все, чтобы его произведения принесли ему хотя бы какие-то деньги: он договаривается продать издателям каждую повесть за тысячу франков. Теперь у него есть возможность немного свободнее дышать… Затем благодаря содействию Тургенева Россия платит ему по «два франка за строчку»[338], получив права на издание его повестей на русском языке. Гюстав неожиданно начинает гордиться тем, что проявил себя столь опытным переговорщиком.

Задумывается ли он о том, что пришло время разобраться в своих бумажных делах? Однажды вечером Гюстав вместе с Максимом Дюканом перечитали все письма, которыми они обменивались с 1843 по 1857 год. Друзья решили сжечь их, чтобы после смерти избежать чьего-то нескромного любопытства. «Как же мы любили друг друга!»[339] — шепчет Гюстав, перебирая эти дорогие его сердцу реликвии. Удивительно, но письма Максима не постигнет печальная участь быть уничтоженными: у Гюстава не поднялась рука, чтобы предать их огню.

Нельзя сказать, что смерть Эмиля Амара, отца Каролины, заставила Гюстава проливать горькие слезы. Похоронная речь писателя была сдержанной и краткой. Леония Бренн, по всей видимости, к этому времени становится для Гюстава подругой, которой он теперь изливает душу, за неимением возможности вступить с ней в более интимные отношения (по его собственному признанию, он «умирает от желания кусать до крови ее мраморные плечи»[340], однако это всего лишь слова). Он пишет: «Невелика потеря. Я уже пролил скупую слезу по этому человеку, когда у него лет 25 назад съехала крыша. Увы! Его смерть погрузила меня в тяжелые воспоминания»[341].

Прославленных представителей старой гвардии писателей, а именно: Гюстава Флобера, Эдмона де Гонкура и Эмиля Золя — 16

апреля приглашают то ли на рыцарское посвящение, то ли на преждевременные похороны молодые натуралисты, в скором будущем учредители знаменитых «Меданских вечеров». Из присутствующих на этом собрании можно назвать Жориса Гюисманса[342], Анри Сеарда[343], Поля Алексиса, Леона Энника[344], Октава Мирбо. И конечно здесь был Ги де Мопассан, который по-прежнему упорствует в написании порнографических сцен в своих романах и к тому же переживает драму: у него только что нашли сифилис «в особо тяжелой форме, от которого скончался Франциск I». «Теперь я больше не боюсь его подцепить»[345], — добавляет он. Впоследствии болезнь приведет его к сумасшествию и преждевременной смерти в возрасте сорока двух лет…

В любом случае праздник удается на славу. На стол подают изысканные блюда: суп-пюре Бовари, пулярку с трюфелями «Святой Антоний», артишоки «Простое сердце»…

Однако Флобер пребывает в мрачном настроении. Ни при каких условиях он не желает возглавить модное направление в литературе. Гюстав опасается, что представители этого течения могут использовать его имя в своих интересах. И главное, он не хочет, чтобы его имя упоминалось в связи со «школой», которую он постоянно критикует!

Неделю спустя после этого банкета, 24 апреля 1877 года, из печати выходит однотомник, в который входят «Три повести». Критики дают этому произведению самую лестную оценку. Теодор де Банвиль[346] в «Насьонале» пишет следующее: «Три абсолютных и безупречных шедевра, созданные с поэтической мощью автором, уверенным в своем таланте. Об этом произведении, достойном пера гения, можно говорить только с восхищением»[347]. Неужели долгожданный успех и признание критиков позволят Гюставу обрести наконец финансовое благополучие, в котором он так нуждается?

Увы! Похоже, что на этот раз писателю навредит политическая обстановка в стране. Известно, что книги, как, впрочем, и все то, что называется «культурной продукцией», становятся первыми жертвами разного рода кризисов: экономических, военных и даже правительственных! И вот случилось так, что избранный в 1873 году монархистами президент Мак-Магон выказывает недоверие правительству во главе с его председателем-республиканцем Жюлем Симоном и 16 мая 1877 года отправляет Кабинет министров в отставку. Новые выборы будут на руку республиканцам. Атмосфера хаоса и политической нестабильности весьма неблагоприятно сказывается на продаже литературы. «Что же касается моей

несчастной книги, то ей пришел конец»[348], — жалуется Флобер.

ЭПОПЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГЛУПОСТИ

Шенонсо, чьи элегантные мосты отражаются в водах реки Шер, несомненно, является самым прекрасным замком на берегах Луары. В 1864 году замок был куплен у прежних владельцев одной дамой по фамилии Пелуз, урожденной Вильсон и унаследовавшей огромное состояние, которая провела большие ремонтные и восстановительные работы, чтобы придать замку его прежний лоск. Как познакомился с ней Флобер? Конечно, в Париже, в одном из модных литературных салонов, скорее всего у принцессы Матильды.

В конце мая 1877 года Флобер отправляется в Шенонсо и проводит три дня у «гостеприимной и любезной»[349] хозяйки замка, как он пишет племяннице Каролине. По правде говоря, его визит объясняется меркантильными соображениями. Гюстав питает надежду убедить сказочно богатую даму помочь Комманвилю, мужу племянницы Каролины. Похоже, что, несмотря на мелкие недоразумения и не такой уж теплый прием, оказанный Флоберу во время второго посещения замка, богатая наследница ручается за Комманвиля на сумму 50 тысяч франков.

Возвратившись в Круассе в начале лета, Флобер принимается за третью главу «Бувара и Пекюше», посвященную медицине. Два приятеля в своем владении в Шавиньоле решили изучить химию, анатомию, психологию и диетологию. Случилось так, что стоило им выступить в роли целителей, как местный врач, почувствовав в них конкурентов, обвинил их в нелегальной медицинской практике! В любом случае противоречивые знания, почерпнутые из ученых книг, вызвали у них большие сомнения. Где же истина? Они начинают штудировать книги по минералогии, зоологии, а чтобы углубиться в историю и приблизиться к истокам, они изучают палеонтологию и геологию…

Настало время рассказать более подробно об этом безумном грандиозном проекте, для которого Флобер и сам превращается в энциклопедиста. При этом писатель разоблачает самодовольство, тщеславие и пустоту всезнаек своего времени. Десять глав книги «Бувар и Пекюше» представляют собой «эпопею человеческой глупости»[350], о которой в общих чертах уже было известно Гюставу еще в десятилетнем возрасте. Пара друзей с трогательным упрямством проявляет интерес ко всем отраслям интеллектуальной и научной деятельности. После геологии они увлекаются археологией. Некоторое время спустя они превращают свой дом в музей. В своем рвении они доходят до того, что начинают грабить кладбища и церкви, из-за чего у них

возникают неприятности. Затем следует увлечение историей. Они приходят к выводу, что «без воображения история — чистейший вымысел». Далее настает очередь литературы. Здесь они делают лишь один шаг, когда берутся за Вальтера Скотта и Александра Дюма. Они приходят в ужас от исторических неточностей в произведениях этих авторов. И вот, наконец, они интересуются театром и разыгрывают спектакли в домашних условиях.

Друзья не обходят стороной и политику в момент великих событий, произошедших в 1848 и 1851 годах. По этому поводу они высказывают пришедшую им на ум идею, что политика есть «гнусность». Может, они найдут утешение в простых домашних радостях? Бувар имеет виды на соседку, некую госпожу Борден. Вскоре ему становится ясно, что даму интересует только одна из его ферм… Что же касается Пекюше, то, оставаясь девственником до пятидесяти с лишним лет, он наконец теряет невинность на вязанках хвороста в объятиях служанки Мели и вскоре узнает, что заразился венерической болезнью.

Далее приятели решают заняться гимнастикой и физическими упражнениями. Очень скоро они понимают, что подобное хобби им уже не по возрасту. Внимание друзей привлекают затем вертящиеся столы, спиритизм, магнетизм. В итоге они начинают интересоваться философией. Какую, однако, истину может открыть эта наука? На чем основываются реальные моральные ценности? Эти вопросы стали для них последней каплей, переполнившей чашу: «И тогда у них открываются способности видеть глупость и не терпеть ее более». Приятели уже подумывают о том, чтобы покончить жизнь самоубийством. К счастью, рождественская месса отвлекает их от столь рокового шага. Они переживают период увлечения мистикой, читают Священное Писание и ведут праведный образ жизни, как положено истинным христианам. И вот случается так, что их новое увлечение ставит перед ними множество вопросов, на этот раз теологического характера. Друзья решают посвятить себя проблемам воспитания подрастающего поколения. Они усыновляют двух сирот, Виктора и Викторину. Глупость педагогической науки чуть ли не больше потрясает и удручает их. Они задумывают основать учреждение, в котором можно было бы развивать умственные способности детей. Для начала они берутся за образование своих подопечных сирот. Но у них проявляется дурная наследственность: Викторина мучает простоватого Марселя, слугу, нанятого двумя бывшими переписчиками. Виктор, в свою очередь, ошпаривает кипятком кошку под предлогом, что животное принадлежит ему и он волен поступать с ним так, как захочет. Разочаровавшиеся в результатах своей

воспитательной работы Бувар и Пекюше нашли утешение в том, что задумались о благоустройстве территорий.

Рукопись Флобера обрывается в связи с его смертью на последней мерзости: Викторину застают с горбатым портным после совершения грехопадения, в то время как Виктор крадет монету в 20 франков.

Вторая часть «Бувара и Пекюше» должна была рассказать о том, как двое простофиль, вернувшись на исходную позицию, начинают переписывать цитаты. Речь шла о том, чтобы включить во вторую часть знаменитый «Лексикон прописных истин», о котором Флобер думал еще в далекой молодости, о чем свидетельствует его письмо Луи Буйе, датированное 4 сентября 1850 года, а также сборник афоризмов, составленный «таким образом, что читатель не знал, смеются ли над ним или нет…».

Два года спустя в письме Луизе Коле он подробно делится своими планами относительно новой работы. Этот текст достоин того, чтобы его процитировать: «У меня порой возникает нестерпимое желание разнести в пух и прах весь человеческий род. И я непременно сделаю это лет через десять в каком-нибудь многостраничном романе. А пока меня не покидает мысль о моем „Лексиконе прописных истин“ (известно ли тебе о нем?). В частности, больше всего меня интересует предисловие, таким как я его себе представляю (это будет целая книга), где я задам жару всем и вся, и никакой закон не будет мне указом. Это будет прославлением того, что все одобряют. Я докажу, что большинство всегда право, а тот, кто остается в меньшинстве, всегда не прав. Я принесу в жертву великих людей дуракам, а мучеников — их палачам. И все будет доведено до крайности, до взрыва. В отношении художественной литературы я продемонстрирую, и это будет совсем нетрудно сделать, что только общедоступная и понятная всем посредственность считается в наш век допустимой, а любая заявка на оригинальность признаётся опасной, эксцентричной и так далее. Это будет ироничное и проникновенное восхваление человеческой подлости, где и когда бы она ни совершалась, с обилием цитат, доказательств (которые подтвердят обратное), отрывков из жутких текстов (и их нетрудно найти) с целью покончить, скажу я, раз и навсегда с необычностью, какой бы она ни была. Я вернусь к современной демократической идее о равенстве, ссылаясь на высказывание Фурье[351] о том, что творения великих людей окажутся бесполезными. И именно с этой целью, добавлю я, будет написана эта книга. В ней в алфавитном порядке можно будет найти по всем интересующим темам *все, что нужно говорить в обществе любому приличному и*

воспитанному человеку.

Итак, вот что можно будет найти в этой книге:

Художники: все до одного шутники.

Лангуст: самка омара.

Франция: для управления нуждается в железной руке.

Негритянки: более пылки, чем белые женщины.

Эрекция: говорится только о памятниках…

Мне кажется, что книга „выстрелит“. Надо постараться, чтобы в ней нельзя было бы найти ни единого придуманного мною слова и чтобы, раз прочитав, о ней больше никто не осмелился бы заговорить из боязни произнести одну из тех фраз, которые содержатся в ней»[352].

Эта вторая часть книги «Бувар и Пекюше» так и останется творческим замыслом автора. Зато «Лексикон прописных истин» нисколько не устарел и в наши дни. Можно сказать, что книга «Бувар и Пекюше» была почти полностью закончена и отредактирована автором. Дошедшие до нас десять глав этого произведения отражают основной замысел Флобера. Этим романом он подводит черту под все свое творчество и открывает литературе новые революционные горизонты.

Между тем, создавая образы незадачливых приятелей, Флобер обратился к классическому противопоставлению двух характеров, совершенно разных, но в то же время дополняющих друг друга, по примеру Дон Кихота и Санчо Панса. В итоге оба персонажа становятся похожими: оба по профессии переписчики, оба попадают в теоретическую и «научную» ловушку, которую сами себе и устроили. Один — старший по возрасту Бувар, бабник и коварный соблазнитель; другой — низкорослый толстяк Пекюше, девственник. Бувар — материалист, Пекюше, напротив, спиритуалист[353]. Знакомство друг с другом преображает их. Отныне их жизнь обретает единственную цель: познать этот мир.

Что наиболее привлекает в этом романе, так это намерение Флобера окончательно свернуть шею этому пластичному мерзкому зловонному чудовищу, вселенскому спруту по имени глупость. Он хочет покончить с ним раз и навсегда. Если посредством Бувара и Пекюше Флобер выражает свои собственные идеи и мысли, каждый из его персонажей по-своему понимает глупость и чувствует себя с ней единым целым. Тем не менее у них есть и положительные качества: они энергичные, волевые, порой великодушные, вполне живые люди. В то же время они тратят свои силы на бесполезные предприятия. Приятели засоряют свой мозг совершенно ненужными знаниями, которые вместо просветительской функции приводят человека к отупению и деградации.

Флобер в «Буваре и Пекюше» является одновременно подопытным кроликом и экспериментатором: он предоставляет свое тело для глупости, так же как другие отдают его для научных целей (что в следующем веке сделает Луи Фердинанд Селин[354], доходящий до гнусности, ибо прогресс нельзя остановить), чтобы увидеть, какой эффект это произведет. В основном эффект будет двусмысленным, поскольку глупость у Флобера не только рациональная составляющая; она принимает невротический и даже метафизический характер.

Этот невроз наилучшим образом анализирует Жан Поль Сартр: «Для Флобера, и только для него одного, глупость является позитивной силой, а дурак становится ее носителем. Эта мерзость набрала полную силу; она побеждает везде и всюду, и художник вынужден занять оборонительную позицию. Борьба, однако, ведется отнюдь не на равных: по отношению к этому глобальному распространению глупости именно художник остается в проигрыше. И все же надо смотреть глубже. Флобер объединяет под одним названием две диаметрально противоположные глупости. Одна является фундаментальной субстанцией, а вторая — разъедающей ее кислотой. Между ними ведется постоянная борьба, а исход этого поединка всегда ничейный. И только в одном можно быть уверенным: в той или другой форме, Глупость с большой буквы всегда торжествует»[355].

Как мы уже говорили, чтобы приступить к работе над книгой «Бувар и Пекюше», автор проводит огромную подготовку. В процессе работы настроение Флобера постоянно меняется — от оптимизма к полному отчаянию. Но он находит в образе жизни, называемом им «существованием монаха и рабочего»[356], некое спасительное средство от перепадов настроения. Часть лета у него находится в гостях племянница Каролина. Она пробует заниматься живописью. Новость о том, что Эрнест Пинар, обвинявший в аморальности «Госпожу Бовари», сочиняет непристойные стихи, вызывает у Гюстава приступ безудержного смеха, хотя он не находит в этом ничего удивительного. «Нет ничего более гнусного, чем прокуроры (они произносят непристойности так же часто, как носят мантию)…»[357]

Что же касается Флобера, то он живет анахоретом, то есть ведет монашеский образ жизни. И все же порой он позволяет себе предаваться эротическим фантазиям. Предметом его виртуальной страсти становится Леония Бренн, которой он пишет весьма откровенные письма. Все же немного позднее, в сентябре, Гюстав воплощает свои мечты в реальность, когда в Париже встречается, как всегда тайком и подальше от чужих глаз, с Жюльеттой Эрбер.

В Сен-Гратьене, у принцессы Матильды, он также дает выход прекрасным порывам своей души. Следует признать, что его физическое состояние оставляет желать лучшего. В его облике не остается ничего от былой внешней привлекательности. Краснолицый, беззубый, тучный, слюнявый из-за лечения ртутью, он понимает, что от былой славы светского льва не осталось и следа.

Гюстав проводит в Париже весь сентябрь. Он признаётся Тургеневу, что его пребывание в столице вызвано «Veneris causa…»[358].

Для написания «Бувара и Пекюше» Гюстав снова обращается за помощью к друзьям. В конце сентября Флобер отправляется, как и раньше, вместе с Лапортом в поездку по Нормандии с целью собрать для своего романа недостающие сведения. Он обращается к Мопассану с просьбой составить подробное описание прибрежного района Нормандии, поскольку Ги хорошо знает эти места. Гюстав ищет крутой обрывистый берег, который внушал бы страх «парочке недотеп», в момент их увлечения геологией. Ги исполняет поручение Гюстава, но «поезд уже ушел»: автор разместил своих персонажей в Фекаме![359]

Тургенев купил в России для Гюстава роскошный бухарский халат. Флобер носит его поверх шаровар, подпоясанных шелковым поясом. В этом наряде он с самым гордым видом прохаживается от одного широкого окна к другому, наблюдая, как мимо его дома по Сене проплывают корабли. Это происходит в те редкие минуты, когда он отрывает глаза от своей рукописи. Дело Комманвиля еще далеко не закрыто. В Париже, куда Гюстав приезжает в декабре, чтобы провести в городе часть зимы, он воюет на многих фронтах. По правде говоря, Гюстав бьется не за себя, а за других. Однажды вечером во время приема у своего издателя Шарпантье Гюставу удается поговорить с глазу на глаз с Леоном Гамбеттой[360]. К своему удивлению, он понимает, что симпатизирует этому высокопоставленному персонажу. Гюстав намеревается обратиться к главе республиканской партии с просьбой устроить на работу его друга Лапорта, который, в свою очередь, испытывает финансовые затруднения. На самом деле Флобер даже немного гордится этим новым знакомством с важной персоной, о чем не преминул съязвить Гонкур…

Флобер также обращается и к Виктору Гюго, с которым у него установились самые наилучшие отношения. Возвратившись из ссылки после падения империи, великий поэт решил опубликовать свои воспоминания об известном государственном перевороте 1851 года. В его книге были страницы, содержавшие некий компромат на принца Наполеона, поскольку тот

предупредил Гюго о том, что назревает государственный переворот. Флобер просит Гюго исключить имя принца из соответствующей главы. Гюго не отказывает Флоберу в просьбе, но это не меняет ровным счетом ничего. Каждый легко угадает, кого автор имел в виду, когда описывал «красного принца».

Гюстав также хлопочет за Ги де Мопассана. Он обращается к министру просвещения Агенору Барду, знакомому еще со времен салонного чтения «Саламбо». Писатель просит найти для Ги более перспективное место, чем то, которое он занимает в Морском министерстве. В каком-то смысле Барду для Флобера — троянский конь в республиканской партии. Этот государственный деятель и по совместительству поэт является скорее хорошим знакомым Гюстава, но никак не самым близким другом. Франция обязана ему за разработку закона о начальном образовании, который в итоге был представлен Жюлем Ферри[361]. Гюстав хлопочет не только за Мопассана. Он также просит Барду оказать содействие в награждении Эмиля Золя орденом Почетного легиона, поскольку тот мечтает получить его, чтобы хоть немного оградить себя от нападок… Вдобавок Гюставу хочется, чтобы Барду помог ему поставить «Замок сердец», а также получить государственный заказ на картины его племянницы. Похоже, что это оказалось слишком много для одного человека, и большинство просьб так и не было выполнено. Флобер с досады называет Барду не способным ни на что никудышным человеком, «слабаком»[362] и даже простофилей[363]. Тем не менее уже на следующий год Барду берет Мопассана на службу в Министерство просвещения, где он будет заниматься вопросами, связанными с культурой и искусством…

Наблюдая за тем, как Гюстав с головой окунается в работу над сложным романом «Бувар и Пекюше», друзья писателя выражают крайнее беспокойство и предсказывают новый провал. Историк и литературный критик Ипполит Тэн[364], с которым пути Флобера часто пересекались то у принцессы Матильды, то на обедах у Маньи, делится своими опасениями с Тургеневым. «У меня складывается впечатление, что книга не будет иметь успеха, даже если и будет очень хорошо написана», — пишет он.

Флобер уже близок к тому, чтобы разделить эти опасения, но он не в силах отступить от своих планов. Для него все мосты сожжены и нет пути назад. Образ жизни, поступки и сделанный им выбор в литературе ставят его вне круга обычных людей. Он не может находиться в обществе, без того чтобы не ругать буржуазию, государство и правительственные учреждения. Его возмущает, что Тэн и Ренан хотят стать действительными членами Французской академии. «Почему хочется быть чем-то,

когда ты уже есть кто-то»[365].

Флобер уже давно не тот, каким он был раньше. Он — художник. Другими словами, его можно назвать монахом-траппистом[366] в светском обличье, о чем он заявляет в письме, написанном Ги де Мопассану 15 августа 1878 года: «Вы жалуетесь на то, что женские попки слишком „однообразные“. Есть одно простое и верное средство — перестать пользоваться ими. „События не отличаются разнообразием“. Это реально. Впрочем, что вы знаете об этом? Речь идет о том, чтобы посмотреть на это с более близкого расстояния. Послушайте, что я вам скажу, молодой человек, надо больше работать. Я начинаю подозревать вас в некоторой легковесности. Слишком много шлюх! Слишком много катаний на лодке! Слишком много физических упражнений! Да, господин мой! Цивилизованному человеку не слишком нужны телодвижения, вопреки мнению врачей. Если вы родились для того, чтобы сочинять стихи, то сочиняйте их! <…> Вам не хватает именно „принципов“. Сколько можно об этом говорить, но говорить надо. Остается узнать, о каких принципах идет речь. Для художника есть только один: все принести в жертву Искусству с большой буквы. Художник должен рассматривать жизнь как средство для достижения своей цели, и ничего более. И первым человеком, до которого ему нет дела, должен быть он сам».

Между тем все эти размышления о высоких материях не мешают Флоберу с горечью принимать удары, которые ежедневно наносит ему жизнь. Не видно ни конца ни края делу о банкротстве Комманвиля. Его лесопильня выставлена на продажу, однако потенциальные покупатели не спешат раскрывать кошельки, чтобы приобрести убыточное предприятие. Но на следующий год владельцу придется уступить лесопильню за бесценок.

Флобер опять на мели. Книги продаются плохо. «Я неумело управлял своей лодкой, поскольку слишком верил в идеалы. И я наказан за это. Вот и вся разгадка тайны»[367]. Гюстав хотя и несет этот крест, но вовсе не запирается в своем отшельничестве на семь замков. Осенью под предлогом посещения Парижской выставки он встречается, как всегда тайно, с Жюльеттой. За долгие годы его любовный пыл нисколько не угас.

В октябре он едет в Этрета. Эта поездка потрясает его. Он встречается с Лорой де Мопассан, матерью Ги. Гюстав находит, что она сильно постарела. К тому же из-за болезни глаз женщина почти ослепла. Впрочем, она переживет Гюстава на 20 лет и похоронит Ги, собственного сына… Вспоминая старую подругу, Гюстав сетует на то, что «мы есть старые изношенные

машины»[368].

На повестке дня у Гюстава снова вопрос о поступлении на государственную должность. Занятие вполне почетное: несколько тысяч франков в год за неутомительный труд, который и работой-то не назовешь. Гюстав мог бы спокойно и безбедно доживать свои дни. Но он не может решиться на этот шаг. Леония Бренн, по которой Гюстав летом испытывал любовное томление, деликатно советует ему не пренебрегать этой возможностью за неимением лучшего… Он отвечает ей с достоинством старого раненого льва: «Неужели я способен занять какую бы то ни было государственную должность? Уже на следующий день меня выставят за дверь за дерзость и отказ подчиняться начальству. Сейчас я как никогда полон решимости скорее умереть от голода, чем пойти на малейшую уступку»[369].

Гюстав теряет сон. Ему не дают покоя мысли о денежных делах, в которых он ничего не понимает. Он уже готов прибегнуть к опиуму, чтобы забыть обо всем, что гложет и разъедает его душу, но его лечащий врач Фортен пропускает эту просьбу мимо ушей. В его голову приходит странная мысль нарядить старую служанку Жюли в домашнее платье его матери. Ему мерещилось, что перед ним его «бедная старушка», до тех пор, пока слезы градом не полились из его глаз.

Гюставу теперь закрыта дорога даже в Париж. Прежде всего потому, что у него нет денег на поездку. Кроме того, Комманвиль из экономии живет в его парижской квартире. Гюстав не хочет навязывать свое присутствие кому бы то ни было и терпеть кого-то рядом с собой.

Флобер решительно обладает способностью притягивать к себе неприятности. В конце января 1879 года в то время, когда он встречал приглашенных на завтрак двух его друзей, Пуше и Пеннетье, его угораздило поскользнуться на обледенелой дорожке в собственном саду и сломать ногу. Растяжение связок, трещина малой берцовой кости. В результате ему придется находиться под домашним арестом как минимум полтора месяца.

И все же нет безвыходных положений. Верный Лапорт не бросает друга в беде и проводит с Гюставом все свое свободное время. Он выполняет даже обязанности писаря, поскольку Флобер не может писать пером. В адрес писателя приходят письма со словами сочувствия и поддержки. Порой в день приходит по 15 писем. Газета «Фигаро» извещает читателей о произошедшем с ним несчастном случае. Гюстав, по его словам, «оскорблен и возмущен»[370]. На письма надо отвечать, а это лишние расходы на марки! Известность не приносит денег. Если же вдобавок она еще и заставляет раскошелиться…

Нельзя оставлять писателя в таком состоянии. На этот раз за дело берутся друзья Гюстава, чтобы он по крайней мере имел средства к существованию на первое время, когда поправится и придет в себя. Начинается комедия дураков, и было бы лучше, если бы она не имела к писателю никакого отношения.

В начале февраля по настоятельной просьбе супруги издателя Маргариты Шарпантье в Круассе приезжает Тургенев. Она делает все от нее зависящее, чтобы заполучить для Гюстава пост директора библиотеки имени Мазарини, в тот момент еще занимаемый академиком Сильвестром де Саси, который находится при смерти. Остается лишь получить согласие Флобера. Эта должность вполне прилично оплачивается: 8 тысяч франков в год. Кроме того, директор библиотеки обеспечивается жильем, что немаловажно для проживания в Париже. По словам Тургенева, это почти что решенное дело. Флобер проводит в раздумье целую ночь. Утром он Скрепя сердце дает согласие. По возвращении в Париж Тургенев начинает предпринимать необходимые шаги. Но переговоры не приносят успеха. Золя, Гонкур, Жорж Шарпантье[371], Жюльетта Адам[372], в то время влиятельная парижская журналистка, пытаются уговорить Гамбетту. Тщетно: у него на примете другая кандидатура — Фредерик Бодри, преподаватель Французского коллежа. Он, между прочим, знаком с Флобером, поскольку учился с ним в одном учебном заведении. Тургенев посылает Флоберу телеграмму с сообщением об отказе в должности.

Это дело вполне могло бы обойтись без последствий. Гюстав воспринимает отказ даже с некоторым облегчением: стать библиотечным работником, какая скука! Но слухи в Париже распространяются быстро. И вот «Фигаро», газета монархистов, публикует статью с целью, по всей видимости, разоблачить подлого республиканца Гамбетту. В статье говорится о денежных затруднениях Флобера, доведенного до нищеты из-за того, что он пришел на помощь разорившемуся мужу племянницы, а также о том, как Гамбетта унизил Тургенева на одном из приемов, поскольку даже не посмотрел в его сторону…

И, как результат, Флобер едва не умирает от стыда. Благодаря газетной статье о его плачевном финансовом положении теперь знают все: это катастрофа. Он готов провалиться сквозь землю, никогда ничего больше не публиковать. Понимая, что допустил бестактность и действовал неосмотрительно, Золя приносит свои извинения, но удар уже нанесен.

Гюстав очень медленно идет на поправку. Он уже передвигается на костылях и приходит в ярость каждый раз, когда

узнает, что его друзья в Париже продолжают хлопотать о назначении ему пенсии. Если бы Флобер получил ее, то, конечно, не отказался бы. У него нет выбора. И все же он согласится на пенсию при условии, что когда-нибудь он сможет компенсировать государству затраты на его персону. Каким образом? Откуда он возьмет деньги? Тайна. Главное для него, чтобы никто ничего не знал!

Вопрос о пенсии решается положительно в мае, когда Флоберу предлагают должность «внештатного» сотрудника в библиотеке имени Мазарини с жалованьем три тысячи франков в год. Но Флобера в это время больше интересует материальное положение племянницы, и он обращается ко всем своим высокопоставленным друзьям и знакомым, и в первую очередь к принцессе Матильде, с просьбой посодействовать размещению картин Каролины в выставочном зале Промышленной палаты, где проводится ежегодная выставка. В результате отборочное жюри принимает принадлежащий кисти племянницы портрет Жюля Клоке[373].

Флобер успешно заканчивает седьмую главу «Бувара и Пекюше», посвященную их любовным приключениям. Теперь он принимается за главу, где новым увлечением его незадачливых героев будут сеансы спиритизма, крутящиеся столы и философия.

Его верным соратником по-прежнему остается Лапорт. Ситуация тем временем осложняется: Лапорт, являющийся поручителем Комманвиля, практически разорен. Все усилия Гюстава устроить друга на государственную службу не дают положительного результата. Несмотря на все свалившиеся на него неприятности, Лапорт остается верным другом и помощником Флобера. Хочет ли он приобщиться в какой-то степени к славе великого писателя? Вот в чем коварно упрекнет его Комманвиль несколько месяцев спустя, когда отношения между ними станут особенно натянутыми.

В мае Гюстав в последний раз видится со своим братом. Ашиль заметно сдал. Он передвигается с большим трудом и выглядит глубоким стариком. Похоже, что после инсульта у него не все в порядке с головой. Флобер делится с братом денежными невзгодами. Ашиль большую часть времени проводит теперь в Ницце вместе с женой, обуржуазившейся лицемерной святошей, которую Гюстав на дух не выносит. Брат обещает предоставить Гюставу ренту в три тысячи франков в год, но тут же об этом забывает… В этой жизни братья больше не увидятся.

Наконец Гюстав получает должность заместителя директора библиотеки имени Мазарини. Ему даже не надо являться на службу. Все еще прихрамывая, Гюстав отправляется 1 июня в

Париж. Помимо всего прочего, он хочет нанести визит Жюлю Ферри и поблагодарить его за доброжелательное к себе отношение. Пользоваться этим жалованьем писателю суждено совсем недолго…

Для написания главы романа «Бувар и Пекюше», посвященной религии, Флобер проводит долгие часы в Государственной библиотеке. Он изучает христианскую литературу. Что же ему остается делать? Его интересует лишь одна работа. Чтение произведений религиозных деятелей приводит писателя к глубокому разочарованию. Полная чушь! «О! Как только хотят доказать, что Бог есть, тут же начинается глупость»[374]. Для собственного утешения Гюстав читает Шопенгауэра[375], большого хулителя религии и, по выражению Мопассана, «разрушителя мечты», «идеалиста и пессимиста или скорее буддиста. Это мне нравится»[376].

Лето в Круассе, его последнее в жизни лето, выдается дождливым и холодным. Несмотря на изнурительную и кропотливую работу над «Буваром и Пекюше», Гюстав вновь берется за роман «Воспитание чувств», права на которые с 10 августа уже никому не принадлежат. Флобер обращается к Шарпантье с просьбой ускорить переиздание этого произведения. Неужели эта убитая наповал критикой и павшая жертвой непонимания публики книга не имеет права на второй шанс? Мишель Леви, первый издатель «Воспитания чувств», уже четыре года, как покинул этот мир. И вот Гюстав, не носивший ордена Почетного легиона с тех пор, как этим орденом был награжден Леви, вновь достает свою награду. Писатель берется за роман, чтобы улучшить текст. Герберт Лоттман отмечает, что «внимательный читатель нашел бы 495 изменений, из которых 420 удалений, в частности 125 „но“, 39 „тогда“ и 23 „между тем“»[377]. Вот что значит вечное недовольство собой. Нет предела совершенству… Одновременно писатель вносит коррективы и в «Саламбо». Эта книга будет напечатана другим издателем, Альфонсом Лемерром, по моде того времени в маленьком формате.

В августе холодная погода уступает место изнуряющей жаре. Гюстав с трудом переносит ее. «Мозги плавятся»[378], — по его образному выражению. Писатель спешит закончить восьмую главу «Бувара и Пекюше», посвященную метафизике. Он настолько увлечен своей работой, что не может от нее ни на секунду оторваться. Гюстав проводит дни и ночи в своем рабочем кабинете. Обливаясь потом, он с фанатизмом трудится над каждой фразой.

Похоже, что забрезжил свет в конце тоннеля. Тучи над

головой Гюстава постепенно расходятся. Неужели, наконец, ему выпадает долгожданное счастье? Немного денег дают надежду на обеспеченное существование. Впереди множество вполне конкретных замыслов. В Париже жизнь и вовсе налаживается: издатель Шарпантье публикует в своем журнале «Ви модерн» пьесу «Замок сердец» с иллюстрациями его племянницы Каролины. Задумка о постановке оперы «Саламбо» уже недосужий вымысел. Флобер дает согласие на то, чтобы по его роману Камиль дю Локль[379] написал оперное либретто. Что же касается самого писателя, то он полон самых разнообразных творческих замыслов. Еще повести… Затем большой роман об империи… По словам Гюстава, его не оставляют мысли о битве при Фермопилах[380]: «Я отправлюсь в путешествие по Греции. Я представляю этих греческих воинов, идущих на верную смерть без страха и уныния, подбадривающих друг друга остротами и веселыми шутками…» [381]Флобер уже думает о том, как обновить свой подход к творческому процессу, чтобы поднять свои произведения на более качественный уровень. Его сочинения должны быть более интересными по содержанию, но лишенными натуралистических подробностей. Увы! Писателю остается жить всего каких-то несколько месяцев…

В Круассе Гюстава ждет новый удар судьбы — приходит конец долгой и верной дружбе. Старый добрый друг Лапорт отказывается в очередной раз поручиться за Комманвиля и заложить свой дом под определенную сумму денег. Супруги Комманвиль по примеру семейства Тенардье[382] приходят в ярость. Каролина доходит в гневе до того, что требует от своего дяди, чтобы тот разорвал отношения с Лапортом, с этим гнусным скрягой и предателем. Гюстав слишком любит свою племянницу и потому закрывает глаза на некоторые черты характера этой нервной женщины, находящейся целиком и полностью под влиянием своего склонного к аферам, да и просто мошенника, супруга. Эта парочка разорила Флобера. Лапорт также потерял свое состояние благодаря бредовым коммерческим авантюрам Комманвиля. Все это нисколько не волнует почтенное семейство. Оказавшийся перед выбором между дружбой и семьей, Гюстав чувствует себя глубоко несчастным человеком. Неужели его беды так никогда не кончатся? Трусость, слабохарактерность или легкомыслие? Что побудило писателя вычеркнуть из своей жизни Лапорта, верного и бескорыстного друга, хотя тот слегка грелся в лучах его славы? Лапорт был единственным другом Флобера в противовес всем тем, кто принадлежал к литературным и светским кругам, этим ярмаркам тщеславия…

Роман «Воспитание чувств» поступил в продажу в книжные

магазины. Точно так же, как и десять лет назад, книга не пользуется успехом у покупателей. Неужели кто-то проклял это произведение? Флобер ищет причину столь упорного невезения. «В нем слишком много правды, и в эстетическом плане роману не хватает перспективы. В конце концов оказывается, что план написания романа не выполнен. Всякое произведение искусства должно иметь кульминационную точку, вершину, приобретать форму пирамиды»[383]. Автор не видит или же не желает больше видеть, что именно в отсутствии специальных эффектов и заключается главная ценность романа. Его необыкновенная притягательная сила и современное пророчество состоят в том, чтобы показать бессилие отдельных людей перед лицом Истории с большой буквы.

Зима выдается исключительно холодной. Круассе, погребенный под снегом и льдом, пребывает в «радикальном одиночестве»[384]. «Словно покрытая белым саваном могила», — добавляет писатель. Тайное предчувствие? Флоберу исполняется 58 лет. Тургенев составляет ему компанию, чтобы отметить эту дату. Несколько дней спустя русский писатель посылает Флоберу только что переведенный на французский язык роман Толстого «Война и мир». Гюстав читает это произведение, устроившись в углу возле камина, где потрескивают охваченные огнем поленья дров. Он представляет, что находится посреди русских степей. Флобер не перестает восхищаться романом, несмотря на то что, по его словам, третий том «оставляет желать лучшего. В нем много повторов и философствований»[385].

Неожиданным и приятным сюрпризом для Флобера в эти первые месяцы нового, 1880 года становится чтение длинной новеллы его дорогого ученика Ги де Мопассана под названием «Пышка». «Шедевр»[386], — коротко заключает он. Гюстав горд и счастлив так, словно его уроки, дружеские и строгие наставления принесли наконец свои плоды. Словно он обеспечил себе достойную смену.

КОНЧИНА ПИСАТЕЛЯ И ТО, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОЗДНЕЕ

24 января 1880 года в первом номере журнала «Ви модерн» начинают печатать пьесу-феерию «Замок сердец». На одной из иллюстраций, выполненных племянницей Флобера Каролиной, изображен дом в Круассе. Гюстав на седьмом небе от счастья. Последующие номера журнала, однако, украшены иллюстрациями, которые писатель находит нелепыми и безвкусными. Вскоре он окончательно разочаровывается и даже начинает сердиться. На этот раз на Шарпантье. Возмущение писателя достигает своей высшей точки в тот день, когда издатель заменяет сцену из пьесы заметкой о спорте…

Наконец, после долгой и упорной борьбы в память о Луи Буйе будет построен фонтан. Сколько усилий, чтобы получить от жизни хоть какое-то удовлетворение! И сколько хлопот еще впереди…

Гюстав получает извещения от кредиторов мужа Каролины. 3 февраля он должен явиться в суд, поскольку он поручился за Эрнеста. Несколько дней спустя уже Лапорт подает на Флобера в суд: он тоже хочет получить обратно одолженные им деньги. И его вполне можно понять. Каждый раз Гюстав чувствует себя так, словно ему наносят новый удар ножом. Он окончательно падает духом. Как можно работать в подобных условиях?

Вдобавок ко всему он волнуется за Ги де Мопассана, которого привлекают к судебной ответственности за нарушение общественных нравственных норм и правил, выразившееся в публикации в журнале «Ревю модерн э натюралист» поэмы «Девка» с легким эротическим содержанием. Мопассана вызывают в суд города Этамп, где печатается журнал. Ги обращается с просьбой к своему доброму наставнику, чтобы тот написал письмо в его защиту. Флобер колеблется. Почему бы ему не начать с того, чтобы воспользоваться своими собственными связями, в частности не обратиться к Раулю Дювалю[387], чтобы закрыть дело. За такие деяния Мопассан рискует потерять место в министерстве…

В итоге Флобер все-таки пишет письмо. Его напечатают в газете «Голуа». Писатель не имеет времени, чтобы его откорректировать. Это пламенная адвокатская речь в защиту свободы слова, искусства, направленная против цензуры. Писатель с иронией напоминает о судебном эпизоде из «Госпожи Бовари»: «Этот процесс стал для меня гигантской рекламой. Я

обязан ему третью своего успеха»[388]. Флобер высказывает предположение, что судебное преследование будет прекращено. Что и происходит.

Мопассан оказывается не единственным писателем, на которого ополчились блюстители нравственности. Теперь под колесо судебной машины попадает Золя. Его роман «Нана»[389] только что вышел из печати. Флобер приходит от него в восторг. И всё же вот что он пишет Мопассану 15 февраля 1880 года: «Когда автор хорошо владеет пером, у него два врага: первый — это публика, поскольку стиль писателя заставляет думать, а это работа; второй — правительство, потому что оно чувствует нашу силу, а власть не любит тех, кто тоже обладает властью».

В том же феврале Максим Дюкан избирается в члены Французской академии. Какой фарс! И это тот самый Максим, друг юности, с которым Гюстав совершил лучшие путешествия в своей жизни… Он — честолюбивый человек, карьерист. И при этом он наделен самым скромным писательским талантом. Гюстав мечет громы и молнии. 30 лет тому назад вместе с Дюканом и Буйе какими только словами они не поносили Французскую академию! Гюстав вспоминает об этом, но молодость, увы, осталась далеко позади. Он советует Каролине чаще повторять про себя принадлежащее ему изречение: «Почести приводят к бесчестью, звания ведут к деградации, высокие должности — к отупению»[390].

Неужели и вправду появился свет в конце туннеля? Комманвилю удается избавиться от неприятностей! Этот плут и мошенник, повинный в том, что Флобер остался без средств к существованию, разоривший в том числе и близкого друга писателя, приобретает в Руане лесопильню. Он готовится к отъезду за лесом в Одессу и утверждает, что нашел для этого необходимые средства. Похоже, что Гюстав теперь может без особого опасения заглядывать в будущее. Посмотрим. Возможно, снова поехать в Париж? А почему бы не в Грецию, чтобы собрать материал для будущей книги о сражении при Фермопилах? Но не тут-то было. Гюстав получает новое уведомление об уплате долга, которое «производит на него такое впечатление, словно ему подали блюдо с дерьмом»[391]. У него требуют 50 тысяч франков, которые ссудили под его имя. И, конечно, это кредиторы Комманвиля…

Последний праздник в Круассе. 28 марта, в день празднования Пасхи, Гюстав принимает у себя друзей: Золя, Гонкура, Доде и Жоржа Шарпантье. Он накрывает стол и наряжается к приему гостей. На нем «итальянская шляпа, широченная куртка, а на свой толстый зад он натянул

плиссированные штаны. И самое приветливое выражение лица»[392]. Блюда для особых гурманов: суп-пюре, изысканные вина. За столом, однако, звучат непристойности, вызывающие у Гюстава, как всегда, приступы громкого смеха. Гости разъезжаются на следующий день. Обнимая на прощание Гонкура, Гюстав прослезился. Они еще не знают, что прощаются навсегда.

В начале мая Флобер решил съездить в Париж. Он чувствует необходимость в перемене мест, чтобы обрести былую энергию, поскольку написание «Бувар и Пекюше» едва продвигается. Всего неделю тому назад друзья Гюстава, семейство Лапьер, устроили для него большой праздник, посвященный святому Поликарпу, которого Флобер избрал своим покровителем, поскольку говорил: «Боже мой! Боже мой! В какое время заставили меня родиться»[393]. Во время этого похожего на карнавал праздника Флобер получил в знак уважения множество подарков и поздравлений. Некоторые были даже от итальянских кардиналов! Среди полученных подарков оказалась настоящая реликвия — зуб святого. Писатель был искренне тронут даром святыни.

Теперь настало время поскорее отправляться в Париж. Возможно, он сможет остановиться в квартире в предместье Сент-Оноре, если Каролина соизволит навести там какой-то порядок. Гюстав намекает об этом племяннице в письме. Он собирается поговорить с ней о ее бредовом увлечении очередным болваном в лице отца Дидона. Похоже, что святой отец исполняет для нее роль духовного наставника. Гюставу совсем не нравится, что его племянница почти перестала писать картины и заделалась святошей. Для Каролины с ее расшатанной нервной системой из-за финансового кризиса, сотрясающего ее семью, а возможно, и по причине переживаний более интимного характера, уход в религию становится спасительной соломинкой, за которую хватается утопающий. Тем не менее отец Дидон, будучи кем-то вроде светского проповедника, на протяжении долгих лет будет сбивать Каролину с толку вплоть до того, что со всей строгостью начнет следить за судьбой творческого наследия писателя…

Утром в субботу 8 мая Флобер принял горячую ванну. Он был готов на следующий день отправиться в Париж. В половине одиннадцатого ему стало нехорошо. Словно какая-то пелена нависла у него перед глазами, и все вокруг как будто потемнело. У него покраснела на шее кожа, словно налилась кровью. Он зовет служанку Сюзанну. Ему кажется, что он вот-вот потеряет сознание. Он просит служанку скорее бежать за доктором Фортеном. Служанка была последней, кто видел писателя в сознании. По ее свидетельству, как рассказал Мопассан, Флобер

натер одеколоном виски, а затем лег и произнес несколько неразборчивых слов.

Доктора Фортена не оказывается дома. Сюзанна бежит к другому врачу, Турне, который тут же направляется к Флоберу.

Писатель, не шелохнувшись, лежит на диване. Сердце едва бьется, затем останавливается. Гюстав Флобер умер. Скорее всего, от кровоизлияния в мозг, хотя некоторые, в том числе и Максим Дюкан, связывали смерть писателя с приступом эпилепсии, что маловероятно.

Во второй половине дня в Круассе приезжает Мопассан. Вместе с доктором Фортеном они занимаются последним туалетом Флобера, затем снимают с его лица посмертную маску. В Круассе начинают прибывать желающие проститься с великим писателем. По указанию Каролины Мопассан запрещает Эдмону Лапорту попрощаться с его «добрым великаном».

Похороны состоялись во вторник 11 мая 1880 года. Безусловно, на эту траурную церемонию собрались все представители «натуралистической» школы во главе с Золя и де Гонкуром. И еще другие друзья писателя. Некоторые не приехали, среди них Ренан и Дюма-сын. И Максим Дюкан… Несмотря на волю Флобера по желанию Каролины состоялась церковная служба. Позднее Золя выскажет свое возмущение тем, что на похоронах писателя присутствовало совсем немного жителей Руана.

После церкви, где было очень холодно, траурная процессия двинулась на кладбище. Гонкур в своем «Дневнике» затем напишет, как провожавшие писателя в последний путь друзья переговаривались о том, что вечером отправятся на пирушку и даже посетят бордель. Предание земле — церемония патетическая. По странной иронии судьбы, точно так же как 35 лет тому назад на похоронах сестры писателя Каролины, гроб с телом Флобера застрял в верхней части слишком узкой могилы. Что только с ним не делают: дергают, толкают, обливаясь потом. Каролина рыдает. Золя, испытывая искреннюю скорбь по своему учителю и другу, кричит, чтобы остановили это жуткое действо. Когда, наконец, все начинают расходиться, Золя вместе с Гонкуром спешат поскорее покинуть это проклятое место, где собрались недостойные люди, думающие лишь о том, как набить свой желудок и посетить злачные места.

Вечером во время поминок, на которые собрались самые близкие друзья, Каролина обхаживает Жозе Мари де Гередиа, поэта и известного ловеласа. Он не первый, кто удостаивается ее внимания. У Каролины было несколько сердечных дружков, с которыми она, похоже, никогда не вступала в интимные

отношения. Ей хотелось лишь обрести союзника в вопросе о творческом наследии писателя. Именно так думает де Гонкур. Что же касается Комманвиля, то он предстает во всей своей красе. Три дня спустя де Гонкур в своем «Дневнике» пишет: «Вот что произошло после смерти Флобера. Комманвиль только и говорит о том, сколько денег можно выручить за произведения покойного писателя. К тому же от него осталась обширная любовная переписка. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что Комманвиль способен шантажировать женщин, которые когда-то любили и пережили писателя»[394].

На этом, однако, все не кончается. Год спустя после смерти Флобера издатель Лемерр публикует «Бувар и Пекюше». Вначале Каролина передает рукопись журналистке Жюльетте Адам для предварительной публикации в «Нувель ревю», исключив из книги отдельные эпизоды, а именно те места, где рассказывается о том, как Пекюше соблазняет молодая служанка…

Как следовало ожидать, книга удивляет и ошеломляет. Что делать с этим странным текстом, составленным из слов, смысл которых часто не совсем ясен и может по-разному толковаться? Словно под ногами читателя внезапно разверзлась земля и открылась бездонная пропасть. Мопассан в «Голуа» представляет подробную и понятную дезориентированной публике «инструкцию к применению». Он разъясняет, что в произведении «остро критикуются все противостоящие друг к другу направления научной системы, уничтожающие одна другую противоречивыми фактами. „Это история слабости человеческого разума и всеобщей глупости человеческого общества“» [395].

Годом позже в «Конститюсьонель» от 20 мая 1882 года появляется статья Барбе д’Оревильи, известного своей воинствующей глупостью. Автор, не стесняясь в выражениях, называет книгу Флобера «нечитаемой и несносной», неподобающе «вульгарной и непристойной». Другие критики, например Поль Бурже, не позволяют себе делать столь резких замечаний. В «Нувель ревю» от 27 июня 1881 года этот автор усмотрел в этом произведении «разрушающее воздействие науки, оказываемое на двух человеческих особей, совершенно не подготовленных к восприятию замечательных новых идей». Что же касается Реми де Гурмона, то он сравнивает «Бувара и Пекюше» с «Дон Кихотом». Для Флобера это самое лестное сравнение и наилучшая дань уважения.

Не проходит и несколько месяцев после смерти писателя, как Каролина продает собственность в Круассе. Полученные после продажи 180 тысяч франков тут же уходят на оплату долгов.

Вскоре дом будет разрушен и снесен. Мы знаем, как выглядят эти места в наши дни…

Публикация в 1881 году «Литературных воспоминаний» Максима Дюкана напоминает удар по покойнику ослиным копытом. Дюкан не допускает по отношению к своему старому другу ни малейшего снисхождения, не задумываясь о том, что его предательская критика может бумерангом обрушиться на его же голову. Все же он признает, что Флобер был наделен «редким талантом». При этом он добавляет, что если бы писатель не страдал эпилепсией, то был бы настоящим «гением». Зависть не только разрушительное чувство, но может заставить человека наговорить множество глупостей.

В 1890 году в Руане в честь Флобера происходит открытие памятника. Наконец-то город отдает дань уважения своему прославленному соотечественнику. Погода в этот день выдалась что ни на есть скверная. На церемонии открытия памятника присутствуют Мопассан, Золя и де Гонкур. Играет городской оркестр. Слово берет Эдмон де Гонкур.

В этой книге мы часто упоминали о том, какие пакостные суждения высказывал в адрес Флобера его «заклятый друг». Теперь в качестве реабилитации Гонкура в глазах читателей приводим его исключительно проникновенную речь во время церемонии открытия памятника: «После нашего великого Бальзака, отца и учителя для всех нас, Флобер был писателем, отображавшим реальную действительность, возможно, с такой же пронзительной правдой, как его предшественник. Бесспорно, что он показывал эту суровую правду жизни на самом высоком художественном уровне. Он как бы рассматривал ее через усовершенствованный объектив. Его творчество можно было бы определить, как поэзию, переведенную на язык прозы. И вот теперь, когда нет с нами моего бедного великана Флобера, уже кто-то готов ему приписать такую гениальность, которая оскорбила бы светлую память о нем. Известно ли вам сейчас, что при жизни критики порой даже отказывались признавать его талант? И что же он получил от жизни, на протяжении которой создал столько шедевров? Его унижали, не признавали, оскорбляли, морально распинали на кресте… И, несмотря на все удары и нападки, Флобер оставался добряком, не таившим зла на своих преследователей. Он не испытывал зависти к счастливчикам от литературы. Его громкий веселый детский смех навсегда останется в нашей памяти» [396].

Каролина переживет своего дядю на полвека. После смерти Комманвиля, последовавшей в 1890 году, когда ей было 44 года, через десять лет она снова выйдет замуж за Франклина Гру, врача

и бывшего ассистента ее второго дяди Ашиля, который потеряет рассудок и скончается в Ницце через два года после смерти Гюстава.

Племянница Флобера становится хранительницей его творческого наследия. Бывают алчные дети, хищные вдовы, но некоторые племянницы могут превзойти всех их, вместе взятых.

После смерти дяди Каролина торопится опубликовать его письма Жорж Санд (1884 год), затем приходит черед его рассказа о совместном с Дюканом путешествии в Бретань. У племянницы писателя остается еще непочатый край его переписки.

До наших дней сохранились 4335 писем Флобера. И все они были опубликованы. Известно, что большая часть переписки была уничтожена еще при жизни Флобера, а после его смерти — теми людьми, с кем он вел переписку, или же их наследниками. Часть писем, возможно, просто где-то затерялась. Например, до наших дней не сохранилось ни одного письма Флобера в адрес Жюльетты Эрбер, его английской возлюбленной, которая занимала хоть и тайное, но весьма важное место в жизни писателя. И все же то, что каким-то чудом уцелело и дошло до наших дней, представляет собой огромный пласт его богатого творческого наследия, долгое время скрываемый или лишь частично приоткрытый, который можно назвать планетой Флобера. Перед нами Флобер, словно живой, во всех своих ипостасях. Человек мощный, бурный, радушный, необузданный, памфлетист, ворчун, влюбленный, распутник, мыслитель, теоретик в области художественной литературы. Он воплощал еще много чего в одном лице.

С разрешения Каролины его переписка была опубликована в 1926 году. Конечно, из писем писателя было изъято все, что могло показать племянницу или каких-либо близких ей людей в неприглядном свете, а также исключены многие фразы, которые она посчитала «неприличными». Несмотря на значительные купюры, переписка Флобера открывает для критики и широкой публики возможность познакомиться с неизвестным Флобером и составить о нем не то впечатление, которое складывается о писателе после чтения его романов. Творческое наследие Флобера начинает новую жизнь. Его произведения, всесторонне исследованные и изученные критикой, прошедшие через сито всех известных в XX веке методов языкового, генетического, социологического, семиотического, исторического, структурального анализов, остаются до сих пор предметом научных изысканий.

И все же главное для писателя — это его произведение. Рассказ о его жизни оправдан только в случае, если мы хотим

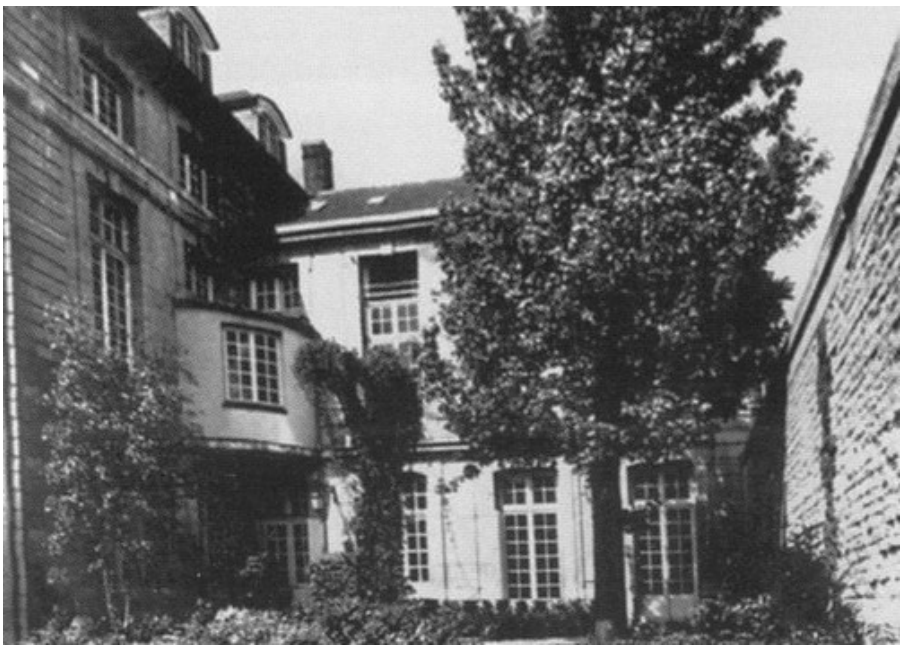
понять, к чему он стремился. Часто мы не замечаем того, что происходит с нами в реальной жизни. Мы лишь выбираем путь, по которому будем идти. Все поступки Флобера, а его нельзя на первый взгляд назвать человеком действия, не позволяют нам судить о том, чем был для него писательский труд, мобилизовавший все его физические силы и державший в постоянном напряжении его творческую мысль, для чего писатель шел на все жертвы. Жизнь Флобера, полная творческих мук, разочарований и бурных восторгов, прошла в тиши кабинета в Круассе. Он писал книги и умер. Такой могла бы быть эпитафия на его могильной плите. Но на могиле писателя она отсутствует. Он не любил подводить черты.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

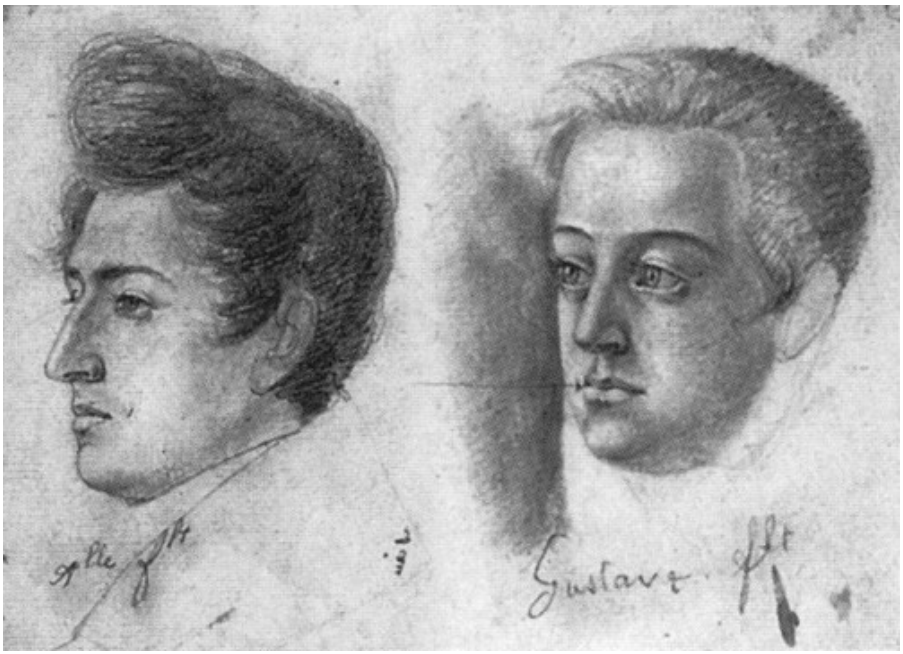
Ашиль Клеофас Флобер, отец Гюстава. Гравюра. XIX в.

Анна Жюстина Каролина Флобер, мать Гюстава. Гравюра. XIX в.

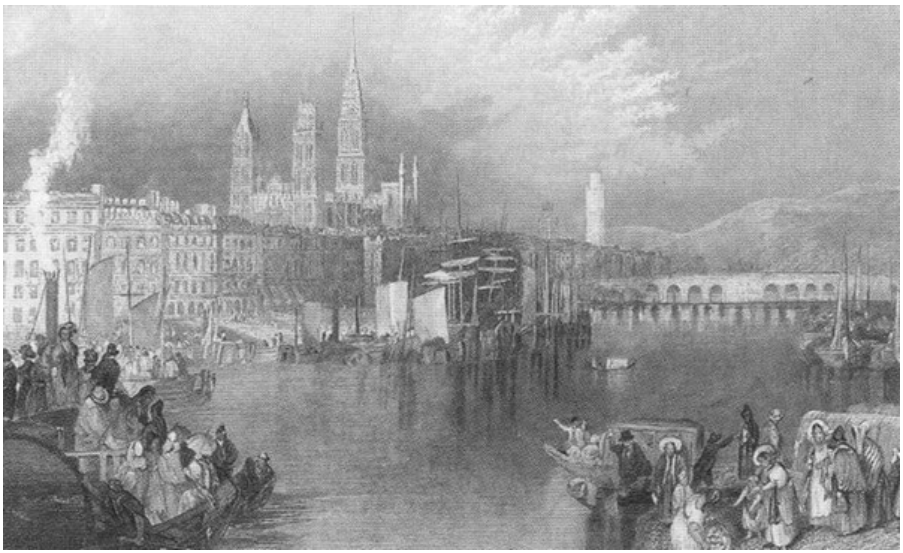
Гюстав Флобер в детстве. Гравюра Э. Г. Ланглуа. 1830 г.



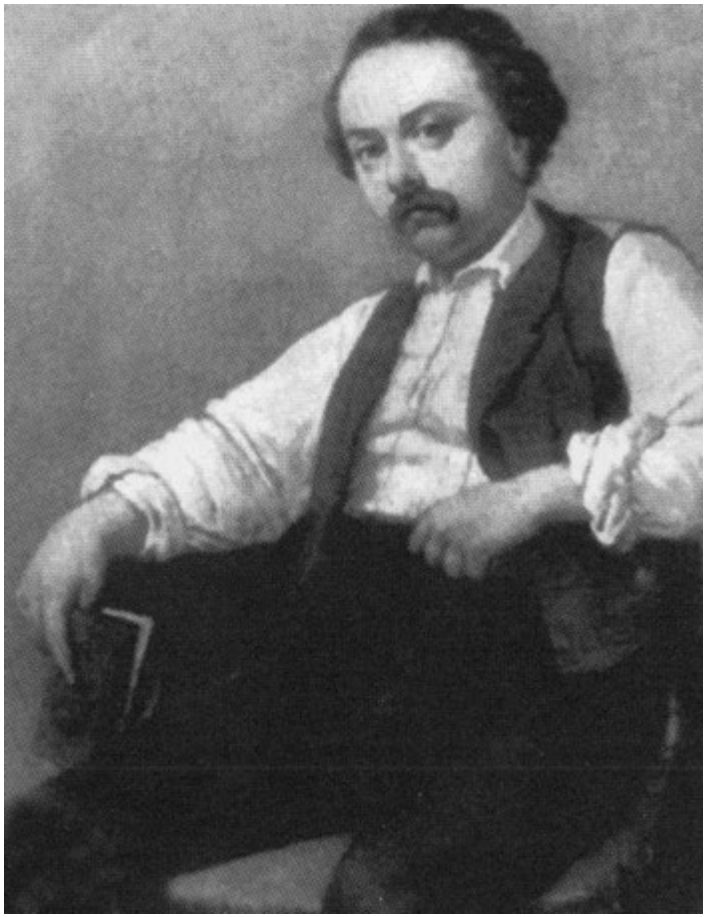
Здание городской больницы в Руане



Ашиль и Гюстав Флоберы в юношеском возрасте. Рисунки Д. Делануа. 1836 г.



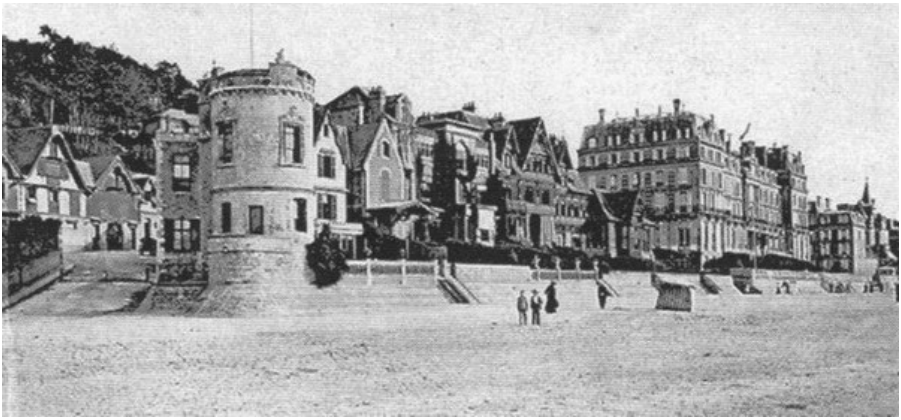
Руан. Вид со стороны гавани. Офорт. 1830-е гг.



Гюстав Флобер (?) Художник Ж. Тутен-Ревель. 1840-е гг.

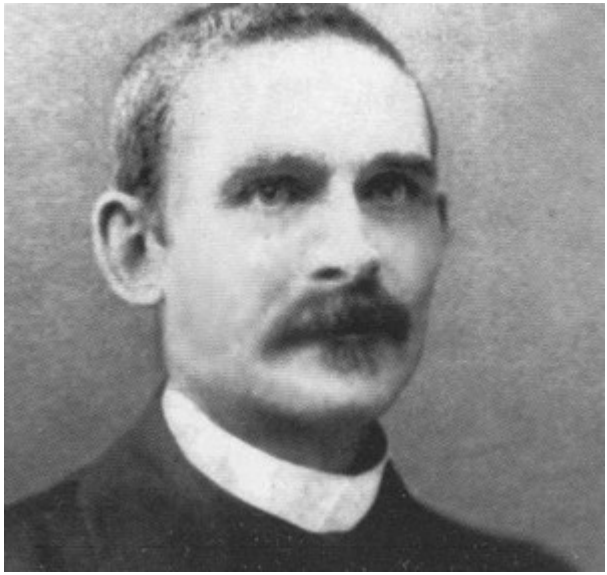
«Павильон Флобера» — флигель усадебного дома в Круассе. Открытка. XIX в.

Элиза Шлезингер с ребенком



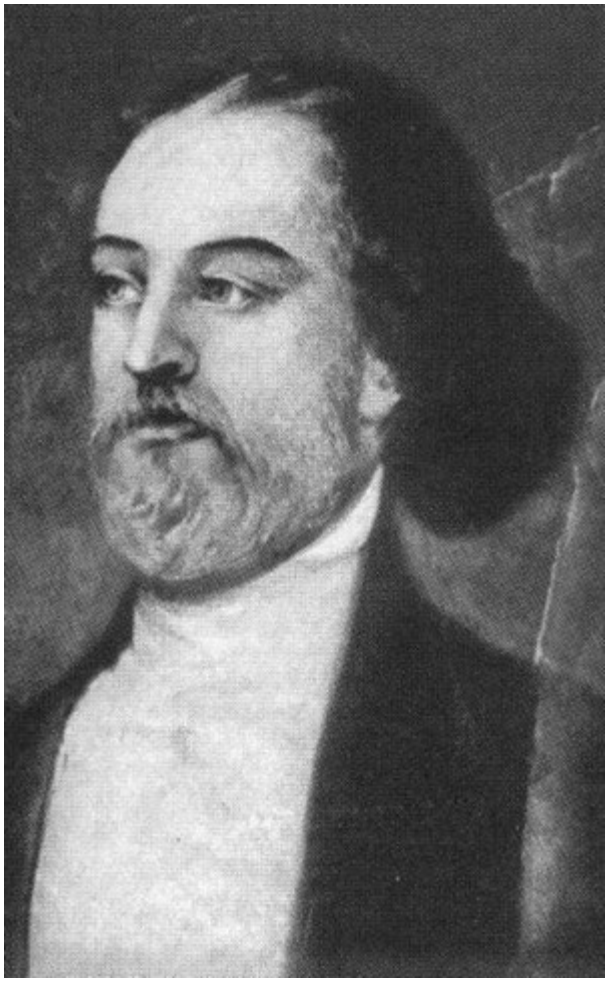
Виллы и пляж в Трувиле-сюр-Мер. Открытка. XIX в.

Эрнест Шевалье

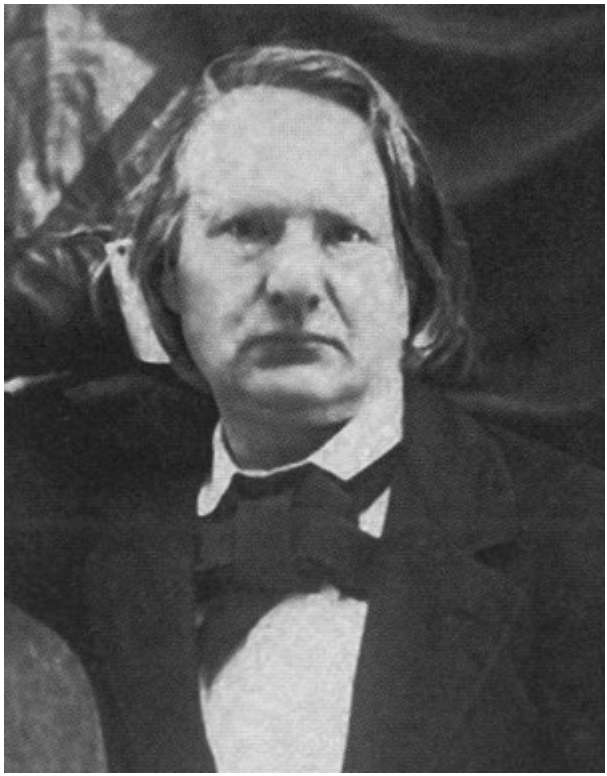


Альфред Ле Пуатвен

Луиза Коле. Художник Ф. К. Винтерхальтер. 1852 г.



Гюстав Флобер. Художник Э. Бержевен.1850-е гг.

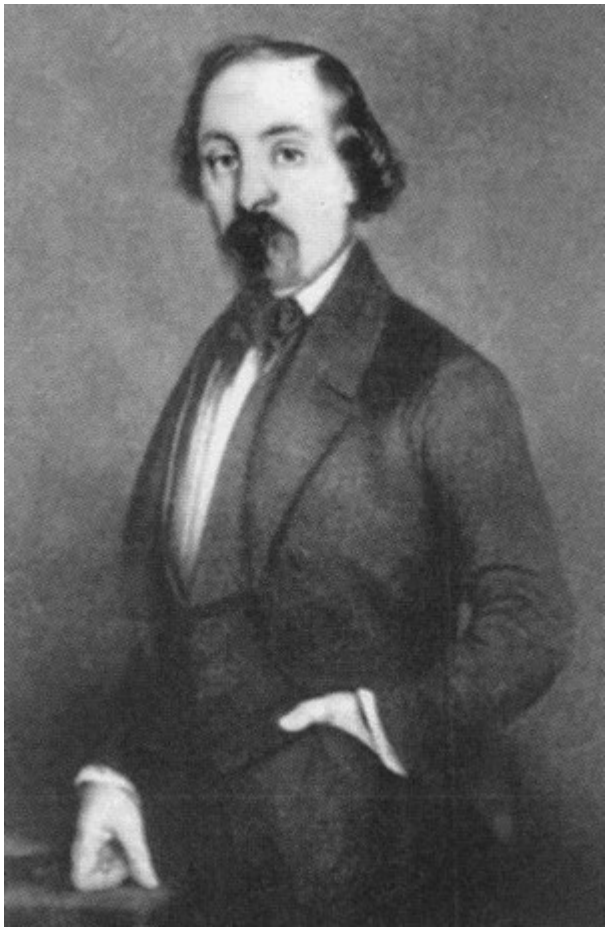


Виктор Гюго. 1853 г.

Теофиль Готье. 1850-е гг.

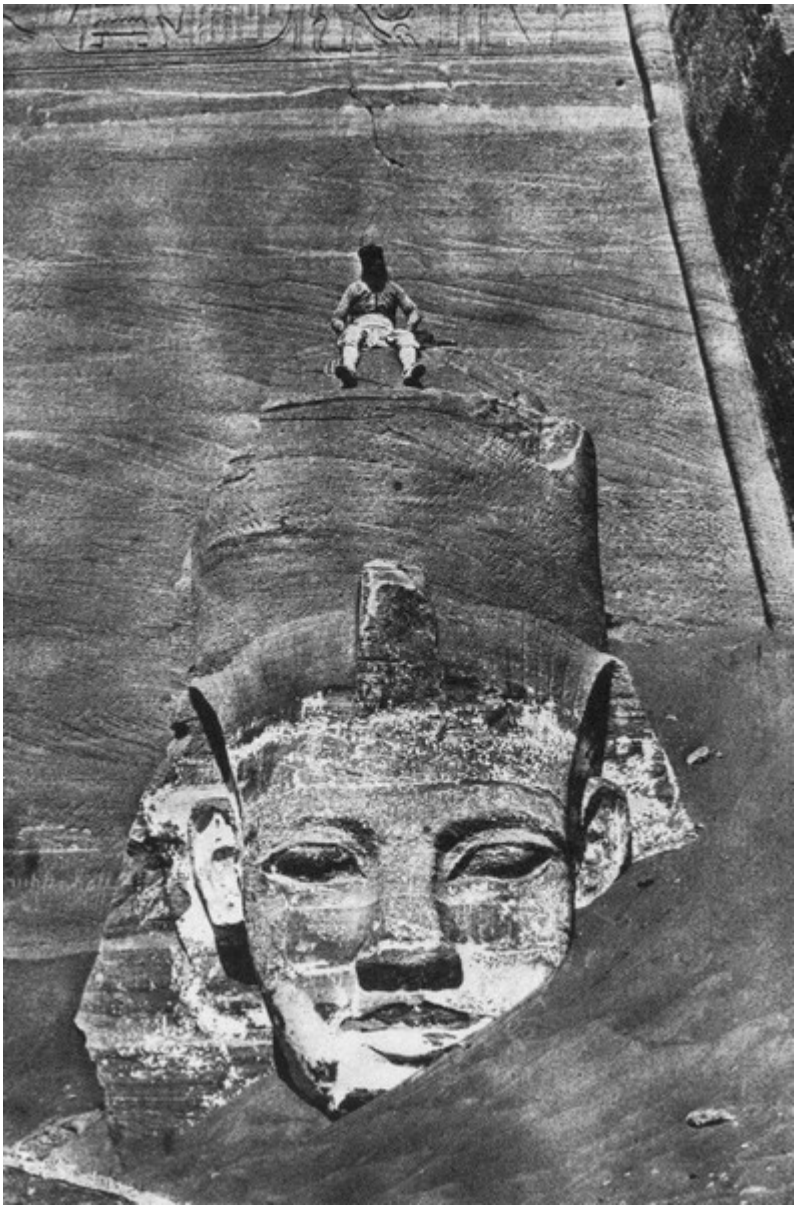
Искушение святого Антония. Художник П. Брейгель Старший. 1568 г.

Кабинет Флобера. Литография. XIX в.



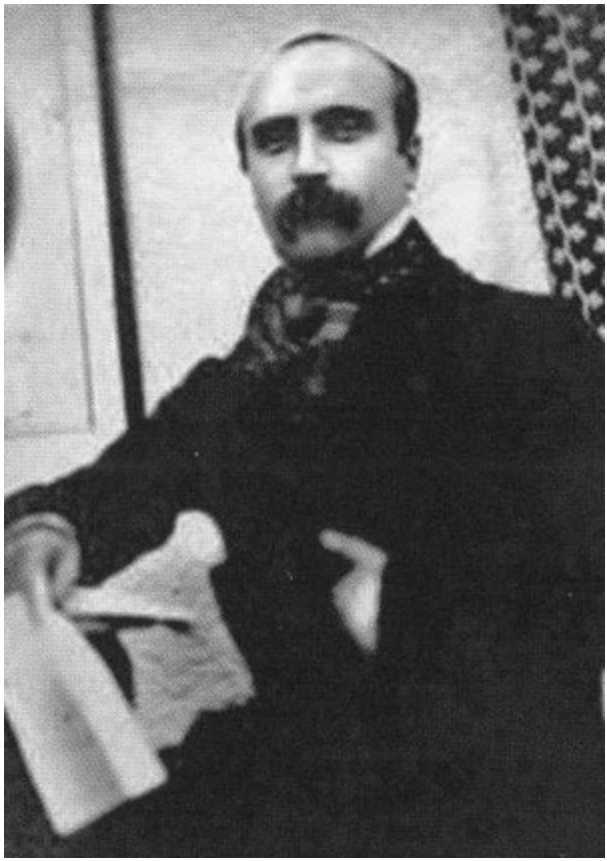
Луи Буйе. 1840-е гг.

Париж вечером 23 февраля 1848 года. Процессия с телами убитых демонстрантов. Литография. Середина XIX в.



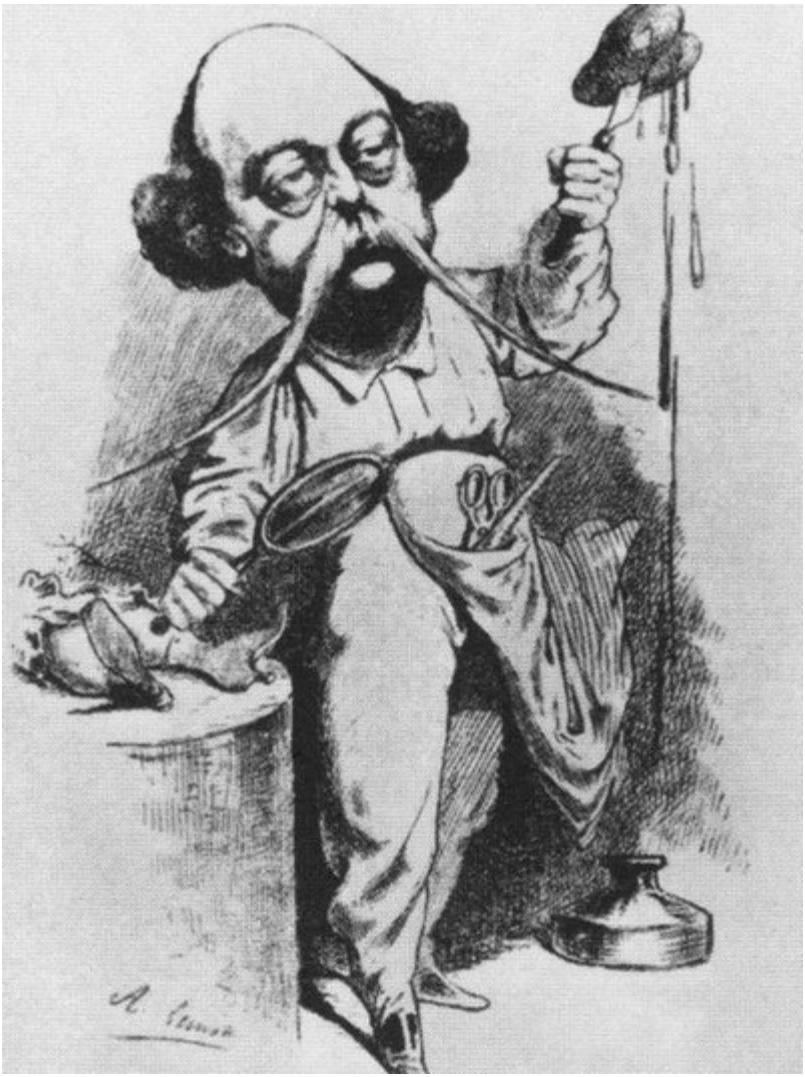
Нубия. Абу-Симбел. Колосс у западной стороны входа в храм. Фото М. Дюкана. 1850 г.

Максим Дюкан. 1860 г.



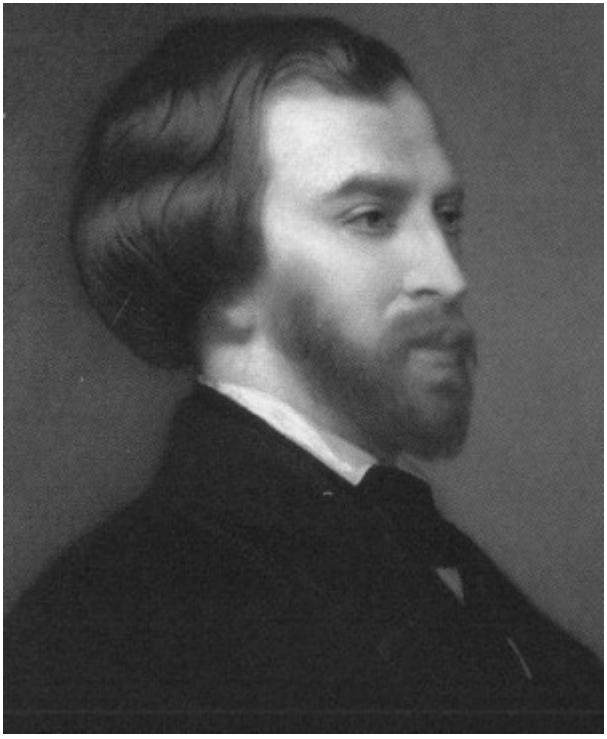
Гюстав Флобер в Египте. 1850 г.

Танцовщицы Эсны. Цветная литография. XIX в.

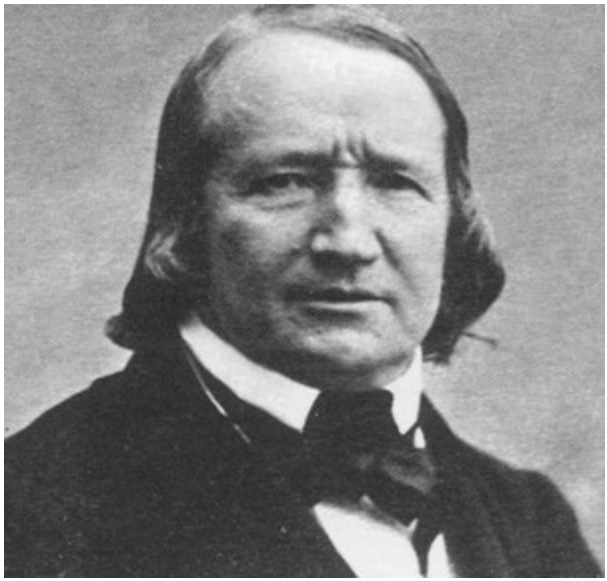


Флобер, препарирующий мадам Бовари. Карикатура. 1869 г.

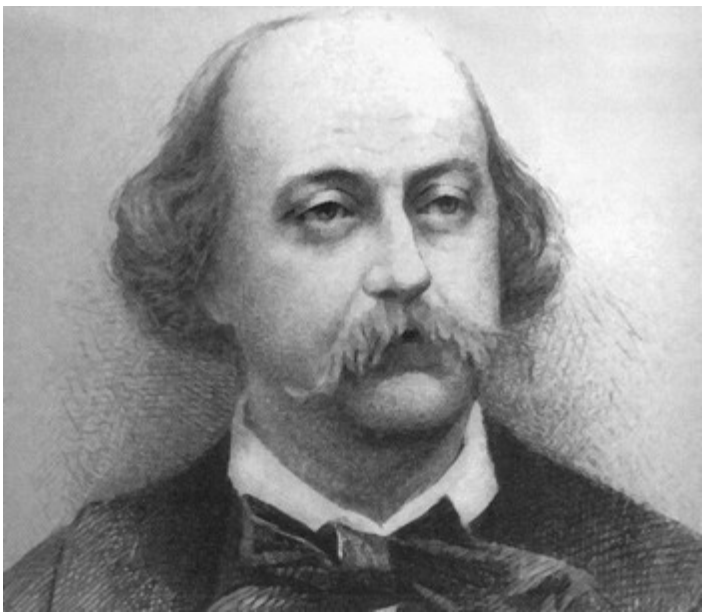
Свадьба Эммы и Шарля. Иллюстрация к роману «Госпожа Бовари». 1905 г.



Альфред де Мюссе. Художник Ш. Ландель. 1854 г.

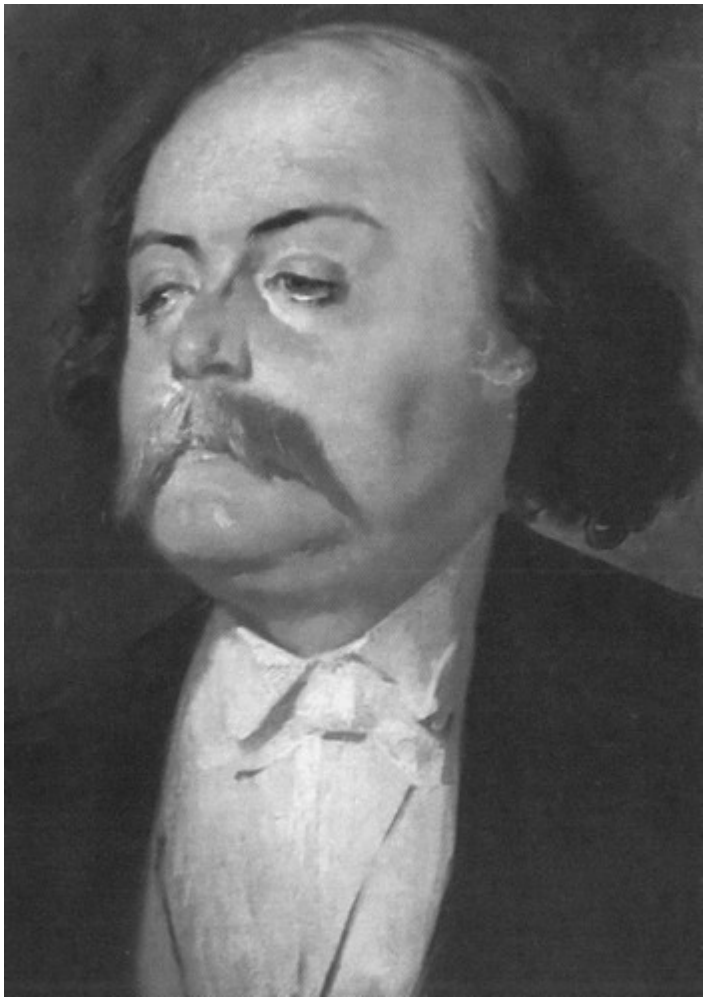


Альфред де Виньи. Конец 1850-х гг.



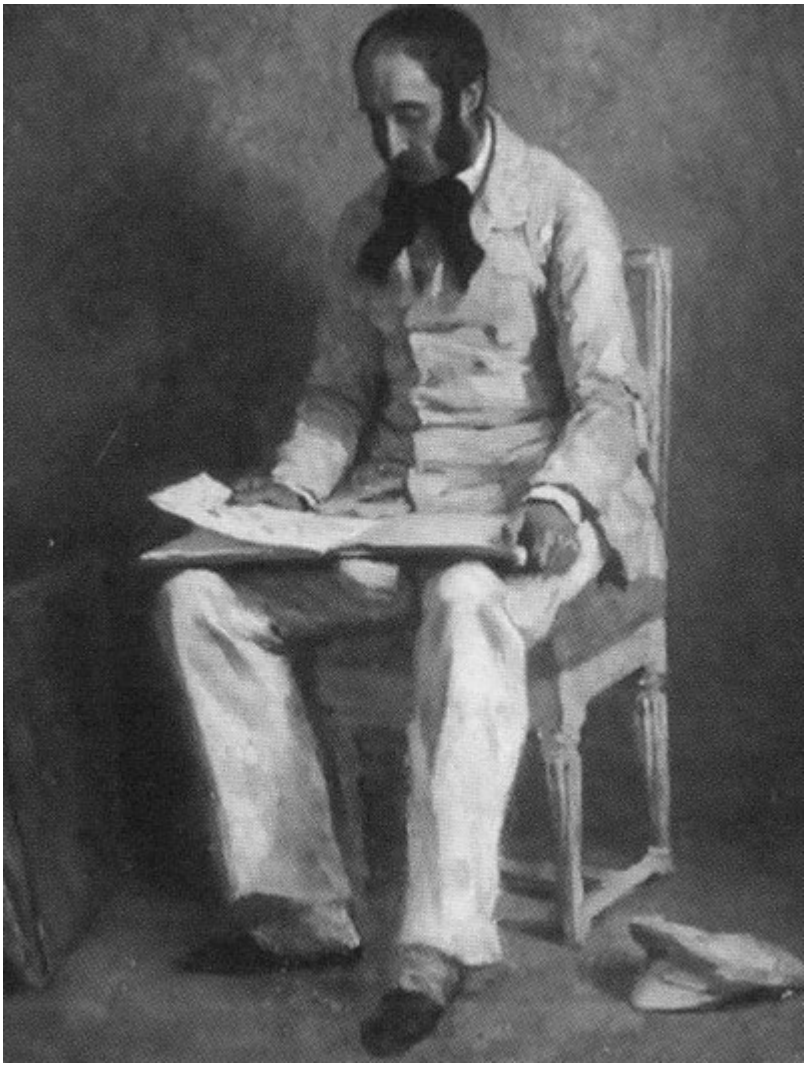
Гюстав Флобер. Литография. XIX в.

Парижский бульвар дю Тампль. Дагеротипия. 1838 г.



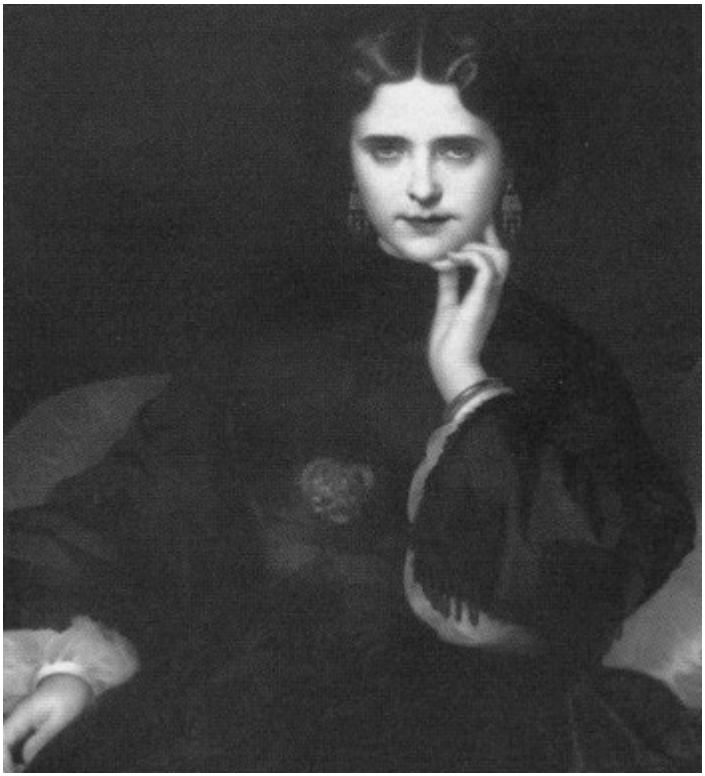
Гюстав Флобер. Художник Э. Жиро. 1856 г.

Саламбо. Художник Ж. Туло. 1886 г.



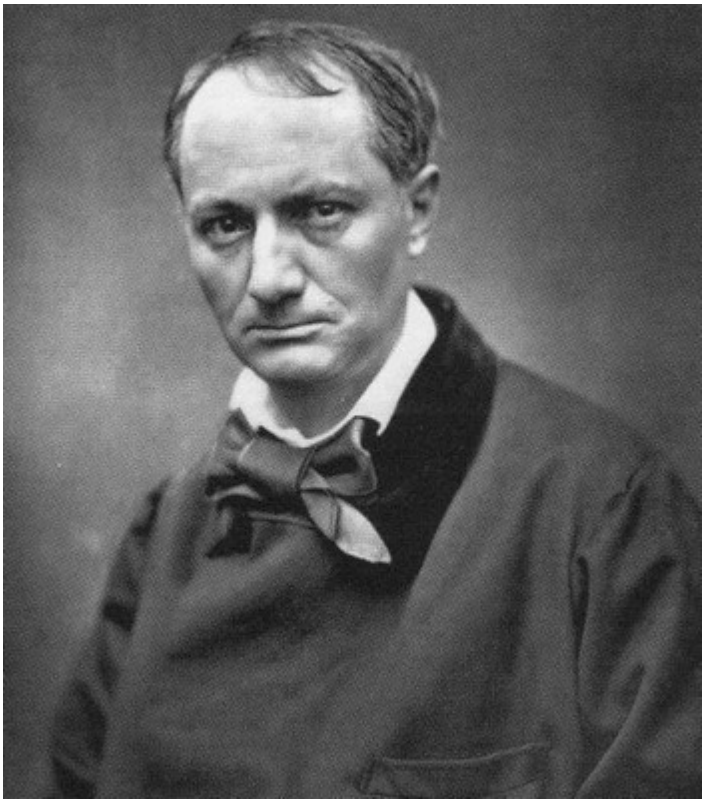
Эрнест Фейдо. Художник Чаплин

Эрнест Ренан. 1870-е гг.

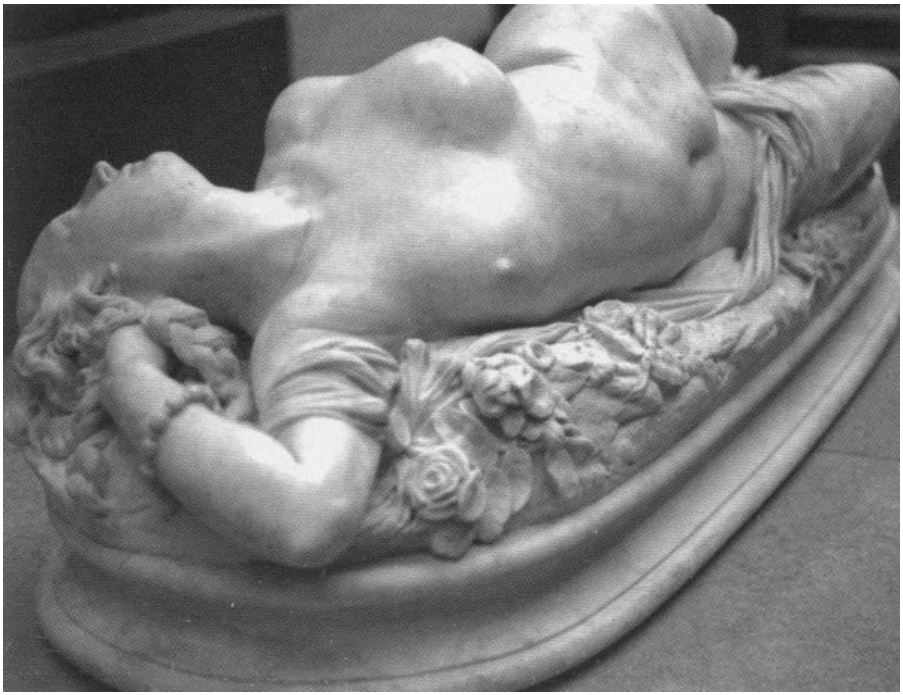


Жанна де Турбе. Художник Е. Э. Амори-Дюваль. 1862 г.

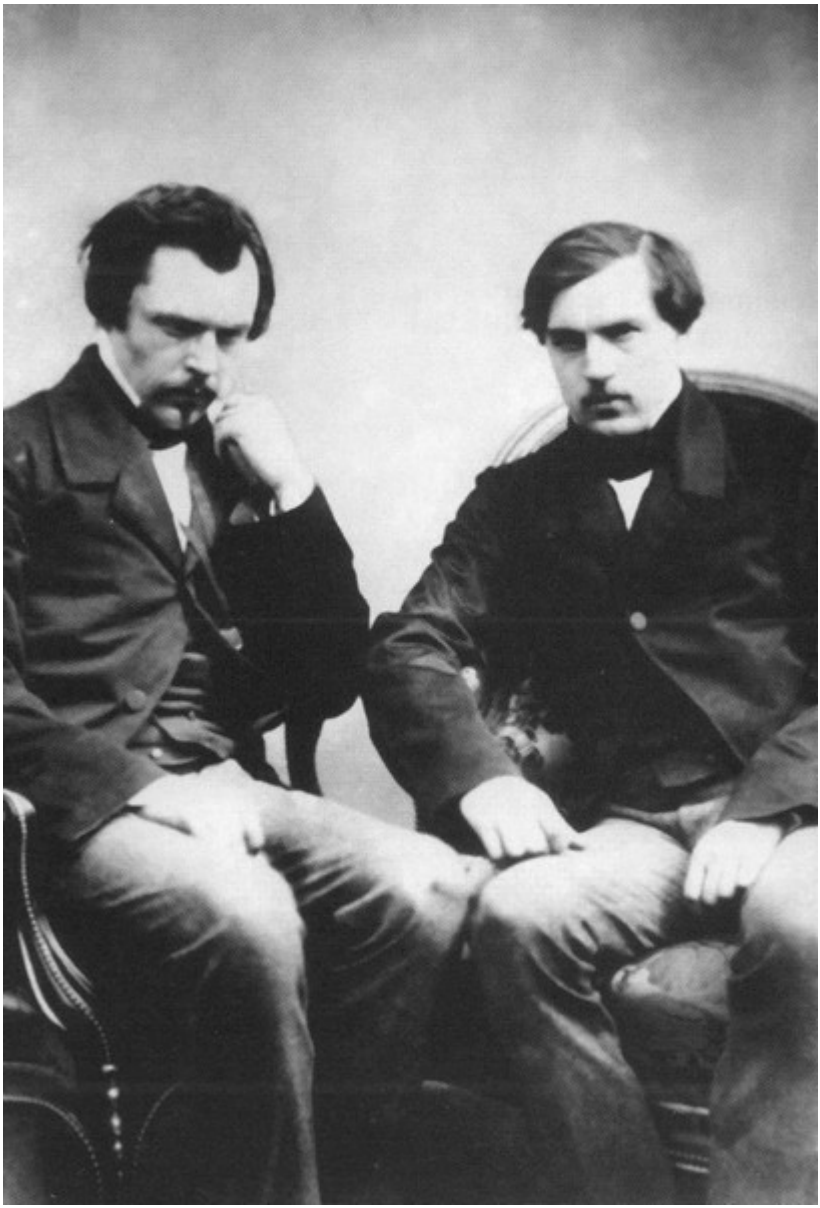
Аполлония Сабатье. Художник Л. Г. Рикар. XIX в.



Шарль Бодлер. 1863 г.

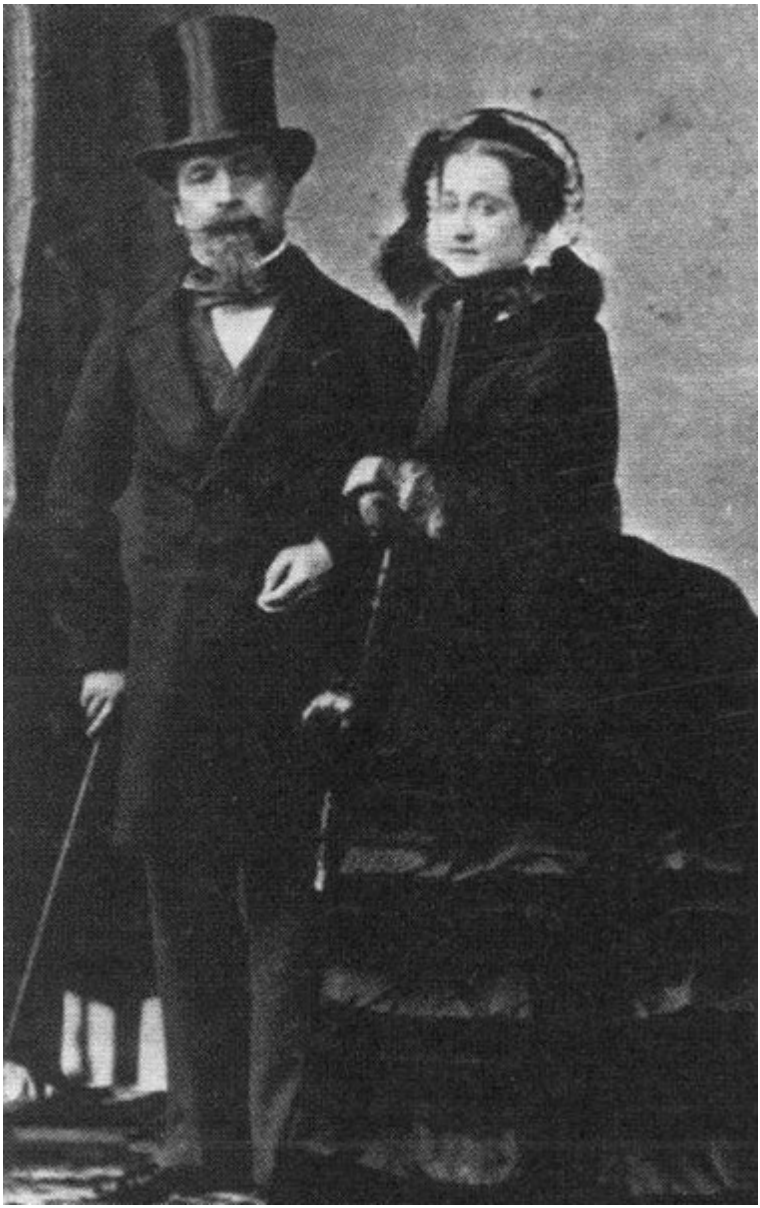


Женщина, ужаленная змеей. Скульптор О. Клезенже. 1847 г. Моделью скульптору служила госпожа Сабатье



Эдмон и Жюль де Гонкуры. 1860-е гг.

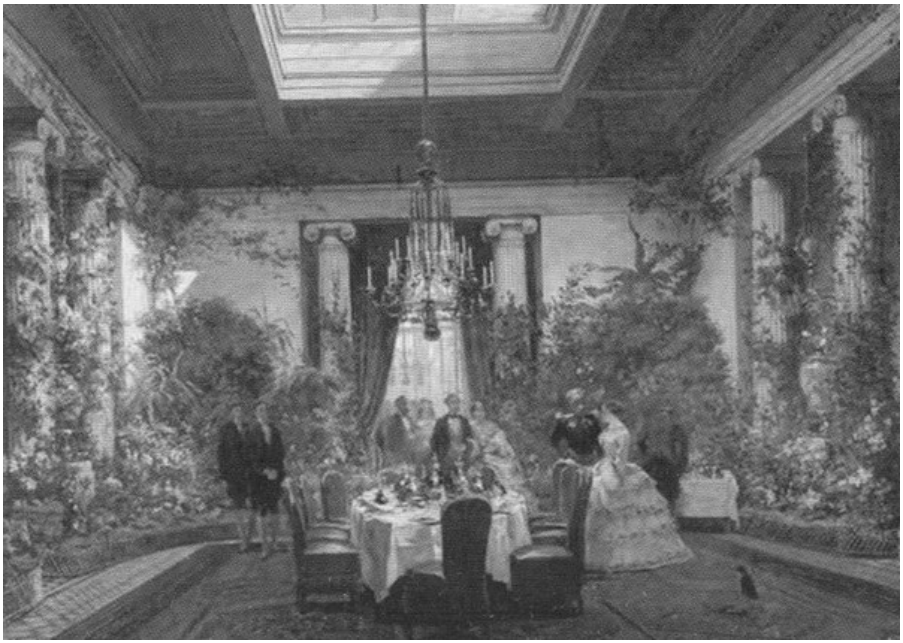
Шарль Огюстен де Сент-Бёв. Около 1860 г.



Наполеон III Бонапарт и императрица Евгения. 1865 г.

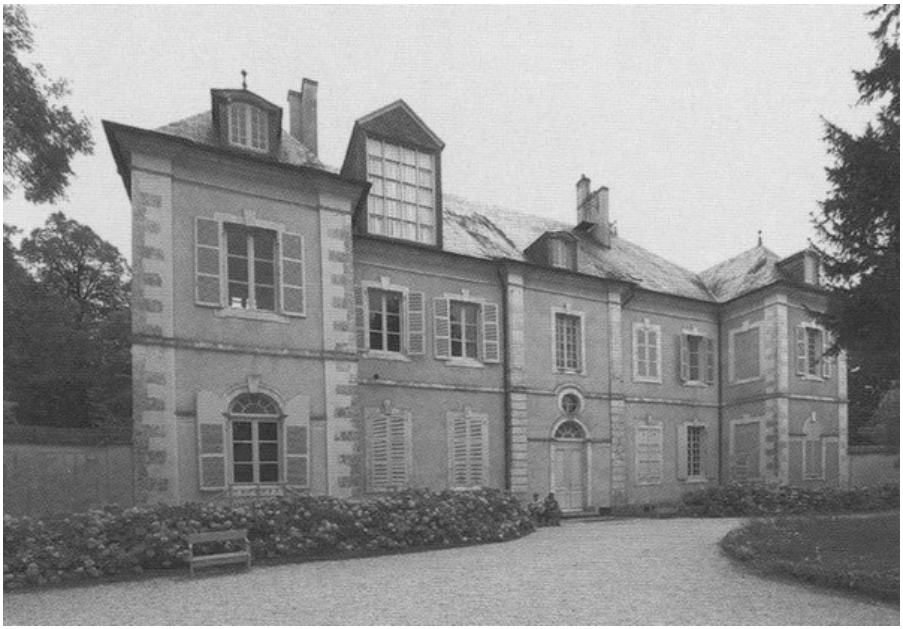
Графиня ди Кастильоне. 1860-е гг.

Принцесса Матильда Летиция Вильгельмина Бонапарт. Художник Э. Дюбюф. Около 1862 г.



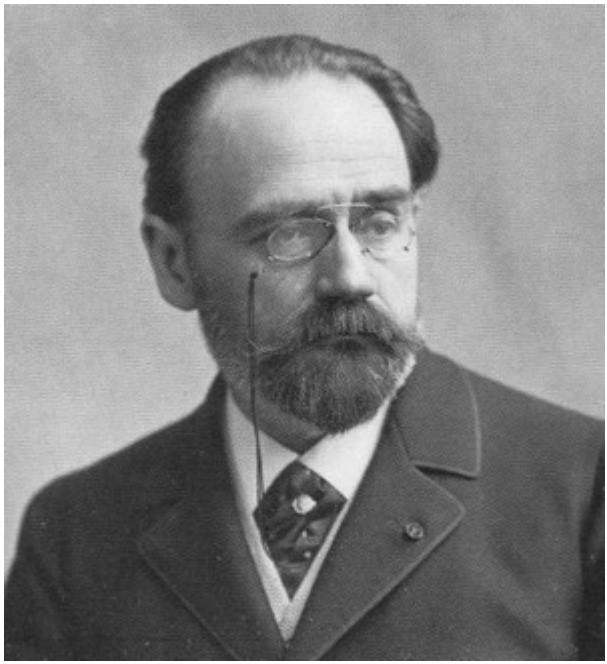
Обеденный зал принцессы Матильды. Художник С. Ш. Жиро. 1854 г.

Жорж Санд. 1864 г.

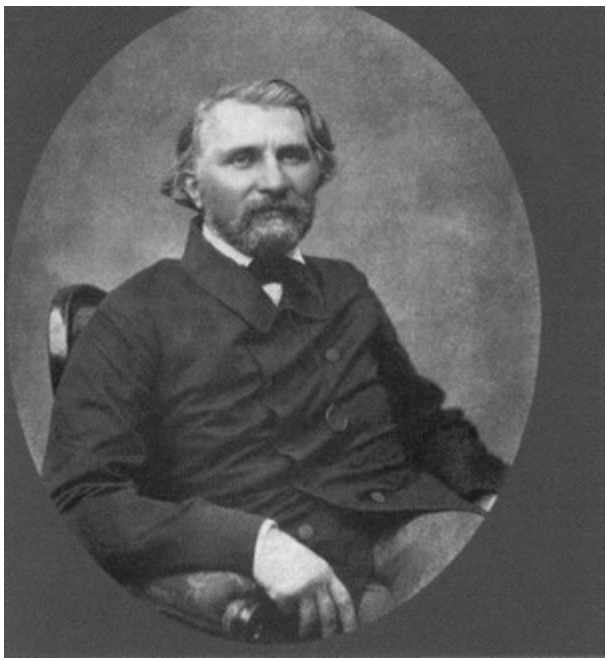


Усадьба Ноан. Современное фото

Ги де Мопассан. 1860-е гг.



Эмиль Золя. 1870-е гг.



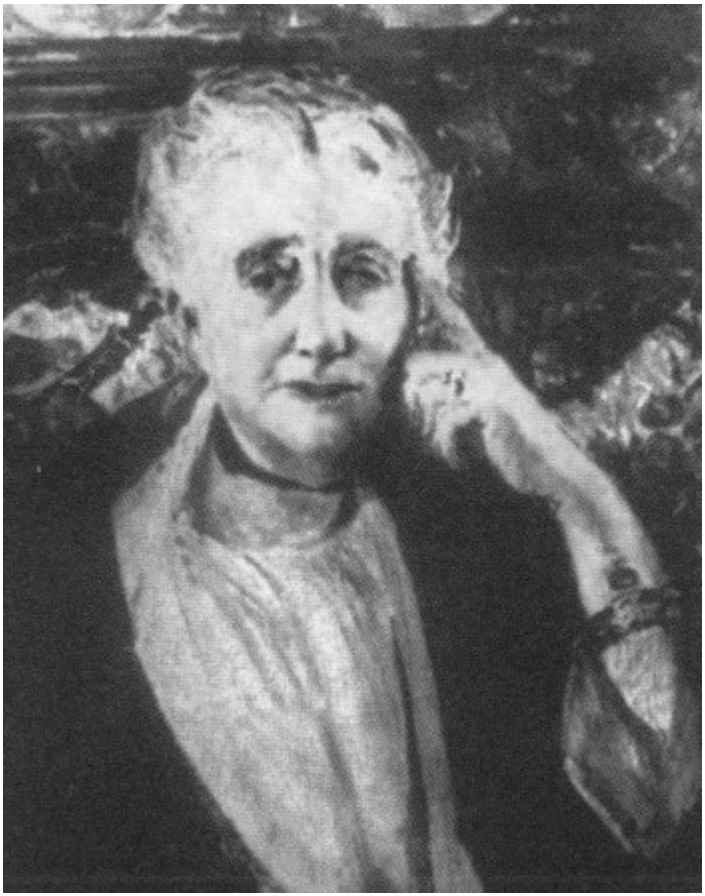
Иван Сергеевич Тургенев. 1860-е (?) гг.

Барбе д'Оревильи. Гравюра. 1869 г.

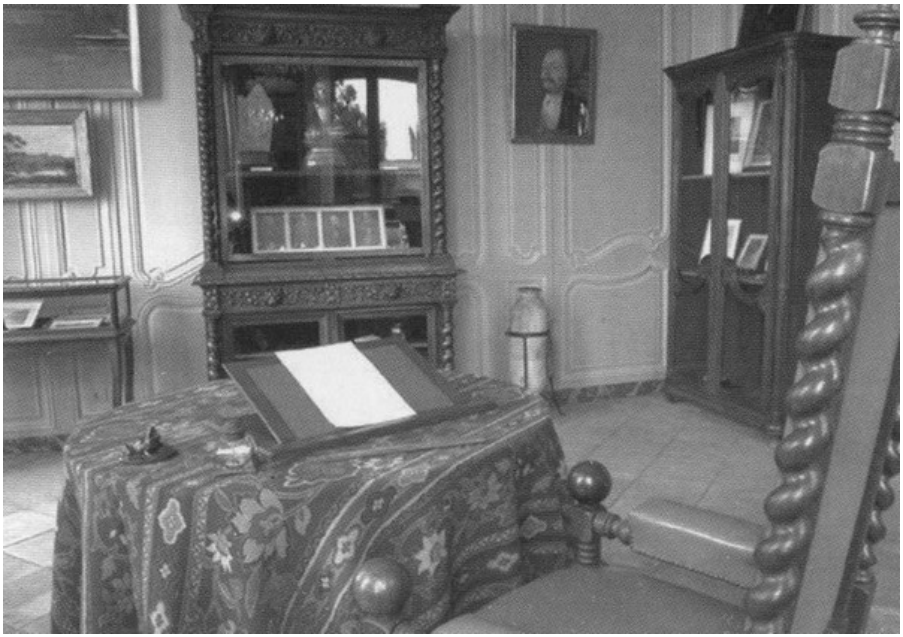
Альфонс Доде. 1860-е гг.

Посмертная маска Флобера

Место захоронения Гюстава Флобера и членов его семьи на кладбище в Руане. Современное фото



Племянница Флобера Каролина Гру, в первом замужестве Комманвиль. 1920-е гг.



Интерьер мемориального музея Флобера в Круассе

Памятник Гюставу Флоберу в Руане. Скульптор А. М. Шато. 1890 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГЮСТАВА ФЛОБЕРА

1821, 12 декабря — в семье главного хирурга городской больницы Руана Ашиля Клеофаса и Анны Жюстины Каролины Флобер, урожденной Флерио, родился сын Гюстав. Их первенцу Ашилю было восемь лет, три других ребенка умерли в младенчестве.

1824 — рождение Каролины Флобер, сестры Ашиля и Гюстава.

1825 — семья Флобер нанимает Жюли, которая будет прислуживать в доме Гюстава до самой смерти писателя.

1829 — начало дружбы с Эрнестом Шевалье.

1830 — написание первых сочинений: «Людовик XIII», «Похвальная ода Корнелю».

1832 — поступление в восьмой класс Королевского коллежа Руана.

1833 — поездка с семьей в Нормандию, Ножан-сюр-Сен, Версаль, Париж.

1834 — проводит летние каникулы в городке Трувиль-сюр-Мер. В коллеже вместе с Эрнестом Шевалье выпускает рукописный журнал «Искусство и прогресс».

1835 — выход второго (и последнего) номера журнала «Искусство и прогресс».

1836 — встреча в Трувиль-сюр-Мер во время каникул с Элизой Фуко (Шлезингер) — своей первой юношеской любовью.

1837 — встреча с Альфредом Ле Пуатвеном, лучшим другом в юные годы. Будущий писатель публикует в литературном журнале Руана «Колибри» новеллу «Библиомания, или Первый урок естественного течения».

1838 — поступает в класс риторики. Написание повести «Мемуары безумца».

Октябрь — переход в класс философии.

Декабрь — исключение из класса философии из-за «бунта» учащихся. Сочинил драму «Смар, старинная мистерия».

1840 — получение степени бакалавра. Поездка в Пиренеи и на Корсику. Встреча в Марселе с Элали Фуко, с которой пережил страстную, но короткую любовную связь.

1841, ноябрь — по желанию отца поступает на факультет права Парижского университета.

Декабрь — приступает к занятиям в университете.

1842 — продолжение занятий на факультете права. Флобер

сильно тяготится занятиями юриспруденцией. Повесть «Ноябрь».

1843 — берется за написание романа «Воспитание чувств».

Встреча с Максимом Дюканом. Посещение мастерской скульптора Жан Жака Прадье. Провал на экзамене за второй курс на факультете права. Окончание повести «Ноябрь».

1844, январь — оставляет учебу в Парижском университете после нервного криза.

Апрель — доктор Флобер покупает большой дом в Круассе на берегу Сены, где Гюстав будет проживать до конца жизни.

1845 — свадьба Каролины Флобер и Эмиля Амара. Гюстав вместе с родителями сопровождает новобрачных в свадебном путешествии в Италию. В Генуе Гюстав в первый раз увидел картину Питера Брейгеля Старшего «Искушение святого Антония». Первая редакция романа «Воспитание чувств».

1846, 15 января — смерть доктора Флобера.

22 марта — умирает сестра Каролина, оставив сиротой месячную дочь Каролину.

Май — женитьба Альфреда Ле Пуатвена.

Июнь — встреча с Луизой Коле в мастерской скульптура Прадье и начало пылкой любовной связи.

1847 — трехмесячный поход с Максимом Дюканом в Анжу и Бретань. В соавторстве с другом сочиняет «По лугам и песчаным берегам» и приступает к написанию философской драмы «Искушение святого Антония».

1848, 22–25 февраля — Флобер с Дюканом и Буйе становятся свидетелями революционных событий в Париже.

Март — разрыв с Луизой Коле.

Апрель — смерть Альфреда Ле Пуатвена.

1849, сентябрь — окончание романа «Искушение святого Антония», чтение Луи Буйе и Максиму Дюкану.

29 октября — отъезд в Александрию.

1850 — путешествие по Египту, Палестине, Османской империи.

1851 — возвращение с Востока в Европу. Пребывание в Греции, затем в Италии.

Сентябрь — начало работы над «Госпожой Бовари», которая продлится 56 месяцев. Возобновление любовных отношений с Луизой Коле.

1854 — второй разрыв с Луизой Коле.

1855 — переселяется в Париж в квартиру на бульваре дю Тампль, время от времени наведывается в Круассе.

1856, апрель — конец работы над романом «Госпожа Бовари».

Май — октябрь — работа над вторым вариантом книги «Искушение святого Антония».

1 октября — 15 декабря — публикация романа частями в журнале «Ревю де Пари», главным редактором которого является Максим Дюкан.

1857, январь — судебный процесс за посягательство на общественную мораль.

Февраль — оправдание Флобера.

Апрель — отдельное издание романа «Госпожа Бовари. Провинциальные нравы».

1858, апрель — июнь — путешествие в Алжир и Тунис с целью собрать материал для написания романа «Саламбо».

1862 — издание романа «Саламбо». Светский период жизни.

1863 — знакомство с Иваном Тургеневым и принцессой Матильдой.

1864 — начинает работу над романом «Воспитание чувств».

Приглашение к Наполеону III в Компьень.

1866, лето — поездка в Лондон для свидания с Жюльеттой Эрбер. Награждение орденом Почетного легиона. Приезд в Круассе Жорж Санд.

1869 — смерть Луи Буйе. Окончательная редакция и публикация книги «Воспитание чувств». Провал романа.

1870 — смерть Жюля Дюплана и Жюля де Гонкура. Франция объявляет войну Пруссии. Вступление в национальную гвардию в чине лейтенанта. Прусские солдаты занимают Круассе.

1871 — Парижская коммуна. Посещает принцессу Матильду в Брюсселе и едет к Жюльетте Эрбер в Лондон. Переработка «Искушения святого Антония».

Ноябрь — приезд в Круассе Элизы Шлезингер.

1872 — смерть госпожи Флобер, матери писателя. Уход из жизни Теофиля Готье. Заканчивает работу над третьим вариантом «Искушения святого Антония» и приступает к написанию романа «Бувар и Пекюше».

1873, апрель — пребывание в Ноане у Жорж Санд.

Конец весны — лето — работа над неоконченной пьесой Луи Буйе «Слабый пол». Начинает сочинять пьесу «Кандидат».

1874, 11 марта — премьера пьесы «Кандидат». Провал.

Конец года — трудится над романом «Бувар и Пекюше».

1875 — банкротство Эрнеста Комманвиля, мужа племянницы Каролины. Гюстав жертвует частью имущества, чтобы Комманвиль не попал в долговую тюрьму. Гостит у Жоржа Пуше в Конкарно. Приостанавливает работу над романом «Бувар и Пекюше» ради написания «Трех повестей» («Простое сердце», «Легенда о святом Юлиане Страннопримце», «Иродиада»).

1876, 8 марта — смерть Луизы Коле.

8 мая — смерть Жорж Санд.

1877 — издание «Трех повестей». Гостит в замке Шенонсо. Поездка в Сен-Гратьен к принцессе Матильде.

1878 — работа над романом «Бувар и Пекюше». Поездка в Этрета к Лоре де Мопассан.

1879 — перелом малой берцовой кости. Денежные проблемы. Получение государственной субсидии.

1880, 8 мая — смерть Гюстава Флобера.

1881 — издание романа «Бувар и Пекюше».

ЛИТЕРАТУРА

Barnes J. Le Perroquet de Flaubert. Paris: Stock, 1986.

Biasi P. M. Gustave Flaubert: une maniéré spéciale de vivre. Paris: Grasset, 2009.

Debray-Genette R. Flaubert. Paris: Librairie Marcel Didier, 1970.

Du Camp M. Souvenirs littéraires, préface / édition de D. Oster. Paris: Aubier, 1994.

Flaubert G. Correspondance / édition établie, présentée et annotée par J. Bruneau, Paris: Gallimard; Bibliothèque de la Pléiade. T. I (1830 — juin 1851), 1973. T. II (Juillet 1851 — fin 1858), 1980. T. III (1859–1868), 1991. T. IV (1869–1875), 1998.

Flaubert G. L'Education sentimentale. Paris: Gallimard, 2005.

Flaubert G. La Tentation de saint Antoine / édité par C. Gothot-Merch. Paris: Gallimard, 1983.

Flaubert G. Les Mémoires d'un fou. Novembre. Pyrénées — Corse. Voyage en Italie. Paris: Gallimard, 2001.

Flaubert G. Madame Bovary. Paris: Le Livre de Poche, 1856.

Flaubert G. Oeuvres completes: 18 vol. / édition établie par M. Nadeau. Lausanne: Rencontre, 1964–1965.

Flaubert G. Souvenirs, notes et pensées intimes. Paris: Buchet-Chastel, 1995.

Flaubert G. Voyage en Orient. Paris: Gallimard, 2006.

Franklin-Grout C. Gustave Flaubert: Heures d'autrefois: Mémoires inédits. Souvenirs intimes et autres texts / édité par Matthieu Desportes. Rouen: Université de Rouen, 1999.

Girard R. Mensonge romantique et vérité romanesque. Paris: Grasset, 1961.

Goncourt, Edmond et Jules. Journal: 3 vol. Paris: Robert Laffont, 1989.

Guinot J. B. Dictionnaire Flaubert. Paris: CNRS, 2010.

Llosa M. V. L'Orgie perpétuelle (Flaubert et Madame Bovary). Paris: Gallimard, 1978.

Lottman H. R. Gustave Flaubert / éditeur le Livre de Poche. Paris: Fayard, 1979:

Maupassant G. Chroniques: 3 vol. / édition de H. Juin. Paris: U. G. E., 1980.

Sand G. Lettres d'une / vie, choix et présentation de T. Bodin. Paris: Gallimard, 2004.

Sartre J. P. L'Idiot de la famille, Gustave Flaubert de 1821 à 1857: 3 vol. Paris: Gallimard, 1971–1972.

Sartre J. P. Qu'est-ce que la littérature? Paris: Gallimard, 1985.

Thibaudet A. Gustave Flaubert. Paris: Gallimard, 1982.

Troyat H. Gustave Flaubert. Paris: Flammarion, 1988.

Zola E. Du roman, sur Stendhal et les Goncourts. Paris: Complexe, 1989.

Гонкур Э. Дневник. Записки о литературной жизни: Т. 1 [1851–1870 гг.]; Т. 2 [1870–1896 гг.]. М.: Художественная литература, 1964.

Сартр Ж. П. Идиот в семье. СПб.: Алетейя, 1998.

Труайя А. Гюстав Флобер. М.: Эксмо, 2005.

notes

Примечания

1

Письмо Элизе Шлезингер. 14 января 1857 года.

2

Письмо Луизе Коле. 7 июля 1853 года.

3

Там же.

4

Жанна д'Арк, Орлеанская дева (1412–1431) — национальная героиня Франции, одна из главнокомандующих французскими войсками в Столетней войне. — *Прим. пер.*

5

Цит. по: *Franklin-Grout C.* Gustave Flaubert: Heures d’autrefois: Mémoires inédits. Souvenirs intimes et autres texts / édité par Matthieu Desportes. Rouen: Université de Rouen, 1999.

6

«Дон Кихот» — роман великого испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547–1616). — *Прим. пер.*

7

Письмо к матери. Константинополь. 24 ноября 1850 года.

Цит. по: *Franklin-Grout C.* Op. cit.

9

Письмо Эрнесту Шевалье. Февраль 1831 года.

10

Lottman H. R. Gustave Flaubert / éditeur Le livre de Poche. Paris: Fayard, 1979. P. 42.

11

Письмо Луизе Коле. 16 января 1852 года.

12

Коллеж — учебное заведение во Франции, Бельгии, франкоязычных кантонах Швейцарии и ряде стран Африки и Азии, ранее входивших в состав французской колониальной империи. Во Франции первые коллежи возникли в Средние века при университетах. — *Прим. пер.*

13

Flaubert G. Novembre // *Flaubert G.* Les Mémoires d'un fou. Novembre. Pyrénées — Corse. Voyage en Italie. Paris: Gallimard, 2001. P. 117.

14

См.: Предисловие Флобера к книге Луи Буйе «Последние песни» («Les Demieres chansons») 1872 года.

15

Письмо, адресат неизвестен. 11 сентября 1833 года.

Lottman H. R. Op. cit. P. 47.

17

Марсель Пруст (Валентен Луи Жорж Эжен Марсель Пруст) (1871–1922) — французский писатель, новеллист и критик, представитель модернизма в литературе. — *Прим. пер.*

18

Письмо Эрнесту Шевалье. 24 февраля 1842 года.

19

Франсуа Рабле (1494–1553) — французский писатель эпохи Ренессанса, наиболее известен как автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». — *Прим. пер.*

20

Джордж Ноэл Гордон Байрон (1788–1824) — английский поэт-романтик. — *Прим. пер.*

21

Письмо Эрнесту Шевалье. 13 сентября 1838 года.

22

Жан Батист Расин (1639–1699) — французский драматург. — *Прим. пер.*

23

Педро Кальдерон де ла Барка (1600–1681) — испанский драматург и поэт. — *Прим. пер.*

24

Лопе де Вега (1562–1635) — испанский драматург, поэт и прозаик. — *Прим. пер.*

25

Flaubert G. Les Mémoires d'un fou // *Flaubert G.* Les Mémoires d'un fou. Novembre. Pyrénées — Corse. Voyage en Italie. P. 73.

26

Ibid.

Flaubert G. Les Mémoires d’un fou. P. 81.

28

Письмо Луизе Коле. 31 января 1852 года.

29

Вальтер Скотт (1771–1832) — британский писатель, поэт, историк, собиратель древностей, адвокат. — *Прим. пер.*

30

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832) — немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель. — *Прим. пер.*

31

Письмо Эрнесту Шевалье. 29 августа 1834 года.

32

Письмо Луизе Коле. 31 января 1852 года.

33

Оноре де Бальзак (1799–1850) — французский писатель, один из основоположников реализма в европейской литературе. — *Прим. пер.*

34

Жан Жак Руссо (1712–1778) — французский писатель, мыслитель. — *Прим. пер.*

Flaubert G. Les Mémoires d’un fou. P. 102.

Ibid. P. 108.

37

Маркиз де Сад (Донасьен Альфонс Франсуа де Сад) (1740–1814) — французский аристократ, писатель и философ, проповедник абсолютной свободы. — *Прим. пер.*

38

Маркиз де Лафайет (Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер Мотье маркиз де Лафайет) (1757–1834) — французский политический деятель. — *Прим. пер.*

39

Flaubert G. Voyage en Corse // *Flaubert G.* Les Mémoires d'un fou. Novembre. Pyrénées — Corse. Voyage en Italie. P. 302.

Ibid. P. 303.

41

Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) — французский писатель и дипломат, один из первых представителей романтизма во французской литературе. — *Прим. пер.*

42

Братья де Гонкур — французские писатели-натуралисты *Жюль де Гонкур* (1830–1870) и *Эдмон де Гонкур* (1822–1896). — *Прим. пер.*

43

Flaubert G. Novembre // *Flaubert G.* Les Mémoires d'un fou. Novembre. Pyrénées — Corse, Voyage en Italie. P. 155.

44

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. 20 февраля 1860. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1 [1851–1870 гг.]. М.: Художественная литература, 1964.

45

Письмо Альфреду Ле Пуатвену. 15 апреля 1845 года.

46

Письмо Луизе Коле. 7 или 8 августа 1846 года.

Lottman H. R. Op. cit. P. 76.

48

Письмо Эрнесту Шевалье. 28 марта 1841 года.

49

Письмо Эрнесту Шевалье. 14 ноября 1840 года.

50

Письмо Эрнесту Шевалье. 30 ноября 1840 года.

51

Альфред де Мюссе (1810–1857) — французский поэт, драматург и прозаик, один из крупнейших представителей литературы романтизма. — *Прим. пер.*

52

Письмо Гурго-Дюгазону. 22 января 1842 года.

53

Письмо Эрнесту Шевалье. 25 июня 1842 года.

Цит. по: *Fauconnier B.* Cézanne. Paris: Gallimard, 2006.

55

Письмо сестре Каролине. 21 июля 1842 года.

56

Письмо Луизе Коле. 28 октября 1853 года.

57

Письмо Эмилии Боске. Ноябрь 1859 года.

58

Жан Жак Прадье (1790–1852) — французский художник и скульптор швейцарского происхождения. — *Прим. пер.*

59

Письмо Луизе Коле. 30 августа 1846 года.

60

Письмо Альфреду Ле Пуатвену. 2 апреля 1845 года.

61

Письмо сестре Каролине. 3 декабря 1843 года.

62

Письмо Луизе Коле. 2 сентября 1853 года.

63

Письмо Эрнесту Шевалье. 2 декабря 1843 года.

Barnes J. Le Perroquet de Flaubert. Paris: Stock, 1986.

65

Эдмон де Гонкур. Дневник. 28 марта 1880 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2 [1870–1896 гг.]. М.: Художественная литература, 1964.

66

Ги де Мопассан в газете «Жиль Блас» («Gil Blas»). 24 ноября 1890 года.

67

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. 19 сентября 1863 года.

68

Эмиль Золя. Журнал «Вестник Европы» («Le Messager de l’Europe»). Июль 1880 года.

69

Ги де Мопассан в газете «Ревю бле» («La Revue bleue»), 26 января 1884 года.

70

Письмо Эммануэлю Васс-де-Сент-Уану. Январь 1845 года.

71

См.: *Flaubert G.* Souvenirs, notes et pensées intimes. Paris: Buchet-Chastel, 1995.

72

Письмо Альфреду Ле Пуатвену. 15 апреля 1845 года.

73

Там же.

74

Письмо Альфреду Ле Пуатвену. 15 апреля 1845 года.

75

Письмо Альфреду Ле Пуатвену. 1 мая 1845 года.

Питер Брейгель Старший (около 1525–1569) — нидерландский живописец и рисовальщик. — *Прим. пер.*

77

См.: *Flaubert G.* Voyage en Italie // *Flaubert G.* Les Mémoires d'un fou. Novembre. Pyrénées — Corse. Voyage en Italie.

78

Письмо Альфреду Ле Пуатвену. 26 мая 1845 года.

79

Письмо Альфреду Ле Пуатвену. 20 сентября 1845 года.

80

Письмо Эрнесту Шевалье. Конец января 1846 года.

81

Письмо Луизе Коле. 5 марта 1853 года.

82

Письмо Максиму Дюкану. 15 марта 1846 года.

83

Письмо Альфреду Ле Пуатвену. 31 мая 1846 года.

84

Письмо Эрнесту Шевалье. 4 июня 1846 года.

85

Шарль Огюстен де Сент-Бёв (1804–1869) — французский литературовед и литературный критик. — *Прим. пер.*

86

Письмо Луизе Коле. 7 августа 1846 года.

Там же.

88

Письмо Луизе Коле. 4 августа 1846 года.

89

Письмо Луизе Коле. 10 сентября 1846 года.

90

Flaubert G. Correspondance / édition établie, présentée et annotée par J. Bruneau, Paris: Gallimard; Bibliothèque de la Pléiade. T. 1 (1830 — juin 1851), 1973. P. 1011.

91

Post coitum animal triste соответствует лат. *Post coitum omne animal triste est, sive gallus et mulier* — «Всякое животное после соития грустно, кроме женщины и петуха». — *Прим. пер.*

92

Письмо Луизе Коле. 12 сентября 1846 года.

Troyat H. Gustave Flaubert. Paris: Flammarion, 1988. P. 87.

94

Письмо Луизе Коле. 16 декабря 1846 года.

95

Письмо Луизе Коле. Конец декабря 1846 года.

Менгир (от н-брет. *men* — «камень» и *hir* — «длинный») — простейший мегалит в виде установленного человеком грубо обработанного дикого камня, у которого вертикальные размеры заметно превышают горизонтальные. — *Прим. пер.*

97

Письмо Луизе Коле. 11 июня 1847 года.

98

Письмо Луизе Коле. 14 июля 1847 года.

99

Письмо Луизе Коле. Октябрь 1847 года.

100

Sartre J. P. L'Idiot de la famille. 3 tomes. Paris: Gallimard, 1971–1972. T. 1. P 1079.

101

Письмо Луизе Коле. Конец декабря 1847 года.

102

Письмо Максиму Дюкану. 7 апреля 1848 года.

103

Письмо Эрнесту Шевалье. 10 апреля 1848 года.

Lottman H. R. Op. cit. P. 135.

105

См.: *Du Camp M.* Souvenirs littéraires, préface / édition de Daniel Oster. Paris: Aubier, 1994.

См.: Там же.

107

См.: Там же.

108

Бенедикт (Барух) Спиноза (1632–1677) — нидерландский философ-рационалист, натуралист.

109

Мишель де Монтень (1533–1592) — французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор книги «Опыты». — *Прим. пер.*

110

Антуан Галлан (1646–1715) — французский востоковед, антиквар. — *Прим. пер.*

111

Эжен Делакруа (1798–1863) — французский живописец и график. — *Прим. пер.*

112

Эжен Фромантен (1820–1876) — французский живописец, писатель и историк искусства. — *Прим. пер.*

113

Жан Леон Жером (1824–1904) — французский художник. — *Прим. пер.*

Troyat H. Gustave Flaubert. P. 112.

115

Теофиль Готье (1811–1872) — французский поэт и критик романтической школы. — *Прим. пер.*

Troyat H. Gustave Flaubert. P. 112.

Flaubert G. Voyage en Orient. Paris: Gallimard, 2006. P. 92.

118

Там же.

119

Письмо брату Ашилю. 15 декабря 1849 года.

120

Письмо Луи Буйе. 13 марта 1850 года.

121

Там же.

122

Там же.

123

См.: *Du Camp M.* Op. cit.

124

Письмо Луи Буйе. 13 марта 1850 года.

125

Письмо матери. 24 марта 1850 года.

126

Письмо Луи Буйе. 2 июня 1850 года.

127

Письмо Луи Буйе. 20 августа 1850 года.

128

Письмо Луи Буйе. 14 ноября 1850 года.

129

Там же.

130

Там же.

131

Письмо Луи Буйе. 14 ноября 1850 года.

132

Письмо к матери. 15 декабря 1850 года.

133

Там же.

134

Письмо Луи Буйе. 19 декабря 1850 года.

135

Там же.

136

Там же.

137

Карл Бедекер (1801–1859) — немецкий издатель, основавший в 1827 году в Кобленце издательство путеводителей по разным городам и странам. — *Прим. пер.*

138

Письмо дяде Парену. 6 октября 1850 года.

139

Там же.

Воспоминания Луизы Коле цит. по: *Troyat H.* Gustave Flaubert.

141

Письмо Луизе Коле. 20 сентября 1851 года.

142

Письмо Луизе Коле. 20 сентября 1851 года.

143

Письмо Максиму Дюкану. 21 октября 1851 года.

144

Письмо Луизе Коле. 31 января 1852 года.

145

Письмо Максиму Дюкану. 26 июня 1852 года.

См.: *Sartre J. P.* Qu'est-ce que la littérature? Paris: Gallimard, 1985.

147

Письмо Луизе Коле. 20 марта 1852 года.

148

Письмо дяде Парену. 15 января 1852 года.

149

Письмо Генриетте Колье. 8 декабря 1851 года.

150

Письмо Луизе Коле. 3 апреля 1852 года.

151

Письмо Максиму Дюкану. 26 июня 1852 года.

152

Письмо Луизе Коле. 31 декабря 1851 года.

153

Письмо Луизе Коле. 20 марта 1852 года.

154

Альфред де Мюссе (1810–1857) — французский поэт, драматург и прозаик, один из крупнейших представителей литературы романтизма. — *Прим. пер.*

155

Письмо Луизе Коле. 7 июля 1852 года.

156

Альфред Виктор де Виньи (1797–1863) — французский писатель. — *Прим. пер.*

157

Письмо Луизе Коле. 6 марта 1855 года.

158

Там же.

159

Письмо Луизе Коле. 17 июля 1852 года.

160

Письмо Луи Буйе. 23 мая 1855 года.

161

Письмо Луи Буйе. 23 мая 1855 года.

162

Письмо Луизе Коле. 2 января 1854 года.

163

Письмо Луи Буйе. 1 июня 1856 года.

164

Письмо Луизе Коле. 24 апреля 1852 года.

165

Письмо Луи Буйе. 17 июня 1856 года.

166

Письмо Луизе Коле. 15 января 1853 года.

167

Письмо Максима Дюкана Флоберу. 14 июля 1856 года.

168

Письмо Максима Дюкана Флоберу. 18 ноября 1856 года.

169

Письмо Лорану Пиша. 2 октября 1856 года.

170

Письмо Лорану Пиша. 7 декабря 1856 года.

171

Письмо брату Ашилю. 1 января 1857 года.

172

Письмо брату Ашилю. 1 января 1857 года.

173

Письмо Элизе Шлезингер. 14 января 1857 года.

174

Письмо брату Ашилю. 16 января 1857 года.

175

Шарль Пьер Бодлер (1821–1867) — поэт и критик, классик французской и мировой литературы. — *Прим. пер.*

176

Цит. по: *Flaubert G.* Madame Bovary. Paris: Le Livre de Poche, 1856.

177

Письмо брату Ашилю. 30 января 1857 года.

178

Письмо Фредерику Бодри. 11 февраля 1857 года.

Troyat H. Gustave Flaubert. P. 77.

180

Там же.

Troyat H. Gustave Flaubert. P. 77.

182

Там же.

183

Идиосинкразия — болезненная реакция, возникающая у некоторых людей в ответ на определенные неспецифические (в отличие от аллергии) раздражители. — *Прим. пер.*

184

Письмо мадемуазель Леруайе де Шантепи. 30 марта 1857 года.

185

Эрнест Фейдо (1821–1873) — французский писатель. — *Прим. пер.*

Жозеф Эрнест Ренан (1823–1892) — французский писатель, историк и филолог. — *Прим. пер.*

187

Письмо Луизе Коле. 16 января 1852 года.

188

Там же.

189

См.: *Biasi P. M.* Gustave Flaubert: une manière spéciale de vivre. Paris: Grasset, 2009.

190

Письмо мадемуазель Леруайе де Шантепи. 12 декабря 1857 года.

191

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. 11 апреля 1857 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

192

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. 11 апреля 1857 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

193

Письмо Леруайе де Шантепи. 23 января 1858 года.

194

Письмо Альфреду Бодри. 10 февраля 1858 года.

195

Письмо Альфреду Бодри. 23 марта 1858 года.

196

Письмо Луи Буйе. 24 апреля 1858 года.

197

Письмо Луи Буйе. 24 апреля 1858 года. *(Югурта* — царь Нумидии, Северная Африка, правивший в 118–105 годах до н. э. — *Прим. пер.)*

198

Там же.

199

Письмо Луи Буйе. 2 мая 1858 года.

Цит. по: *Troyat H.* Gustave Flaubert.

201

Письмо Луи Буйе. 2 мая 1858 года.

202

Письмо Жюлю Дюплану. 20 мая 1958 года.

203

Путевой дневник Флобера цит. по: *Lottman H. R.* Op. cit.

204

Письмо Эрнесту Фейдо. 24 июня 1858 года.

205

Письмо Эрнесту Фейдо. Октябрь 1858 года.

206

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. Ноябрь 1858 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

207

Письмо Эрнесту Фейдо. 21 августа 1859 года.

208

Письмо Амелии Боске. Ноябрь 1859 года.

209

Письмо мадемуазель Леруайе де Шантепи. 26 декабря 1858 года.

210

Письмо Морису Шлезингеру. Декабрь 1859 года.

211

Письмо принцессе Матильде. Декабрь 1865 года.

212

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. 29 ноября 1865 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

213

Там же. Март 1860 года.

214

Письмо Максиму Дюкану. 15 августа 1860 года.

215

Письмо Луи Буйе. 15 марта 1860 года.

216

Письмо братьям де Гонкур. Май 1861 года.

217

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. Май 1861 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

218

Письмо мадемуазель Леруайе де Шантепи. 24 апреля 1862 года.

219

Письмо Эдме Роже де Женетт. Июль 1862 года.

220

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. Май 1861 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

221

Письмо Жюлю Дюплану. 5 июля 1862 года.

222

Там же.

223

Письмо Луизе Коле. 16 февраля 1852 года.

Письмо Луизы Коле Эдме Роже де Женетт // *Guinol J. B.* Dictionnaire Haubert. Paris: CNRS, 2010. P. 154.

225

Письмо Жорж Санд Флоберу. 28 января 1862 года.

226

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. 28 февраля 1870 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

227

Письмо Ивану Тургеневу. 30 апреля 1870 года.

228

Письмо Жюлю Дюплану. Апрель 1863 года.

229

Письмо племяннице Каролине. 23 декабря 1863 года.

230

Эдмон и Жюль де Гонкуры. Дневник. 18 января 1864 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

231

От нем. *Bildungsroman* — классический роман воспитания. — *Прим. пер.*

См.: *Girard R.* Mensonge romantique et vérité romanesque. Paris: Grasset, 1961.

233

См.: *Flaubert G.* L'Education sentimentale. Paris: Gallimard, 2005 (ч. 2, гл. II).

См.: Там же (ч. 3, гл. I).

235

Письмо Жорж Санд. 19 сентября 1868 года.

236

Письмо Эдме Роже де Женетт. 12 ноября 1866 года.

237

Письмо Альфреду Мори. 20 августа 1866 года.

238

Письмо Жорж Санд. 30 января 1867 года.

239

Письмо Жорж Санд. 6 мая 1867 года.

240

Письмо Жорж Санд. 17 мая 1867 года.

241

Письмо племяннице Каролине. 7 июня 1867 года.

242

Письмо Жорж Санд. 12 июня 1867 года.

243

Письмо Жюлю Дюплану. 16 мая 1869 года.

244

Жюль Амадей Барбе д’Оревильи в журнале «Конституционель». Конец ноября 1869 года.

245

Письмо Жорж Санд. 3 декабря 1869 года.

См.: *Sartre J. P.* Qu'est-ce que la littérature?

247

Письмо Жорж Санд. Конец мая 1870 года.

248

Письмо Эдме Роже де Женетт. 23 июня 1870 года.

См.: *Llosa M. V.* L'Orgie perpétuelle (Flaubert et Madame Bovary). Paris: Gallimard, 1978.

250

Письмо племяннице Каролине. 8 июля 1870 года.

251

Письмо Жорж Санд. 17 августа 1870 года.

252

Письмо племяннице Каролине. 26 августа 1870 года.

253

Там же.

Сражение при Вальми — битва у деревушки Вальми в Северной Франции, произошедшая 20 сентября 1792 года в ходе войны Первой коалиции, ставшей частью французских революционных войн. — *Прим. пер.*

255

Письмо Жорж Санд. 10 сентября 1870 года.

256

Письмо принцессе Матильде. 23 октября 1870 года.

257

Письмо племяннице Каролине. 1 февраля 1871 года.

Там же.

259

Письмо Жорж Санд. 18 декабря 1867 года.

См.: *Sartre J. P.* Qu’est-ce que la littérature?

261

Письмо Жорж Санд. 24 апреля 1871 года.

262

Там же.

263

Леон Мишель Гамбетта (1838–1882) — французский политический деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 годах. — *Прим. пер.*

264

Письмо Жорж Санд. 24 апреля 1871 года.

265

Письмо Элизе Шлезингер. 22 мая 1871 года.

266

Письмо Жорж Санд. 11 июня 1871 года.

267

Письмо Элизе Шлезингер. 22 мая 1871 года.

268

Ги де Мопассан в газете «Ревю бле». 19 января 1884 года.

269

Письмо Жорж Санд. 7 октября 1871 года.

270

Письмо Жорж Санд. 21 января 1872 года.

271

Письмо племяннице Каролине. 15 февраля 1872 года.

272

Письмо Максиму Дюкану. 6 апреля 1872 года.

273

Письмо Жорж Санд Флоберу. 9 апреля 1872 года.

274

Письмо племяннице Каролине. 23 апреля 1872 года.

275

Письмо мадемуазель Леруайе де Шантепи. 21 июня 1872 года.

276

Эдмон де Гонкур. Дневник. 21 июня 1872 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2.

277

Письмо Ивану Тургеневу. 5 июня 1872 года.

Цит. по: *Flaubert G.* La Tentation de saint Antoine / édité par C. Gothot-Merch. Paris: Gallimard, 1983.

Там же.

280

Там же.

281

Письмо племяннице Каролине. 14 сентября 1872 года.

282

Письмо Жорж Санд. 1 июля 1872 года.

283

Письмо племяннице Каролине. 25 октября 1872 года.

284

Письмо Эдме Роже де Женетт. 5 октября 1872 года.

285

Письмо госпоже Ренье. Январь 1873 года.

286

Письмо Жорж Санд сыну Морису. 3 мая 1873 года.

287

Эдмон де Гонкур. Дневник. 3 мая 1873 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2.

Lottman H. R. Op. cit. P. 378.

289

Письмо Лоре де Мопассан. 30 октября 1872 года.

Поль Алексис (1847–1901) — французский писатель. — *Прим. пер.*

291

Ги де Мопассан в газете «Эко де Пари». 24 ноября 1890 года.

292

Письмо племяннице Каролине. 21 мая 1873 года.

293

Письмо принцессе Матильде. 3 июня 1873 года.

294

Письмо Эдме Роже де Женетт. 18 июня 1873 года.

295

Анри Франсуа Бек (1837–1899) — французский драматург и литературный критик. Один из создателей натурализма в театре. — *Прим. пер.*

Октав Мирбо (1848–1917) — французский писатель, романист, драматург, публицист и художественный критик, член Академии Гонкуров. — *Прим. пер.*

297

Луи Филипп Альбер Орлеанский, граф Парижский (1838–1894) — представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов, герцог Орлеанский. — *Прим. пер.*

298

Письмо племяннице Каролине. 21 августа 1873 года.

299

Морис Надо в предисловии к тому «Театр» полного собрания сочинений Флобера. См.: *Flaubert G.* Oeuvres complètes: 18 vol. / édition établie par M. Nadeau. Lausanne: Rencontre, 1964–1965.

300

Письмо Жорж Санд. 30 октября 1873 года.

301

Письмо Эдме Роже де Женетт. 2 декабря 1873 года.

Сторонника монархии, реакционера. — *Прим. пер.*

303

Письмо Жорж Санд. 7 февраля 1874 года.

304

Письмо Жорж Санд. 12 марта 1874 года.

305

Рене Сюлли-Прюдом (Рене Франсуа Арман Прюдом) (1839–1907) — французский поэт и эссеист, член группы «Парнас». — *Прим. пер.*

306

Эдмон де Гонкур. Дневник. 12 марта 1874 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2.

307

Письмо Жорж Санд. 15 марта 1874 года.

Жюль Амеде Барбе д'Оревильи (1808–1889) — французский писатель и публицист. — *Прим. пер.*

309

Цит. по: *Troyat H.* Gustave Flaubert.

310

Письмо Эдме Роже де Женетт. 17 июня 1874 года.

311

Там же.

312

Там же.

313

Письмо Ивану Тургеневу. 2 июля 1874 года.

314

Письмо Жорж Санд. 3 июля 1874 года.

Lottman H. R. Op. cit. P. 398.

316

Письмо Жорж Санд. 14 июля 1874 года.

317

Письмо племяннице Каролине. 14 ноября 1874 года.

Альфонс Доде (1840–1897) — французский романист и драматург. — *Прим. пер.*

319

Катюлль Мендес (1841–1909) — французский писатель. — *Прим. пер.*

320

Письмо Жервэ Шарпантье. Декабрь 1874 года.

321

Письмо Жорж Санд. 27 марта 1875 года.

322

Письмо Жорж Санд. 10 мая 1875 года.

323

Письмо Эмилю Золя. 13 августа 1875 года.

Агенор Барду (1829–1897) — французский политический деятель. — *Прим. пер.*

325

Письмо баронессе Лепик. Март или апрель 1880 года.

Жорж Пуше (1833–1894) — французский врач и зоолог. — *Прим. пер.*

327

Письмо Леонии Бренн. 5 января 1876 года.

Другое название в переводе «Легенда о святом Юлиане Милостивом». — *Прим. пер.*

329

Письмо Эдме Роже де Женетт. 30 октября 1876 года.

330

Эдмон де Гонкур. Дневник. 19 февраля 1877 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2.

331

Письмо Жорж Санд. Конец декабря 1875 года.

332

Письмо Ги де Мопассану. 25 декабря 1876 года.

333

Письмо Жорж Санд. 14 марта 1873 года.

334

Письмо Эдме Роже де Женетт. 13–18 марта 1876 года.

335

Письмо принцессе Матильде. 19 июня 1876 года.

336

Эдмон де Гонкур. Дневник. 18 февраля 1877 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2.

337

Письмо Эдме Роже де Женетт. 2 апреля 1877 года.

Lottman H. R. Op. cit. P. 431.

Ibid. P. 432.

340

Письмо Леонии Бренн. 3 марта 1877 года.

341

Там же.

342

Жорис Карл Гюисманс (Шарль Жорж Мари Гюисманс) (1848–1907) — французский писатель. Первый президент Гонкуровской академии. — *Прим. пер.*

343

Анри Сеард (1851–1924) — французский писатель, поэт, драматург. — *Прим. пер.*

Леон Энник (1851–1935) — французский писатель. — *Прим. пер.*

345

Письмо Ги де Мопассана Роберу Пишону. 2 марта 1877 года.

Теодор де Банвиль (1823–1891) — французский поэт, драматург, критик, журналист и писатель. — *Прим. пер.*

347

Теодор де Банвиль в газете «Насьональ». 14 мая 1877 года.

348

Письмо, адресат неизвестен. 21 мая 1877 года.

349

Письмо племяннице Каролине. Начало июня 1877 года.

Thibaudet A. Gustave Flaubert. Paris: Gallimard, 1982. P. 203.

351

Франсуа Мари Шарль Фурье (1772–1837) — один из основоположников французского утопического социализма. — *Прим. пер.*

352

Письмо Луизе Коле. 16 декабря 1852 года.

353

Последователь учения, по которому рядом с материальным миром признаётся существующим совершенно независимо от него мир духовный. — *Прим. пер.*

Луи Фердинанд Селин (1894–1961) — французский писатель, врач по образованию. — *Прим. пер.*

Sartre J. P. L'Idiot de la famille. T. 1. P. 613.

356

Письмо принцессе Матильде. 27 июня 1877 года.

357

Письмо Эдме Роже де Женетт. Август 1877 года.

Lottman H. R. Op. cit. P. 440.

359

Фекам — порт в Верхней Нормандии недалеко от Гавра. — *Прим. пер.*

360

Леон Мишель Гамбетта (1838–1882) — французский политический и государственный деятель, адвокат.

361

Жюль Ферри (1832–1893) — известный французский политический деятель. Был в Париже адвокатом и публицистом республиканской партии, позднее министром просвещения. — *Прим. пер.*

362

Письмо Эмилю Золя. 15 августа 1878 года.

363

Там же.

Ипполит Адольф Тэн (1828–1893) — французский философ-позитивист, эстетик, писатель, историк, психолог. — *Прим. пер.*

365

Письмо принцессе Матильде. 13 июня 1878 года.

Трапписты — члены монашеского ордена цистерцианцев строгого соблюдения. — *Прим. пер.*

367

Письмо принцессе Матильде. 30 октября 1878 года.

Там же.

369

Письмо Леонии Бренн. Январь 1879 года.

370

Письмо племяннице Каролине. 30 января 1879 года.

371

Жорж Шарпантье (1846–1905) — французский писатель, редактор и книгоиздатель.

Жюльетта Адам (урожденная Ламбер) (1836–1936) — французская писательница и журналистка.

Жюль Жермен Клоке (1790–1883) — французский врач. — *Прим. пер.*

374

Письмо Эдме Роже де Женетт. 13 июня 1879 года.

Артур Шопенгауэр (1788–1860) — немецкий философ. — *Прим. пер.*

376

Письмо Эдме Роже де Женетт. 13 июня 1879 года.

Lottman H. R. Op. cit. P. 468.

378

Эдмон де Гонкур. Дневник. 10 декабря 1879 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

Камиль дю Локль (1832–1903) — французский либреттист, оперный продюсер и менеджер. — *Прим. пер.*

380

Фермопильское сражение — сражение в сентябре 480 года до н. э. в ходе греко-персидской войны 480–479 годов до н. э. в ущелье Фермопилы. В других источниках называется битвой при Термопилах. — *Прим. пер.*

381

Эдмон де Гонкур. Дневник. 20 сентября 1878 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 1.

382

Персонажи романа Виктора Гюго «Отверженные». — *Прим. пер.*

383

Письмо Эдме Роже де Женетт. Октябрь 1879 года.

384

Письмо принцессе Матильде. 8 декабря 1879 года.

385

Письмо Ивану Тургеневу. Январь 1880 года.

386

Письмо Ги де Мопассану. 1 февраля 1880 года.

387

Рауль Дюваль — муниципальный советник в Руане. — *Прим. пер.*

388

Письмо Ги де Мопассану. 19 февраля 1880 года.

389

«Нана» — девятый из двадцати романов Эмиля Золя серии «Ругон-Маккары». — *Прим. пер.*

390

Письмо Ги де Мопассану. 15 января 1879 года.

Lottman H. R. Op. cit. P. 483.

392

Эдмон де Гонкур. Дневник. 28 марта 1880 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2.

393

Письмо Луизе Коле. 21 августа 1853 года.

394

Эдмон де Гонкур. Дневник. 14 мая 1880 года.

395

Ги де Мопассан в газете «Голуа» («Le Gaulois»). 6 апреля 1881 года.

396

Эдмон де Гонкур. Дневник. 23 ноября 1890 года. См.: *Гонкур Э.* Дневник. Записки о литературной жизни. Т. 2.